

Архимандрит Сергей (Савельев): Из проповедей в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове

Проповедь

Что-то трудно сегодня мне беседовать... Мысли грустные. Мысли, которые покоя мне не дают. Вот и вчера ночью хотел заснуть, а сна — нет. Бушуют мысли, и думаешь: что же это такое? Проверяешь себя и видишь, что ну как же им не бушевать. Ведь то, что слышит сердце, то, что проходит через сознание, — мучительно. Откроешь газету — да, там много хороших известий... А душа тоскует, душа жаждет пищи духовной.

Я вам в прошлый раз говорил о том, что новая жизнь создается. Это великое дело. Дышать, продолжать жить так, как мы жили раньше, невозможно. Это было страшное землетрясение — в 1917 году. Хорошо, но ведь после этого прошло уже много лет, почему же сейчас-то мы, христиане, в таком грустном, бедственном положении?

Мы приходим сюда, в храм, чтобы как-то обогреться. Обогреемся — и уходим, и снова делаемся, как сосульки ледяные. А холод-то, мороз-то уже проходит и внутрь храма. И уже в храме-то сосульки нас покрывают. Мерзнем. Вероятно, вот так замерзают люди, когда мороз, когда они заблудятся и уже без сил остаются. Так вот и мы. Казалось бы, сладкое засыпание. А у нас — засыпание мучительное.

Почему же это так и почему мы приходим в храм, когда уже или состаримся, или когда уже страдаемся, или когда больными сделаемся? А когда мы крепкие, молодые, здоровые, тогда нам и в храм-то не хочется идти — живем беззаботно.

А из храма выходим как? Выходим из храма — и вновь погружаемся в среду, которая не приемлет нас, для которой мы как бы чуждые. Мы сами становимся как бы двумя сосудами, которые не соединяются друг с другом. И это вместо того, чтобы выйти из храма и там найти для себя продолжение храма. И это вместо того, чтобы помнить, что храм Божий внутри каждого из нас, и что этот храм в нас — самый драгоценный, и мы должны хранить его с юных лет, оберегая от всего порочного. Мы с вами, как избитые врагом рода человеческого, только тогда задумываемся о себе, когда приходит час испытаний.

А ведь, дорогие мои, весь мир — храм. Храм Божий — всюду. «На всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа» (Пс 102: 22). Нет такого места, где бы не было благоволения, благодати Божией.

Как же мы дожили до такого состояния, что исчезает все? Почему же мы мерзнем? Почему же холодно? Если «на всяком месте владычество Его», то, значит, это и в храме, и вне храма — в продолжении храма. И мир является как бы вливающимся в храм. И под покровом храма — под каким покровом? покровом небесным, покровом необозримым — все мы, все люди, все человечество призваны к жизни.

А где же, где же эта жизнь? ... Что же это такое? Бросают бомбы, даже не думая, куда бросают... Почему эти люди так ведут себя? Что-то такое помутилось. Что-то страшное происходит. Когда я читаю в газетах добрые вести, хорошие вести, в это же время у меня звучит как будто колокол в моем мозгу: старик, это все так, но ты разве не чувствуешь, как

загорается земля?.. Все слышу. Душа разрывается...

Как же мы пришли к такому положению? Почему сейчас, когда жатва уже поспела, когда уже многие жнут ее, мы, верующие люди, мало что делаем? Жатвы много, поэтому много надо труда, много надо терпения, много надо любви и много нужно самоотвержения в жизни настоящей. Вот сейчас — выйдешь из храма, и тут же ты нужен. Как кто? Как отец, как мать, как ребенок. Только сердце твое должно быть открыто, должно быть исполнено благодати Божией.

А как ты выходишь из храма? С чем ты идешь? Холод, холод сковывает тебя, и ты мрачный приходишь домой, и там у тебя беспорядок. Как же тебе согреть других, когда ты сам — сосулька? И так идет вся жизнь христианина. Это очень тяжело.

Как же могло случиться, что только теперь как будто бы есть вот у нас маленький храмик, маленький приход, не приход даже, у нас прихода нет, у нас община маленькая, и здесь мы как-то пытаемся еще что-то создать? А почему же раньше все это не делалось? Почему же мы так оскудели, что допустили до такого страшного развала свою духовную жизнь в прошлом? ... Где мы, христиане, были-то? Что же делали? Вот об этом и скорбит душа моя, ибо мы, дорогие мои, ушли, ушли от Христа, от пути Божьего. Как же это случилось? А случилось это потому, что страсти мирские, страсти порочные овладели нами, подчинили нас себе... Мы были с помещиками... мы были с богачами... Вот, народ, видя это, и оскудел, оскудел и отошел от церкви. Он ушел в обрядность. Сама же жизнь церковная, само Тело Христово, само созидание храма Божьего внутри нас — оно было в нас убито.

Народ пошел в обряд. Крестины, венчания, погребения — вот внешняя форма выполнена, и все. А о том, что Крещение — это приобщение ко Христу, и что вся жизнь наша должна развиваться в этом духе, об этом мы и не думали. Почему? Потому что те, кто вас учил, кто вами руководил, то есть мы, духовные люди, мы, священнослужители, старались даже как-то отвлечь вас от этого. Мы как бы загоняли вас в обряд, как в тупик, лишь бы вас чем-нибудь поразить. Поразить чем? Величием. Ну, храмы величественные, богослужения величественные, протодиаконы, от голосов которых потрясались стены... И мужичок, видя все это, как бы сам себя терял. Он уже не мог даже это воспринять. Он — уходил, говоря: «Да, нужно покрестить ребенка, нужно, конечно, это обязательно сделать». А дальше что? «Пойдем лучше в монастырь, пойдем куда-нибудь — искать Божия человека, искать где-нибудь правды».

И вот началось по земле русской хождение, хождение, хождение... Придут в монастырь, побудут там денечек, другой, третий, идут дальше, и уже в самом хождении этом, в самом как бы умственном восприятии того святого места, где они были, они уже как бы успокаивались: «Ну, хорошо. Есть еще правда, есть еще... где-то можно отдохнуть», и вновь возвращаются к себе на тяжкий труд.

Вот так и жили, пока не пришел час. Пока не взорвалось все это и всех нас не расточило. Вот так нас Господь наказал, что до сих пор мы не можем опомниться. Мне страшно становится. Я не знаю, опомнимся ли мы или нет. Ведь мы серьезно приняли то, что по существу — совсем не то, что нужно.

Вот, я сходил в храм, вернулся, окунулся в жизнь — и все. Да не это нужно для нас. Нам нужна постоянная жизнь во Христе, чтобы храм Божий, который внутри нас, освещал всю нашу жизнь. Но как он может ее освещать, когда кругом такие переживания, когда Христос совсем не нужен, молитва не нужна, верующих людей считают людьми отсталыми? Мы слабенькие, очень слабенькие, устоять нам очень трудно, а в то же время мы чувствуем, что это нужно, для жизни нужно, для всех нужно, и особенно нужно теперь для устроения нашей жизни.

Благодать Христова, освящающая нас, преображающая нас, делающая нас подлинными людьми, она совершенно необходима. Но в ком звучит эта благодать? Покажите мне такого человека. Если где и замечен этот огонек, он — завален, его и не видно. А что видно? Такой разброд какой-то на наших глазах. А там — ждут нас.

Так что же? Кого же нам винить за это? Дорогие мои, когда ставится вопрос о том, кого винить, то на этот вопрос один ответ: винить только самих себя.

Я всей душой верю в то, что подлинная Христова любовь, подлинная любовь к исполнению заповедей Христовых нужна сейчас — все это нужно как воздух. И если этого нет у нас, и если мы к этому неспособны, то пусть закроются мои глаза. Что делать? Я люблю свою родину, люблю свой народ, я преисполнен этой любви, я делаюсь молодым, когда мне нужно послужить своему народу. Но послужить таким, каков я есть, как сын Церкви, как сын, исповедающий Христа, как сын, для которого эта жизнь является приготовлением к вечной жизни. Без вечной жизни для меня нет жизни. А в эту вечную жизнь и новая жизнь вписывается очень хорошо.

Новая жизнь нам теперь открылась, и мы должны это признать, что действительно новая жизнь открылась нам. Раньше никогда не могли бы мы так говорить, как говорим сейчас. Раньше никогда не были открыты нам те язвы духовной жизни, которые теперь так смердят и отвращают людей от нас. Все было скрыто, прикрыто золотом, все было прикрыто богатством, шумом и всякими другими внешними украшениями.

А теперь все обнажилось, и за одно это мы должны благодарить Бога. По крайней мере теперь мы узнали, как мы бедны, узнали, что мы наги и что нечем нам прикрыться. Потому что прикрыться нам можно лишь благодатью Христовой, которая ткется через любовь ко Христу и через исполнение заповедей Христовых. Одна надежда на то, что выстрадаем мы эту любовь, эту жизнь. Выстрадаем! Господь поможет нам. И верится мне, что будут новые люди, за нами придут. Я столько раз себе говорил: «Сзади тебя идет другой — в белой одежде. Он сделает несравненно больше того, что делал ты, будучи в лохмотьях. Не падай духом, потому что ты уже слышишь, как идут, идут эти новые люди. Новые люди, которые освобождены от той слепоты, в которую нас вогнала ужасная старая жизнь. Они по-новому посмотрят на жизнь, по-новому посмотрят на Христа, по-новому почувствуют святую Церковь, и это их укрепит, и они найдут свое место для служения Богу в этом трудном, тяжелом, но божественном мире». Эта надежда даже в самые трудные моменты моей жизни не покидает меня.

Дай Бог, чтобы она, эта надежда, укреплялась бы в вас, и мы всеми силами будем стараться подвигаться вперед, закрывая глаза на все то, что искушает нас, закрывая глаза на все темное и черное, и только лишь одно имея перед собою — Христа, благодать Христову, Пречистую Матерь. И что? И желание послужить в этом несчастном, но в то же время и божественном мире.

Да хранит вас Господь!

Аминь.

Еще хочу несколько слов сказать. Не бойтесь скорбей. Скорби спасительны для нас, умягчают наше сердце и раскрывают перед нами радость. Скорби необходимы для нас. Только их нужно без ропота нести — нести и благодарить Бога.

Они необходимы для нас, чтобы нашу душу, наше сердце смягчить. Мы очень грубые, мы мало жалеем друг друга, а между тем ничего так сейчас не нужно в жизни, как милое сердце. Ничего!

Жалейте, жалейте, без конца жалейте друг друга, чтобы всякий вздох скорбной души, такой безутешный, всегда находил в вашем сердце место.

«Милости хочу, — Спаситель сказал, — а не жертвы».

Простите меня.

29 января 1975 г.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Е. Щ.

В детстве я завидовала сверстникам — крещеным, это была какая-то тайна, что-то интересное и недоступное. Все наши родственники, родители, дедушки, бабушки были абсолютно неверующими, никогда о Боге в семье никто не говорил. Все верили в коммунизм, партию, в то, что есть слово «надо» и нужно быть полезным людям и своей стране. Так и нас с сестрой воспитывали. Я была отличницей в школе, музыкальном училище, консерватории, вожатой (пионерской), активисткой, привыкла рассчитывать на свои силы, свой труд.

Постепенно начала осознавать, что «не все у нас в порядке», в комсомоле много лжи, формализма и фальши, а уж в партии...

Вообще внешне я как бы «перла как танк», преодолевая своей волей и целеустремленностью препятствия на своем пути. Иногда этим «препятствием» становились люди и это выливалось в «борьбу с врагом». Я начала набивать шишки и душевные рубцы, мучилась. Страдала и понимала, что это — мой характер, который нужно менять, иногда в результате очередного страдания выходила на новый уровень, но в общем скользила по замкнутому кругу. Ситуации повторялись. Не получив желаемого результата, я впадала в депрессию, потом усилием воли или раскаянием выходила из нее — и так прошла моя юность в «борениях».

Мама всегда говорила: «Спустишься с небес на землю. Да, жизнь такая — трудная, тяжелая. Это жизнь!» А я кричала, что не хочу такой жизни, жизнь должна быть радостной и светлой — иначе зачем жить? Примерно с четырнадцати лет между нами выросла стенка — родители с их разбитыми жизнью идеалами, но от которых они не хотели отказываться, и я со своими устремлениями к счастью и не сбывающимися надеждами.

Когда меня морально предал дорогой мне по духу человек, я пыталась умереть, но спасли. После этого стала всего бояться — шума, машин, людей, я была будто без кожи, на все реагировала бурно, неадекватно. С этим «букетом» я встретила самого любимого в будущем человека. Теперь я понимаю, что эту «соломинку», которая оказалась такой мощной опорой, мне послал Бог — Он вел меня, любил, терпел, поднимал из пепла, наставлял, посылал подарки и радости, все время был рядом. В нашей десятилетней совместной жизни было так много яркого, насыщенного, праздников, сказок, разочарований, потерь, ошибок, постоянного труда — от зари до зари. Мы поднимали и вели свое дело, свой коллектив — это было невероятно трудно. Кругом бюрократы, а мы боремся, хотя все больше приходили к мысли, что мы сами — источник своих и бед, и радостей, что надо менять отношения к миру, к людям. В

общем, это был постоянный духовный поиск, поиск гармонии в себе и с миром, но поиск своими силами и средствами, в основном впопыхах, методом проб и ошибок. Когда я ощутила в какой-то момент пик счастья, через несколько месяцев, оглядываясь на свою жизнь, я поняла, что за ним, земным счастьем, как обратная сторона медали, стояла духовная смерть: сплошные телики, видики, сериалы, боевики, «расслабуха» и опустошение после работы, раздражение, гнев, суета и издерганность — и все это от боязни потерять, желания большего, которое не удовлетворить, подмены ценностей духовных ценностями сиюминутными, доставляющими мелкую радость, удовлетворение своих желаний и тщеславия, от животной боязни потерять любимых людей. Гордость — мы такие хорошие, умные, талантливые, мы пахали, боролись, мучились, но выстояли, и теперь настала пора спокойной жизни, умиротворения и пожинания плодов.

Оглядываясь на детство и юность, вспоминаю, как всегда тянуло в церковь. В пионерском лагере отдыхала: как-то зашли в церковь, встали сзади, озираемся везде — красиво, хорошо! — а в мозгу вертится фраза чьих-то наставлений: «В храме так все красиво, чтобы завлечь людей в религию, одурманивать». Я, восьмилетняя, стою и думаю: «Ах, хорошо увлекают!... Так можно действительно увлечься» — и поспешно выхожу.

И так всю жизнь во всех городах — все церкви обходила, затем решила креститься. Но что-то мешало: чего-то я не понимаю, а просто так не могу. Меня завораживали рассказы, воспоминания людей, бывших репрессированных. Оказывается, выжили в лагерях «гнилые» интеллигенты и ...верующие: среди воров, убийц и проституток их не только не затоптали, они умиротворяли эту публику, гасили скандалы, мат и драки, обучали их.

Я начала обращаться к Богу — но «по Лазареву» и «по Васильевой». Когда обращалась — Бог исполнял мои прошения. В тот день, когда родился второй, долгожданный сын, повесили давно снятые (из-за ремонта) иконы, я помолилась. Родители были недовольны: «Зачем вы «рака» родили?» Они «зациклились» на астрологии и на Васильевой. Я дергалась, боялась сглаза, читала и молитвы, и заговоры, носила амулеты, к Богу перестала обращаться.

... Он умер мгновенно во сне. Это было как удар кинжалом или по голове. Я не могла прийти в себя от ужаса, страха и в то же время думала: Бог забрал или — наказал. Я стала перебирать всю свою жизнь, прокручивая ее, как пленку, в обратном движении. Вставала вереница людей, которых я обидела или на которых обижалась, желала зла, ненавидела и т. д. У меня вставляли волосы дыбом, в то же время — сколько подарков, даров, талантов от Бога, сколько всего было счастливого: и за что? Я вспомнила чуть не каждый день своей жизни.

У мужа все было так же, я шутила: «Мы с тобой — сиамские близнецы».

Лариса Г. «затащила» нас в группу оглашения, привела к о. С. — мы поговорили (часа три, наверное) обо всем... Это стремление к свету, к радости — но уже в вере — откликнулось, это было то, к чему я стремилась, но, увы, уповая лишь на свои силы и за счет других людей.

Мне сразу в группе было хорошо (в церкви тем более). Все отходило. Правда, ночью (и по сей день) начиналось все снова: я бросалась щупать пульс то у мужа, то у сына. Через год умерла 40-летняя сестра, но уже Бог дает мне силы пережить это.

Катехизаторы вели нас очень мягко, без давления, все «ложилось» на душу и открывалось, и сейчас мы себя как бы не узнаем: так бы мы вели себя и реагировали раньше?!

Сколько проблем мы решили для себя и всегда получали помощь, совет и поддержку, когда было плохо, страшно и трудно. А когда совсем было плохо — ехали к бабушке, и он

«разматывал» запутанный клубочек. Правда, батюшки всегда говорят: «Не мне спасибо, а Богу. Бог помог, а не я!» — как бы сердясь.

Вчера мы окрестились — в мой день рождения. И сегодня я пишу. Я надеюсь, что начну, уже начала — новую жизнь, что мы преодолеем свои страхи, а испытания встретим мужественно, с верой.

В молитве я часто прошу: «Будь, Господи, со мной» — тогда-то и тогда-то. Это особая просьба присутствия, так как в сердце — Он всегда, и Богородица.

Спасибо всем, кто нас ведет по этому пути. Спасибо Господу, что Он с нами.

6 января 1997 г.

А. С.

Вера — как чудотворное зеркало: чем пристальнее в него вглядываешься, тем больше познаешь себя осознаешь свое предназначение...

Слава Богу, что я, наконец, смог осознать со всей глубиной, что же происходило со мной за прожитые годы. Если быть предельно кратким, о моем пути можно сказать: меня привели, точнее, меня привел Он.

Младенческие годы, естественно, стерты из памяти, но, со слов родителей, я знаю, что был крещен моей бабушкой в храме Сошествия Духа Святого полускрытно, без присутствия родителей, но с их согласия. Возможно, это было время своеобразных отношений государства и церкви.

Последующую свою бессознательную и часть сознательной жизни провел, плескаясь в стандартных благостях нашего мира — родительской опеке, школе, октябрятстве, пионерии, комсомолу, студенческой жизни (с перерывом на службу в советской армии), спортивных секциях и самодеятельности. И все это — не думая, да и не вспоминая о своем крещении. А если и приходилось что-то слышать о нем, то лишь в виде формулировки «как всех, так и тебя». О Боге если что-то и слышал, то крайне редко, и чаще — как о персонаже легенд. Вполне естественно, что я и не задумывался над тем, Кто же Он.

Сейчас, как бы видя свою жизнь со стороны, я могу с твердостью сказать, что не прост был процесс моего «плескания». Сам Бог вел меня по извилистой жизненной дорожке, крепко взяв за руку как непослушного младенца, а где-то брал и за шиворот, вытаскивая брыкающегося из губительных ситуаций. Господи, если бы не Ты, меня сейчас бы не было!

Как и любой жизненный путь, мой сопровождался мучительными исканиями себя и смысла жизни. С каким-то трепетом и сожалением я вспоминаю, как упорно не хотел мириться со своим существованием, положением, каким его понимал в то время. Великий дар я рассматривал как великую ошибку природы. Любое просветление подавляла царившая вокруг несправедливость, угнетали жестокость, насилие, предательство и обман, сковывало чувство безысходности. Такое «осознание» часто доводило меня до истеричности, до страшного желания уничтожить себя. Отчетливо помню ситуацию, когда в подавленном состоянии с чувством полного одиночества я стоял у костра и кидал в него патроны. Они рвались у моих ног, не причиняя вреда. Мог ли я тогда знать Того, Кто меня берег, Того, Кто желал моего спасения, Того, Кто принес за меня величайшую жертву, и, наконец, Того, Кто дал мне дар жизни?

Бог хранил меня, возился со мной, как со слепым беспомощным котенком, направляя по правильному пути, невидимо, Своею рукою. А я упорно сопротивлялся, противился Его любви, пытался наложить на себя руки! Прости, Господи.

Постепенно я стал ощущать умиротворенность, спокойствие. Обилие технических и музыкальных увлечений отнимало много времени, не оставляя возможности для плохих мыслей. В этот период я впервые услышал о Библии, о Законе Божьем. Множество предложений получить эту книгу по почте сработало четко: впервые у меня в руках появилась Библия — толстая книга в черном переплете. Что же заставило меня начать читать ее? Скорее всего — любопытство. Но любопытства мне хватило лишь до восьмой главы «Бытия». Я был поражен. Ужаснулся и содрогнулся: жертвенник, вдыхаемое Господом благоухание от сожжения животных и птиц... Какое живодерство! И это все делает Сам Бог?! И, надеясь найти еще что-нибудь интересное, пролистал пару страниц и наткнулся на что-то о рабстве, наказании и истреблении. Мой горький опыт в познании Священного писания закончился водворением книги на полку...

Возможно, именно с этого и начался процесс моего Богопознания — сначала как жестокого, бессердечного, несправедливого Бога. Если что-то со мной случалось, споткнулся ли, из рук ли что выпустил и разбил, я, порой с остервенением, роптал на Него. О, как я заблуждался! Прости, Господи!

А Бог вел меня терпеливо, ни на миг не отпуская от Себя. Ропот мой закончился чувством, что я все-таки не прав, что Бог (если Он существует) дает больше блага, чем неприятностей.

На меня посыпались испытания, через которые нужно было пройти, а это был процесс не легкий, так как в работу включилась совесть. Трудно было еще и потому, что стержнем стали отношения с людьми. Сейчас я знаю, что это было необходимо для моего очищения, проверки, закалки и пробуждения чувств, которые пребывали во мне в полусонном состоянии.

Незаметно возникла потребность поиска кого-то или чего-то. Это было достаточно смутно, я не знал, чего же хочу: может быть, понять смысл жизни, может быть, познать самого себя, а может, отыскать того, кто, быть может, надо мной.

Увлечись поиском пока еще не зная чего, я попал в струю наимоднейшего увлечения трансцендентальным движением «дядюшки Махариши», который обещал возможность стать суперчеловеком с отменным здоровьем, крепкими нервами, вечно улыбающимся и довольным, подпитываемым космическими силами. Соблазн стать абсолютным счастливчиком был чрезвычайно велик. И тут Господь столкнул лбами двух бесенков, пребывающих со мною. Один мне втолковывал: «Иди, это для тебя!». Другой же ужаснулся и трясся от жадности: «Ты что — так много платить за мантру?!» В итоге я развернулся и ушел. И слава Богу! Не знаю, что стало с теми бесятами, только я после всего этого серьезно задумывался над образом Самого Бога, пытаюсь представить себе Его на уровне своих способностей.

Однажды, когда я прогуливался по парку, ко мне подошли, ослепляя улыбками, и вцепились сразу в оба рукава моей куртки свидетели Иеговы. Они таинственно спросили: «А знаете ли Вы...?» Я, вдохнув полной грудью, выпалил: «Знаю! Он — информационно-энергетическая субстанция, невидимо занимающая все окружающее нас пространство на земле и в космосе и имеющая непосредственное с нами и природой взаимодействие». Помню, я пытался еще что-то сказать, но увидел, что уже я держу их за рукава, а они отпихиваются, испуганно хлопая глазами. Я же еще серьезнее задумался: «Кто же Такой Бог?»

Через некоторое время мне пришлось пройти достаточно тяжелые испытания: внезапная

травля на работе, последующее увольнение, невозможность никуда устроиться, предательство друзей... И все это в течение двух-трех месяцев. Казалось, мир разрушился. Но свершилось чудо: Господь дал мне силы оправиться, предоставил временную работу, не позволил сердцу озлобиться. Я простил всех — легко и без каких-либо выяснений. Постоянное ощущение чьего-то присутствия и поддержки не покидало меня ни на миг, хотя порой я и не обращал на это внимания. Снова и снова возникал вопрос: «Так Кто же все-таки Он?»

В один из вечеров неожиданно раздался телефонный звонок. Звонила моя знакомая по институту и предлагала мне отдохнуть с группой ребят-христиан. Не успев отойти от воспоминаний об общении с представителями различных движений и конфессий, подстерегающими меня на каждом шагу, я заподозрил что-то недоброе и отказался. Да и последняя встреча с общиной Асахары «Синрикё» не особо вдохновляла на встречи с какими-либо группами вообще.

Через полгода меня все же удалось вытянуть из дома. Только в электричке я узнал, что еду не на обещанный отдых, а на христианскую конференцию. Пункт назначения неумолимо приближался, пришлось сдаться «на милость победителя».

Так я впервые познакомился с теми, кто называл себя христианами. Поначалу для меня было загадкой, почему же они себя так называют, почему при одном лишь произнесении этого слова чувствуется какая-то торжественность и радость. Живое, теплое общение, нет ни сквернословия, ни подхалимства, ни возвышения друг над другом, каждый исполнен радостного вдохновения и, казалось, неиссякаемой энергии, заставляющей светиться, — все это буквально совершило переворот внутри меня. С сильной жадной познания, боясь что-либо пропустить, шел я на каждое мероприятие, лекцию или семинар, где с жадностью впитывал все, что говорили о жизни, о любви, о Христе. Я чувствовал, как беспрепятственно это входило в меня, восполняя пустоту внутри.

Вернулся с конференции с ощущением, что, наконец, нашел то, что искал. Так началось мое знакомство с движением «Новая жизнь». Я посещал занятия, встречи, где все больше и больше узнавал о Христе, нашем Господе и Спасителе, о Его бескрайней любви. Заметны были и изменения в себе, будто в меня вливался живительный бальзам, очищающий сердце, ум, глаза, пробуждающий дремлющую совесть. Изменилось и отношение к окружающему, к людям, к себе самому. Я стал анализировать прежнюю жизнь и четко понял, что все, что со мной произошло, не было случайностью. Сам Господь таким образом по милости Своей дал мне возможность узнать о Нем и указал путь, по которому нужно идти, познавая и обретая Его. Через некоторое время я сознательно в молитвах просил Христа войти в мое сердце.

Через «Новую жизнь» я попал в Московскую библейскую церковь и стал регулярно посещать ее. Там постепенно пришло желание и потребность служить Богу. Проповеди меня потрясали и меняли мировоззрение. Позже я вошел в состав музыкальной группы церкви, стал ее оператором. Это еще более заставило почувствовать необходимость служения Богу и ответственность за это.

Велик и неисповедим промысел Божий! Господь сподобил меня возобновить отношения с человеком, с которым я когда-то несправедливо, хотя, возможно, и во благо, расстался. Осознав, что у нас много общего, что у нас есть Бог и вера, мы встретились теперь в новом качестве — как брат и сестра во Христе. Мы часто проводили время в беседах о Боге, о жизни в Боге, делились духовным опытом и знаниями.

И вот Господь снова пошел мне навстречу — я узнал об оглашении. Какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что это мой путь, если я действительно верую и люблю Бога.

В это время мне в руки попала духовная литература. С большим интересом я взялся за ее изучение. Многие дали знакомство с писаниями святых отцов. Настал момент, когда я понял, что библейская церковь, поднявшая меня на определенный уровень духовного развития, более ничего не может дать, и только удовлетворение от церковного служения сглаживало предчувствие надвигающегося застоя. Мало радости приносила и символичность обрядов и таинств.

И вот мне, уже оглашаемому, предстояло сделать серьезный выбор: остаться оператором музыкальной группы в библейской церкви, имея некоторый багаж знаний и уровень духовного развития, занимая заметное положение и в достаточной мере завоевав авторитет, или, спустившись с подиума, стать просто оглашаемым, чтобы идти навстречу новой жизни, познавая Бога. Я усердно молился. Ответ пришел. Я сделал выбор. Слава Богу!

Протоиерей Всеволод Шпиллер: О конференции к 200-летию со дня рождения свт. Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского

Миссионерство и катехизация

В Москве с 11-13 июня 1997 г. состоялась научно-богословская конференция «Евангелие в контексте мировой культуры», посвященная 200-летию со дня рождения великого русского миссионера святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, просветителя Америки и Сибири. Эта конференция была одной из чреды конференций, проводимых юбилейной комиссией Русской Православной Церкви в текущем году, объявленном годом святителя Иннокентия.

В гостинице Данилова монастыря состоялось официальное открытие конференции, на котором выступил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, а также крупные светские деятели и ученые. Второй день был основной, рабочий: в пяти секциях читались доклады по разным направлениям, разной ценности, разной глубины. Было очень много интересных докладов. В последний день конференция завершала свою работу в Троице-Сергиевой Лавре и в расположенной там Московской духовной академии.

Конференция проходила в духе мира, любви и согласия, несмотря на то, что, конечно, высказывались разные точки зрения, несмотря и на то, что иногда было о чем и поспорить. Устроители конференции ориентировались на то, чтобы выслушать друг друга, понять друг друга, не столько спорить, не столько оппонировать, а именно понять, выслушать разные мнения.

Во всех секциях конференции принимали активное участие многие прихожане храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, учащие и учащиеся Свято-Филаретовской высшей школы. Важно, что на конференции Господь выявлял реалии жизни Своей Церкви. Было очень хорошо видно, кто как понимает церковную жизнь, на что надеется, на что опирается. Например, некоторые по привычке больше надеялись на государственную силу, на государственное ограничение в миссионерстве. Но были и те, кто старался возродить силу духа внутри самой церкви.

Слава Богу, что среди участников не оказалось людей, которые стремились бы во что бы то ни стало разбить всех на овец и козлов, на православных и неправославных, как иногда, к сожалению, бывает. Люди, даже не во всем согласные друг с другом, находили что-то интересное в докладах других людей.

На конференции присутствовало и выступало много светских ученых. Это было очень важно, поскольку позволило более объективно и глубоко осознать те процессы и проблемы культурной и духовной жизни, которые обсуждались, и не дало замкнуться только на своих взглядах, идеологемах и т. д.

Тот, кто имел глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, мог на конференции многому научиться из самой истории церкви, мог расширить свои представления об истории миссии, о современном ее состоянии, о задачах на будущее. Главное, что при этом действительно происходило взаимное обогащение.

Это была по-настоящему та питательная среда, из которой в будущем может родиться решение многих наших церковных проблем.

Г. К.

Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский: Наставления священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководствования обращенных в христианскую веру

Миссионерство и катехизация

Оставить родину и идти в места отдаленные, дикие, лишенные многих удобств жизни, для того, чтобы обращать на путь истины людей, еще блуждающих во мраке неведения и просвещать светом Евангелия еще не видевших сего спасительного света, — есть дело поистине святое и равноапостольное. Блажен, кого изберет Господь и поставит на такое служение! Но сугубо блажен тот, кто со всею ревностью, искренностью и любовью подвизается в деле обращения и просвещения, перенося труды и скорби, встречаемые на поприще своего служения! Ибо мзда его многа на небеси. Но горе тому, кто, призван и поставлен благовествовать, и не благовествует! И еще горше тому, кто, прошедши сушу и море для того, дабы обратить других, делает обращенных сынами геенны, сугубейшими себя!

И так ты, иерее, поставляешься на такое дело, за которое ты или увидешь в радость Господа твоего, яко добрый и верный делатель его, или примешь лишнее осуждение, как лицемерный, лукавый и ленивый раб Его. И да сохранит тебя Господь Бог от последнего, и да даст тебе желание и силы достигнуть первого.

Находясь на месте служения твоего, ты будешь иметь особенные и различные обязанности, во-первых — духовные, как священнослужитель и проповедник слова Божия, во-вторых —

внешние, как член состава благоустроенного управления общества; а потому для руководства твоего здесь предлагаю тебе наставления, касающиеся тех и других.

Часть I Главнейшие наставления, касающиеся духовных обязанностей веропроповедника I. Приготовление к веропроповеданию Наставления, касающиеся сего предмета, довольно ясно означены в указе 1777 года, где сказано, «чтобы он (проповедник) не считал исполненным звание и долг свой в торопливом сподоблении крещения (обращаемых им), а старался бы внушить им и силу христианского учения, и руководствовать ко всякому благонравию, без чего крещение, дикарям преподаваемое, едва ли не может назваться злоупотреблением одного из величайших таинств христианской веры».

1) Первое и действительное приготовление к сему есть молитва, которая одна может отверзать источник высших наставлений и низводит благословение на всякое благоначинание и дело; а потому всегда, и особенно пред всякой беседой с невеждующими, которых желаешь просветить словом истины, обращайся к Богу с теплой молитвой.

2) Имей всегда скромное и смиренное расположение духа и не обещавай себе самонадеянно необычайных или верных успехов по твоему делу. Такие обещания происходят от гордости, а гордым не дается благодать.

3) Всякий раз, когда ты принимаешься за дело, приводи себя в спокойствие и полное присутствие духа; иначе ты не можешь высказать и того, что знаешь твердо и основательно.

4) Не приступай к делу без предварительного размышления и не исполняй его с рассеянностью и нерадением; ибо дело твое есть дело Божие, а тот проклят, кто творит его с небрежением.

5) Помни всегда, что если проповедник не будет иметь в себе любви, как к своему делу, так и к тем, кому проповедует, то и самое лучшее и красноречивейшее изложение учения может остаться без всякой пользы, ибо токмо любовь созидает; а потому старайся иметь в себе дух святой любви.

6) Поставь себе в правило: во время посещения отдаленных мест (таких, где уже положено начало христианства) не начинать отправления богослужений и треб доколе, пока не предложишь посещаемым тобою прихожанам хотя бы краткого поучения.

7) Проповедь слова Божия естественно начинать прежде там, где ты будешь иметь постоянное местопребывание; но если обстоятельства заставят, или будет представляться случай быть и в других, дальнейших местах, то, — не смотря на то, что ты еще немного успел между живущими с тобою, — не упускай случая быть, где только можно, и предлагай свое слово везде и всем, сообразно возрасту, состоянию и времени.

8) Время для поучений и бесед с инородцами избирай преимущественно то, в которое они бывают в сборе. Для сего ты можешь или идти к ним, или, если можно, приглашать их к себе.

9) В начале, по незнанию языка инородцев, ты должен будешь употреблять переводчика твоих речей: старайся избирать его из самых благонамеренных и благочестивых людей, и заблаговременно обучай их катехизису. Лучше, если переводчик при тебе будет всегда один и тот же.

II. Порядок веропроповедования 10) Христианство есть потребность, удовлетворение и утешение преимущественно сердца, а не одного ума; и потому в преподавании учения веры надобно стараться действовать более на сердце, нежели на ум. Любопытство ума ненасыσιμο, но кто сердцем восчувствует потребность веры и утешения ее, тот примет ее скоро и удобно, и

она в нем будет не бесплодна. Но чтобы действовать на сердце, надобно говорить от сердца: от избытка сердца говорят уста. И потому только тот, кто исполнен и избыточествует верой и любовью, может иметь уста и премудрость, ей же не смогут противиться сердца слушающих, и которая верно указывает, как, где и что говорить. Итак, примечай и лови минуту сердечного расположения слушающих тебя. Сие время всегда благоприятно для сеяния слова Божия.

11) Способ преподавать учение веры бывает различным: и по внутреннему состоянию души поучаемого, и по возрасту, и по умственным способностям. И в отношении этого имей в виду, что те, с которыми ты будешь иметь дело, по привычкам и понятиям суть язычники и заблудшие, а по степени образования дети. К сему должно применять способ и порядок преподавания им спасительных истин.

12) Порядок в преподавании учения веры должно сообразовать с тем, который показало нам само Провидение.

Закон Моисеев дан был прежде, чем закон Евангельский, а еще прежде писанного закона Моисеева введом был неписанный закон естественный, и виновник его Бог — Творец и Промыслитель. Пред самым временем закона Моисеева явлено было торжественное знамение силы, всемогущества и славы Божией.

Взирая на сей великий и всеобщий образ, учреждай свое малое и частное дело так:

а) От бытия и благоустройства видимых вещей показать бытие (в котором впрочем, кажется, из них никто не сомневается), всемогущество, силу и славу Творца вселенной, Его благость, всеведение и проч. Вместе с сим кратко рассказать историю сотворения первого человека и происхождение от него всех людей и народов, которые в этом отношении являются живыми памятниками и видимыми доказательствами творческого всемогущества и премудрости. Затем изложить состав человека из души и тела, его отличие от прочих животных, бессмертие его души, и указать намерение Божие в сотворении его, т. е. блаженство.

б) Потом показать нравственный закон Моисеев, как Богописанный закон естественный, как средство к достижению блаженства, просто и кратко.

Говоря о законе, наверное можешь услышать от самых диких отголоски и подтверждение истин сего закона, неизгладимо напечатанного на скрижалях сердца каждого. Старайся возбуждать в них это чувство и употребляй его в свою пользу.

в) Когда слушатели твои будут убеждены в существовании Бога и закона, тогда показать им необходимость исполнения закона, как воли Творца, и видимые следствия исполнения и несохранения закона. В примере сего рассказать кратко о потопе (предание о нем хотя и сбивчивое, но находится и у диких народов), как о последствии несохранения закона Божия, о благословении Богом праотцев после потопа, и в особенности Авраама (потомки которого существуют даже донныне), как о последствии исполнения закона.

г) После того начинай собственно Евангельскую проповедь так, как начал сам Иисус Христос, т. е. возвещением покаяния и утешения, или приближения Царствия Небесного. Старайся приводить их в чувство раскаяния, или близкое к раскаянию. Этого можно достигнуть убеждением их в том, что за неисполнение закона, написанного в сердцах их, они непременно будут наказаны и в сей жизни и будущей, или если не в сей, то тем тягчее, вечно в будущей, что никто сам собою не избегнет сих наказаний и проч. Здесь надобно говорить так, чтобы возбудить в них некоторый страх будущих наказаний; и когда они будут приведены в сие чувство, тогда благовествуй им Иисуса Христа — Спасителя, Искупителя и Надежду всех

людей, во утешение им.

Привести в чувство раскаяния и сокрушения есть одно из труднейших дел проповедника; но сие состояние есть одно из важнейших в обращении человека и есть возделанная земля для насаждения семени христианства. Ибо тогда оно может пасть в самую глубину сердца его и, при последующем содействии благодати, принести обильный плод. Благовествование Спасителя грешнику, чувствующему себя виновным пред законом, предварительно и без всякого убеждения поселяет в нем любовь к сему Спасителю, которого он еще и не знает. А кто возлюбит Иисуса Христа таким образом, тот особенно возлюбит Его, узнав Его, и поверив всему, что говорил Он, и о нем будешь говорить и ты. Следовательно, тогда открытие всех таинств спасения нашего будет и легко для проповедника, и удобоприятно для слушающих его в таком расположении духа.

д) Показав необходимость искупления рода человеческого и величество любви Божией к нему, преподавай о пришествии в мир обетованного Искупителя, Его предвечном рождении от Отца (здесь надобно сказать и о таинстве Святой Троицы), воплощении, рождестве и о земной жизни Иисуса Христа, о Его учении, страдании, смерти, воскресении, вознесении, всегдашнем пребывании с верующими и втором Его пришествии, о воскресении мертвых (которому, хотя и по-своему, но все дикари верят), будущей жизни, воздаянии праведным и грешным.

е) Наконец, скажи, что Иисус Христос во время земной жизни своей имел много учеников, из которых Он избрал двенадцать, дал им особенную благодать и силу, и послал их во весь мир проповедовать Евангелие всей твари. И все, чему они учили и что заповедал Иисус Христос, написано в их писаниях, которые дошли и до нас, и которые уже известны почти всем народам, и что все добрые и простосердечные люди, которым удалось услышать учение их, приняли его с радостью, и последовали, и последуют Ему. Таковые люди обыкновенно называются христианами; а те из них, которые точно соблюдали слово Иисуса Христа, сделались святыми, и тела многих из них почивают многие столетия нетленными, и проч.

После сего весьма кстати сделать всем предложение, не пожелают ли они вступить в число верующих во Иисуса Христа и чрез него чающих вечного спасения, блаженства и проч.

Сего учения веры на первый раз для неслышавших прежде слова спасения довольно.

13) В изъяснении предметов веры надобно говорить обдуманно, ясно и отчетливо, и сколько возможно кратко, иначе проповедь твоя будет иметь мало успеха. В изъяснении учения Иисуса Христа здесь не нужно много распространяться, т. е. не упоминать всего, что сказал Иисус Христос. Но только говорить, что все учение Иисуса Христа заключается в том, чтобы мы покались, веровали в Него и имели к Нему и ко всем людям любовь бескорыстную, чистую. В подтверждение учения Его сказать кратко и о чудесах Его.

14) Когда увидишь, что слушатели твои тебя поняли правильно и изъявят желание сопричислиться Христову стаду, тогда предлагать им: а) об условиях для желающих вступить в число верующих; б) о святом крещении, как таинственном возрождении от воды и духа, вводящем в новую жизнь христианскую, и о прочих таинствах, как средствах к получению благодати Иисуса Христа, и в) о том, как должен вести жизнь свою тот, кто хочет быть истинным христианином и, следовательно, воспользоваться всеми плодами искупления.

а) Условиями, под которыми желающие могут вступить в число учеников Иисуса Христа, являются: отречься всей прежней своей веры, оставить шаманство, и шаманов не слушать, не следовать обычаям противным христианству, согласиться исполнять все то, что требует от них новый закон и церковь, исповедать грехи свои.

б) Желающим и соглашающимся выполнять все означенные условия говорить, что вступление в христианство есть дело великое и важное; и потому вступление в него должно быть торжественно, где желающий вступить должен пред свидетелями отречься от всего противного христианской вере и дать обещание быть учеником Иисуса Христа, и все это запечатлеть святым крещением, которое есть вместе и видимый знак вступления в христианство, и средство к очищению души от грехов, и дверь к принятию прочих даров или средств, преподающих благодать Божию, т. е. таинств святой Церкви, о которых здесь и сказать. Здесь же нужно показать и достоинство святого Креста и силу крестного знамения, а также и то, в каком разуме и с каким благотворным намерением святая Церковь приемлет и чтит святые иконы.

в) Что касается до учения о том, как должен вести себя христианин, на первый раз много не распространяться, но говорить только то, что кто хочет быть истинным христианином, т. е. учеником Иисуса Христа, и воспользоваться всеми дарами искупления, тот должен: 1) с верою, надеждою и любовью предать себя Иисусу Христу и 2) подражать Ему во всем, т. е. стараться, сколько возможно, поступать всегда так, как поступал Он. Здесь надобно вкратце сказать о добродетелях Иисуса Христа, упоминаемых в Евангелии, для того, дабы вступающий мог понять, как именно он должен поступать; например, Иисус Христос прощал врагам Своим, так должны делать и мы, и проч.

15) Наконец, надобно говорить, что никто, особливо надеющийся на свои силы и на самого себя, без помощи Божией не может быть истинным учеником Иисуса Христа, и если бы Иисус Христос по великой Своей любви к людям не даровал нам Своей помощи, то никто бы и никогда не мог сделаться совершенным последователем Его. Но теперь всякий, кто только хочет, может получать помощь от Него. Помощь сия есть Дух Святой, даруемый туне; Его можно получать преимущественно молитвой. Молитва же истинная есть обращение сердца к Богу с покорностью, верою и надеждою. Молиться можно везде и всегда, преимущественно же близка благодатная помощь Божия в молитве церковной.

16) Такого учения довольно для новообращенных. Дальнейшее учение христианства, как то: пространное и более духовное истолкование десяти заповедей и проч., изъяснение слов Иисуса Христа, преданных в Евангелии, учения апостолов и отчасти предания Святых отцов, составляют предмет уже не новоначального вероучения и духовную пищу не младенцев в вере, но взрослых, или по крайней мере, возрастающих в христианстве.

Часть 2
Особенные наставления относительно учения, богослужения и обхождения с инородцами
17) Догматов веры и сущности деятельного учения держаться надлежит так твердо, чтобы ничего противного им не говорить и не допускать, хотя бы угрожала тебе явная смерть.

Но снисхождение новообращающимся, как младенцам в вере, в рассуждении некоторых недостатков обрядовых, необходимо надлежит оказывать, частью по местным обстоятельствам, частью в ожидании утверждения их в вере и жизни.

18) Соблюдать посты так, как соблюдают обыкновенно, т. е. переменной пищи, взяемой из царства животных, на одну растительную, тамошние жители почти совсем не могут по самой местности; и пост их удобнее может состоять не в качестве, но в количестве и времени употребления пищи. И поэтому не должно их принуждать к соблюдению постов переменной пищи, но, во-первых, объяснять им намерение учреждения постов и пользу их; потом, по мере их убеждения и усердия, располагать их к сохранению поста в известные дни таким образом, чтобы смотря по обстоятельствам, уменьшать количество приемлемой пищи, и не принимать ее в ранние часы дня. Что касается до дней Страстной седмицы, и особенно дней пред Святой Пасхой, то убеждать всех проводить их в возможном посте — и телесном, и душевном, в память

спасительных страданий Иисуса Христа.

19) Слушание обыкновенных богослужений, кроме литургии, не поставлять непременно для новообращающихся обязанностью, и строгого исполнения сего не требовать; а потому во время путешествий твоих по отдаленным местам, — когда обыкновенно все посещаемые тобой должны исповедоваться и причащаться святых Тайн, — не считать непременно то, чтобы они ходили в церковь целую неделю, как делается у нас обыкновенно, но столько, сколько позволят обстоятельства, и только советовать и напоминать им, чтобы они в то время как можно чаще в сердце своем молились Богу о прощении грехов своих, и также соблюдали бы, как возможно, строгий пост. Поучение слову Божию для них всегда есть лучшее приготовление к принятию таинств, нежели чтение обыкновенных псалмов и молитв; потому что никто из них весьма долгое время не будет понимать того, что читается в церкви.

20) При заключении браков, облегчения строгости правил могут быть допускаемы только по самым уважительным причинам и по крайней нужде, а какие именно могут быть облегчения, о том будут тебе даны особые наставления. Малочисленность местного народонаселения, подобно как в патриархальные времена, не позволит далеко расширять круг возбраненного к супружеству родства; впрочем, запрещения, положенные по сему предмету в книге Левит, должно иметь в виду неопустительно.

21) От старых обычаев, не противных христианству, вдруг не отводить, но только объяснять, что им сие дозволяется по снисхождению.

22) Иностранцам, не принявшим Святого Крещения, если не предвидится, что от них может произойти какое-либо оскорбление святыни или нарушение благопристойности, не только не возбранять быть при отправлении наших богослужений, как-то: вечерни, утрени и молебнов (если они того пожелают), но даже приглашать их к тому.

Что же касается до литургии, то хотя по правилам церкви и не должно допускать их к слушанию литургии верных, но так как некогда и послы св. Владимира в Константинополе, будучи язычниками, были допущены к слушанию всей литургии, и это послужило в неизъяснимую пользу целой России, то и ты, по усмотрению, можешь оказывать подобное снисхождение, в надежде спасительного действия святыни на сердца еще омраченные.

23) Никакие брачные союзы и договоры, заключенные до Крещения, не считать препятствием к принятию Святого Крещения, и никаких заключенных до Крещения браков, включая самых кровных (какие, впрочем, едва ли можно встретить), не расторгать и в разбирательство их не входить.

24) Новообращающимся ни до Крещения, ни при самом Крещении, ни вскоре после него не делать, и не позволять восприемникам делать, какие-либо подарки, дабы это не могло быть для иностранцев приманкой или поводом к различным ухищрениям (как это бывало у некоторых азиатцев). И потому при самом крещении иностранцев не давать им ни рубашек, ни чего-либо другого, кроме крестиков, но надевать на них ту самую одежду, в которой они явятся к принятию Крещения, потому что в глазах многих тамошних дикарей и простая рубашка — вещь дорогая и прельщающая.

25) На данном тебе Святом Антиминсе ты имеешь власть отправлять божественную литургию на всяком месте: и в чистом нежилом доме, и под открытым небом; но для этого по многим причинам приличнее иметь особенную палатку, которую раскидывать на местах по возможности чистых. И на таких местах убеждать жителей поставлять кресты, которые потом будут как признаком самого места, где была приносима бескровная жертва, так и местом

общественных молитв для жителей в отсутствие твое.

26) Более постоянное пребывание иметь тебе там, где будет более полезно и нужно. Сугубо счастлив тот проповедник, пребывание которого у себя инородцы считают своим счастьем.

27) В преподавании учения вышеизложенным порядком наблюдай, чтобы к изъяснению предметов последующих приступать не прежде, разве когда слушающие тебя все, или, по крайней мере, большая часть из них поймут предыдущее, несмотря на то, хотя бы от сего могло замедлиться самое крещение многих. Чем тверже будет положено основание, тем прочнее будет здание и легче созидать его.

28) Касательно учения веры и закона христианского никаких доказательств, св. Писанием не подтвержденных, не употреблять, кольми паче ложных чудес и откровений не вымышлять, под опасением строжайшего осуждения. Но если где Господь видимо явит силу Свою или в чудесном исцелении кого, или необыкновенном откровении и проч., то таковых дел Божиих не скрывать, но, сделав надлежащее и беспристрастнейшее исследование дела, со всеми доказательствами представлять к своему начальству.

29) Для того, чтобы умножить число принимающих Святое Крещение, отнюдь не употреблять каких-либо мер и средств, не свойственных Евангельскому духу и неприличных проповеднику, как-то: ни принуждений, ни угроз, ни подарков, ни обещаний (льгот и проч.), ни каких-либо суетных обольщений, но всегда действовать с апостольской искренностью.

30) К сподоблению Святого Крещения инородцев приступать не ранее, как они будут научены тобой вышеизложенным предметам веры и закона, и когда они сами изъявят на то свое согласие.

31) Все народы, живущие в наших Российских колониях, считаются принадлежащими России; но непросвещенные из них Святым Крещением еще не знают того, что они находятся под могущественным покровом России, и что спокойствие их, которым они наслаждаются, есть ее благодеяние; а потому ты должен внушать им об этом, и вообще при всяком удобном случае старайся представлять им превосходство нашего правительства в сравнении с другими, его бескорыстное о них попечение, заботливость и проч.

32) По прибытии в назначенное место отнюдь не говори, что ты послан от правительства, не выдавай себя за какого-либо начальника, но за простого странника, желающего ближним истинного благополучия и пришедшего для того только, чтобы показать средства и по возможности руководить к тому.

33) С первого вступления твоего в должность, поведением и добродетелями своими, приличными твоему сану и званию, старайся заслужить о себе хорошее мнение и уважение, как инородцев, так и живущих там европейцев. Доброе мнение заставляет уважать, а кого не уважают, того и не слушают.

34) Отнюдь не показывай явного презрения к их образу жизни, обычаям и проч., как бы они ни казались того стоящими; ибо ничто не может оскорбить и раздражить столько дикарей, как явное презрение к ним и насмешки над ними и всем, что их.

35) С первого свидания с инородцами старайся снискать их доверие и благорасположение, но не подарками, или ласкательством, а рассудительностью, готовностью на всякую помощь, добрыми и благоразумными советами и искренностью. Иначе кто откроет тебе свое сердце, если не будет иметь доверие и проч.

36) В преподавании учения, и вообще в беседах с инородцами, будь краток, ласков, прост, отнюдь не показывай величавого учительского вида, чем весьма много можно повредить успехам своего дела.

37) Когда говорит тебе кто-нибудь из инородцев, то выслушивай внимательно, снисходительно и терпеливо, и на вопросы их отвечай вразумительно, и с особенным расположением и лаской; ибо вопрос от инородца касательно духовных предметов есть дело для проповедующего очень важное, ибо он может показать и состояние души вопрошающего, и способности его, и желание просвещения. Но не ответа инородцу один раз, или ответа с оскорблением его, можно заставить его молчать навсегда.

38) Не желающих принять Святое Крещение, даже после нескольких убеждений, не огорчать чем-либо, и особенно не принуждать к принятию Крещения. И хотя справедливость требует в обхождении с дикарями быть более ласковым и внимательным к тем, которые уже приняли христианство или готовы принять его, но ты, как проповедник Евангелия, не должен оскорблять и не желающих принять проповеди Евангельской и обязан обходиться с ними дружелюбно. Это будет лучшим доказательством того, что ты желаешь им истинного блага.

39) У некоторых тамошних дикарей можно встретить многоженство, но всегда только у богатых и сильных; а потому, преклоняя их к единоженству, действуй со всем благоразумием и отнюдь не поступай здесь властительски, дабы тем не ожесточить и не раздражить их.

40) От новообращающихся и новообращенных ни под каким видом не требовать никаких вкладов или приношений для церкви, или на какие-либо другие богоугодные дела; но и не отвергать и добродушно принимать приношения от тех, которые сами и по своей доброй воле будут предлагать что-либо. Но только с тем, что при принятии всякого приношения объяснять приносящим намерение и цель таковых приношений, дабы не поселить в них мысли, что Бог, подобно их духам, требует приношений, или что они суть жертва очистительная или умиловительная, и проч.

41) Без крайней нужды не брать и не требовать от новообращенных проводников или работников для своего путешествия, и особенно по наряду, дабы тем не подать им причины подумать, что они, принимая христианство, в то же время становятся рабами или работниками своих просветителей. Впрочем, едва ли может случиться когда-либо нужда в таковых требованиях. Но если бы и случилась таковая или подобная необходимость, то просить от дикарей пособия дружески, и всегда платить за труды проводникам и всем служающим.

42) Ни под каким видом не принимать тебе от новопросвещенных и прочих инородцев каких-либо подарков и приношений и не входить с ними в какие-либо торговые сношения, ни самому лично, ни чрез посредство других, под опасением строжайшего суда; даже для самой пищи потребное принимать от них только по необходимости и за плату, или от усердия предлагаемое на трапезе.

43) Путешествие предпринимать во время удобное, т. е. когда жители тамошние бывают более свободны от промыслов зверей и рыбы, дабы неблагоприятным путешествием не лишить выгод инородцев. Но если бы оказалось, что посетить какое-либо место с большей пользой можно не иначе, как в промысловое время, то заблаговременно представить о сем куда следует, с прописанием всех причин и следствий, могущих быть от того или другого, и в то же время отнести к ближайшему местному начальству, дабы и оно со своей стороны представило о сем к главному (колониальному) начальству.

44) Пособия для путешествий и отправления своих обязанностей, как-то: переводчика,

байдарки, проводников и путевое содержание для них, требовать от ближайшего местного начальства. Но такие требования ограничивать самой необходимостью, дабы излишеством и неуместностью оных не обременять Кампании и не поставить в затруднение ближайшее местное начальство.

45) Чтобы вернее и более быть полезным своим прихожанам, ты должен в непродолжительном времени узнать язык их, на первый раз по крайней мере до того, чтобы понимать. Дьячку же, находящемуся при тебе, поставляется в неприменную обязанность узнать язык их совершенно. Ты имеешь обязанностью наблюдать за сим.

46) Старайся узнавать обстоятельно веру, обряды, обычаи, наклонности, характер и весь быт твоих прихожан, особенно для того, чтобы тем вернее и удобнее действовать на них.

Примечание. Отдавать справедливость их хорошим обычаям есть дело немаловажное для твоего успеха.

47) Во время посещения твоего и пребывания на месте, когда время позволит, давай дикарям советы и наставления касательно улучшения их быта и образа жизни, но без всякого принуждения и оскорбления, чистосердечно и дружески, и все таковые советы и наставления должны быть сообразны с местностью и простотой их нравов.

48) В разбирательство мирских дел не входить и никакой власти, постановленной от начальства, или их собственной в глазах инородцев не ослаблять ни явными, ни тайными внушениями. Так как и Сам Иисус Христос, живя на земле, никакого управления не оскорблял и ничьих прав собственности не касался. Но если где начальствующий редутом или другим местом находится далеко от надзора (колониального) начальства, а поступки его и обращение с инородцами слишком жестоки и несносны, то такового прежде с кротостью и дружелюбием увещевать и наставлять, но если таковая мера будет недействительна, то обстоятельно и со всей справедливостью писать о том секретно благочинному, для доведения до сведения (колониального) начальства.

49) Судя про кроткому характеру многих дикарей, кажется, что при мирном и проповеднику Евангелия свойственном поведении, невозможно ожидать от них какого-либо нападения или покушения на жизнь; но если бы паче чаяния и случилась какая-либо опасность твоей жизни, то решительные и последние меры к защищению себя принимать не иначе, как только в самых крайних случаях. Но стократ блажен будешь, если сподобишься пострадать ради имени Иисуса Христа.

50) В пребывание твое в Америке, если бы встретилось с тобой какое-либо дело, касающееся государственной тайны; то об оном отнюдь в партикулярных письмах ни к кому не писать, но поступать по точной силе указа Государя Императора Петра I, данного им в 13 день января 1724 года. И также касательно дел церковных, которые ты сам собою решить не можешь, поступать по смыслу того же указа.

Часть 3Правила относительно дел церковных, сношения и отчетности, касающиеся всех вообще колониальных священниковПорядок дел церковных51) При всех колониальных церквах должен быть староста, избираемый прихожанами или назначаемый колониальным начальством с согласия священников.

При миссиях же, где в первое время будут одни только походные церкви, иметь старосту предоставляется на усмотрение миссионера.

52) При каждой церкви и миссии иметь приходо-расходные книги для записи церковного имущества, и вести их надлежащим порядком. Вести же книги и составлять ведомости есть обязанность старосты под ближайшим надзором священнослужителей. Но где нет старосты, или староста не может исполнять сего, там обязанность сия возлагается на одних священнослужителей.

53) Где нет старосты, там имущество церкви состоит на полной ответственности священно-церковнослужителей, которые в случае утраты или небрежения подлежат всякой ответственности.

54) Без ведома и разрешения благочинного никто не может делать значительных издержек церковного капитала.

55) При всякой церкви и миссии должно иметь:

а) Метрические книги, которые и вести со всею исправностью по форме, какая будет утверждена епархиальным начальством.

б) Духовные росписи всех христиан, принадлежащих тому приходу. В миссиях при росписях означать (хотя примерно) сколько еще непросвещенных и сколько готовых к принятию Крещения.

в) Обыскную книгу для заключения браков, в которую вписывать обыкновенною формою браки европейцев с туземцами и креолов (т. е. детей, рожденных от европейца и туземки). Браки же инородцев до времени могут быть вписываемы только в метрические книги.

56) Также иметь им особенную записную книгу для внесения в нее всех рапортов и отношений, что может быть нужно для разных справок и для доказательств.

57) Для того, чтобы начальство могло видеть успехи и труды каждого из священников и миссионеров и потому ценить их, каждому из них поставляется в обязанность вести журнал, в котором записываются все действия, касающиеся обязанностей их, а также и то, что стоит внимания. И таковой журнал ежегодно представлять благочинному, который со своими отметками препроводит его к епархиальному начальству.

58) В тех приходах, где (в местах, отдаленных от церкви) находятся часовни, управление их по всем частям должно быть под надзором священника того прихода, и имущество их причислять к церковному особою статьею.

О сношениях с местным начальством 59) Благочинный американских церквей есть непосредственный начальник над всеми церквами и миссиями; а потому а) на все превышающее власть священника и миссионера, и на всякое недоразумение или сомнение требовать разрешений, наставлений и советов благочинного, официально или партикулярно, смотря по роду дел; б) никто из церковного причта не может относиться о сем, или о чем-либо другом (кроме дел, подлежащих секрету и дел нижеозначенных) к кому-либо другому, кроме благочинного.

60) Благочинный, будучи непосредственным начальником колониального духовенства, есть вместе и попечитель церквей и миссий во всех отношениях, а потому все ведомости, отчеты, требования для церквей и проч. должны быть представляемы благочинному за общим подписанием священно- и церковнослужителей, а где нужно, там и старосты.

61) Поскольку содержание церквей по большей части будет состоять на иждивении

Американской Компании, то и удовлетворение требований может быть не иначе, как только от нее; а потому по составлении ведомостей, отчетов и требований, следующих благочинному, староста имеет обязанность (однажды в год) составлять общую ведомость о всем имуществе церкви и представлять ее от себя ближайшему местному начальству (для сведения и разных соображений), за своим подписанием и свидетельствованием священника, и вместе с тем — и требования касательно поправки церкви и проч. А где нет старосты, там должны сообщать это сами священно- церковнослужители.

62) Все отношения к колониальному начальству, буде такие случатся, делать не иначе, как через благочинного; сношения же с местным начальством, как-то: требования пособий для путешествий, или тому подобное, каждому священнику делать от себя, а церковнослужителям через священников. Но если справедливые требования их не будут исполнены местным начальством или исполнены не надлежащим образом, то давать о том знать благочинному, но со всею справедливостью, под опасением взыскания.

Здесь совсем не упоминается о том, что ты кроме того должен исполнять все предписания, какие будут даваемы, потому что само собою разумеется, что все общие и частные постановления касательно церквей и притом не несообразные с местными учреждениями и обстоятельствами, должно исполнять во всей их силе и точности; в сомнительных же случаях представлять на разрешение.

Помни, что ты находишься в таком месте, где ты более и скорее многих можешь получить награды и небесные — будущие, и земные — настоящие. Небесные награды находятся в руке Великого Мздовоздаятеля, Который всегда будет видеть твои дела, и намерения, и дух, в котором ты будешь действовать; в отношении же наград земных будет обращено внимание на число обращенных тобою, но более на усердие и ревность в исполнении твоего дела. Переведение чего-либо из священных книг на язык твоих прихожан и научение читать из них по крайней мере до 50 человек, будет достаточным доказательством твоего усердия и заслугою, стоящею высших наград, коих удостоивается духовенство.

Священник Георгий Кочетков: Слово на вечерне после паримии (Исх.20,1-21)

Миссионерство и катехизация

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Апостол Павел в свое время, уча христиан первого христианского поколения, очень часто задавался вопросом: зачем же нам нужен был Закон, если он, хотя и дан был с Небес, от Бога, никого и ничего не довел до совершенства, если не было и нет людей, которые этот Закон исполняли бы весь, целиком? Люди выдающиеся, святые, даже пророки, даже цари и священники Ветхого Завета не исполняли весь Закон и, как стало ясно апостолу Павлу, исполнить его не могли. И это не было какой-то особой злокозненностью этих людей, нет, это были лучшие сыны рода человеческого того времени, но и они, делая все по своим силам и, кажется, сверх своих сил, исполнить Закон все же не могли. Что-то было в самом принципе Закона такое, что не позволяло это сделать. Апостол Павел бился над этим. Неслучайно в Послании к римлянам сказано, что в членах своих он чувствует один закон, а в сердце другой закон. Что хочу, — говорил он, — что исходит из сердца моего, того я не делаю, а чего не хочу,

что противно совести моей, то делаю. «Кто избавит меня от сего тела смерти?» — восклицает апостол в итоге.

И вот он нашел выход из этого положения, ибо он наконец смог выразить ту истину, которая открылась ему во Христе. Он понял, что пока люди не имели Закона, они не имели ориентиров в своей жизни, и пока они не имели этих ориентиров, они как бы и не грешили, ибо было неясно, по отношению к чему совершался ими грех. А когда пришел Закон, тогда-то грех и ожил, и умножился, говорит апостол Павел, — потому что люди стали хорошо знать, чего делать нельзя, и хорошо понимать, что когда они это делают, то нарушают Закон Божий. «Когда же умножился грех, тогда вдруг стала преизобиловать благодать», изливаясь как бы из неистощимого божественного источника.

В другом месте апостол Павел о Законе говорит: «Закон — это детоводитель ко Христу». Он в самом глубоком и полном смысле слова «педагог», тот, кто должен, подобно рабу, довести до новой жизни человека, пока он мал. Закон — тоже раб, который имеет дело с духовными младенцами, с детьми. Но он имеет над ними власть, потому что этих детей оставлять без попечения нельзя. И Бог как раз открыл людям Свой Закон как Свою волю, которую надо было познать, которой надо было слушаться, потому что пока человек не знал Закона, он не мог познать и Бога, несмотря на все свои предчувствия и ожидания Его.

Итак, Закон — педагог, и он имеет власть. И лучше всего это было показано великому пророку Моисею на горе Хорив, на горе Синайской, когда тот получал каменные скрижали, на которых перстом Божиим были начертаны Десять слов, Десять заповедей. Часть из них относилась к Богу, а другая часть, большая, — к ближним.

Вот эти-то «Слова Господни» мы и слышали сейчас, когда читался отрывок из 20-й главы книги Исход. Мы слышали о том, как Господь объявлял человеку, что Он — единственный Бог и единственный Господин для человека. Это Он — Тот, Кого слушались пророки и праотцы. Это Он — Тот, Кто великой силою вывел народ Свой из дома рабства, из земли Египетской. Он — Тот, Кто ожидает от народа Своего верности — верности и веры.

Он — Тот, Кто не любит предательства, Кто не любит прелюбодеяния, Кто запрещает его вполне. Он — Тот, Кто утверждает жизнь, и потому не любит никакого убийства. Он — Тот, Кто дает, а не незаконно берет, как вор, и ожидает того же от всех членов Своего народа.

Он — Тот, Кто являет Себя Небесным Отцом и потому ожидает почитания Отечества Небесного и Земного, чтобы продлить дни благословения в народе Божиим на земле обетования. Он — Тот, Кто не любит двойников, Кто не любит кумиров, идолов, ибо всякий идол — мерзость для Господа, будь то идол видимый или невидимый. Он — Тот, Кто жив, и потому можно Его окликнуть, можно Его призвать, произнеся Его имя, которое, конечно, — тайна, которое, конечно, дано знать лишь одному Его народу. И поэтому нельзя напрасно окликать Бога, нельзя этим злоупотреблять: иначе ты кликнул, и вот, Бог с тобою, а что если ты — пуст и тебе сказать-то Богу нечего?

Он — Тот, Который Сам в Себе имеет вечную память и ждет памяти и внимательности от Своих детей на земле. Если Он вывел народ из дома рабства и тем самым показал тот путь, который еще должны будут в свое время пройти сыны Всевышнего, то нужно почитать это чудо, это деяние. Надо учиться Закону, надо научиться уделять силы и время для Бога, ибо у каждого человека есть соблазн однажды сказать: «Все хорошо, Господи, но мне не до Тебя, мне некогда, я занят. Я занят собой и своим: своим домом, своим имуществом, своим здоровьем, своей честью пред лицом людей. Я занят, для Тебя у меня нет ни места, ни времени». Чтобы не случилось этого с людьми, столь часто легкомысленными и недалекими, нужно помнить то, что

Бог делал и делает для Своих детей, нужно освятить хоть один день в неделю для Бога, коли на большее мы пока не способны.

Десять заповедей, в основном достаточно конкретные и ясные, заканчиваются не столь уж конкретным и ясным словом: не пожелай чужого — ни дома, ни жены ближнего твоего, ни его работников, ни его имущества, ничего лишнего, не своего не пожелай. Не только не бери, не только не распоряжайся, но даже не желай, не простирай руки своей туда, куда не следует. Даже если эта рука лишь мысленная. В этой десятой заповеди уже как бы предвосхищались слова Христа Господня, которые мы знаем из Евангелия.

Бог говорил и говорил, как мы знаем, к Моисею, к Своему пророку, т. е. к тому, кто имел особые уши, чтобы слышать то, чего не слышат другие, имел особые глаза, чтобы видеть то, чего не видят другие, имел как бы все то же, что у других людей, и все-таки не то же, ибо все чувства пророка были те же и не те же. Бог говорил к Моисею, потому что больше обратиться Ему было не к кому, во всяком случае напрямую.

А что же народ, ради которого все это происходило, ради которого и говорились те великие слова на горе Хорив, которые слушал и услышал великий пророк? Народ видел все как бы в земных красках и в земных понятиях все осмысливал. Он, как далее и говорится, «видел гром и пламя», и слышал некий сильный колеблющийся звук, как бы трубный, и видел «гору дымящуюся», т. е. видел лишь землетрясение и извержение вулкана, то, что было ему понятно, что было ему известно и до Богоявления на Синае. И он, как всегда в таких случаях, для безопасности, увидев все это, «отступил и стал вдали», ожидая, что же будет дальше.

Страх был на сердце членов народа Божиего, и они сказали своему предводителю, Божиему пророку Моисею: «Вот, ты говори с нами, и мы тебя будем слушать, но вот только чтобы не говорил с нами Бог, иначе мы можем умереть», ведь нам страшно видеть и слышать то, что мы видим и слышим.

Да, в этих словах, дорогие братья и сестры, был страх, но не только страх, в них было обещание, обещание послушания пророку Божию. «Ты говори с нами, и мы будем слушать» — это означает, что мы будем слушаться тебя, ведь нам страшно слушать Бога — у нас нет твоих ушей, нам страшно видеть происходящее — у нас нет твоих глаз, у нас нет твоих органов чувств, воспринимающих божественное, но мы можем воспользоваться твоим посредничеством.

И увидев этот страх в народе, столь понятный и объяснимый, столь знакомый всем людям, страх древний и в то же время новый, Моисей услышал свой народ и возражать не стал. Он лишь сказал ему: »Не бойтесь!» Вы сейчас подобны с трудом держащемуся листу на древе, вы трясетесь, вы трепещете, вы боитесь, но не бойтесь! «Бог к вам пришел», но пришел Он не просто так. Он пришел, «чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили».

Здесь Моисей тоже употребляет не просто слова, а многозначные слова-символы. Он говорит о некоем божественном испытании, которое должно быть в народе Божиим, т. е. он говорит об искушении, которое проходил народ. И народ, проходя это синайское искушение, должен был расстаться с «древним ужасом», он должен был наполниться новым страхом — страхом Божиим, чтобы ему не грешить. Ибо без этого страха никому еще не дано было уйти от греха. «Бог к вам пришел, чтобы испытать вас», — говорит Моисей трясущемуся народу, освобождая его от низменного страха царственно и сильно. «Бог к вам пришел, чтобы страх Его был пред лицом вашим», ведь с тех пор, как вам будет дан Закон, который потребует от вас подчинения и, значит, удаления от греха, вам нужен будет этот страх.

И с тех пор все богопочитание, поклонение Богу, все устройство народного быта, государства, общества, культуры — все было подчинено одному: проповеди Закона и послушанию Закону с тем, чтобы не грешить, или хотя бы грешить меньше. Это и было тем искушением, не пройдя которого дорости до Христа человек не мог.

И вот, весь народ, услышав радостное для него «не бойтесь» и трудное для него о страхе Божиим, новом страхе, весь этот народ «стал вдали». Люди поняли, наконец, как они далеки от Бога, насколько преступление греха удалило их от сада Эдемского внутри них.

А Моисей тоже не стоял на месте, ибо ему больше говорить с народом было не о чем. Он пошел туда, «где Бог», он пошел туда, куда боялись и посмотреть члены его народа. Он показал пример того, на что народ решиться еще не мог, он пошел «во мрак».

Нет, дорогие братья и сестры, не во Свет, а именно «во мрак». Как и говорит нам Писание: »Моисей вступил во мрак, где Бог«. До достижения Света надо было ему еще пройти это искушение божественным мраком, ведь Моисей сам, хотя и был пророком, жил по закону древнему, ветхому, еще не зная дара Христова. И ему требовалось освобождение от уз, и ему нужно было оставить все на этой земле, совсем все ради Бога. Вот и он вступает во мрак освобождения, во мрак, который единственно и мог привести к Свету и который был, если хотите, залогом будущего Света.

Святые отцы очень долго думали, что это за божественный мрак. Размышляли, проверяли на опыте, рассуждали, говорили об этом, писали, и каждый раз, когда они по существу касались этой темы, они тоже вступали в какое-то странное, неведомое другим пространство, пространство мистического Богопознания. Ибо познать Свет, познать Свободу и Любовь во Христе можно было лишь через этот мрак. Не через тьму кромешную, внешнюю, где Бога нет, не было и не будет по самому определению этой тьмы, в которой Свет, может быть, и может воссиять, чтобы победить эту тьму, но смешаться он с нею не может, а именно через божественный мрак.

Нет, этот мрак — не та тьма, дорогие братья и сестры, которая ввергает человека в «древний ужас», в древний страх перед силой, чуждой небу и земле, человеку и Богу. Нет, не во ад и не во тьму внешнюю вступает Моисей, он вступает именно туда, где еще нет откровения Божией полноты во Свете, но где уже нет места «древнему ужасу». Где, может быть, еще нет места Свободе во Христе, но где уже происходит освобождение от привязанностей этого мира, рождающих «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую».

Итак, когда человек приходит к Богу, когда он начинает познавать Христа, он испытывает близкие состояния и чувства, он тоже должен дать обет Богу слушаться, он должен стать послушником Божиим, он тоже должен стараться изо всех сил не грешить, имея в себе Божий страх и отвергнув страх тьмы, и он должен пройти искушение, испытание от Бога. Он должен найти в себе и достаточно смирения, чтобы отойти немного назад, чтобы перестать ставить себя в центр мира, вольно или невольно обоготворяя себя, и он должен найти путь освобождения, должен в заповедях Божиих и в божественном мраке найти этот путь, для чего должен воспользоваться услугами Закона — «педагога», который пусть и раб, но раб со властью.

Вот поэтому, дорогие братья и сестры, всем нам и следует читать и перечитывать это замечательное место из двадцатой главы Исхода — и тем, кто проходит оглашение, и тем, кто его прошел. Нам следует вникнуть в глубину Божьего замысла о Своем народе, который не может в этом мире идти путями легкими, который не может служить и Богу, и маммоне, и одному господину, и другому.

Пусть же эта сила Божьего откровения, переданная нам из времен древних, из времен Моисея, через эти тысячелетия, пусть эта сила Богопознания приготовит нас к принятию Христа в свое сердце, чтобы наша христианская вера стала жизнью, а наша христианская жизнь — верой, жизнью на Небесах!

Будем благодарны Богу за Его пути, за Его милость, за ту возможность приобщиться к богоизбранному народу, которую дает нам Бог в Своей Церкви, в этом самом Своем народе и во всем Своем мире!

Пусть же наша вера и жизнь будут реальным «исполнением Закона», так чтобы ни одна черта, ни одна йота его не пропали даром!

Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Беседа после вечерни с оглашаемыми при их переходе на второй этап оглашения

Миссионерство и катехизация

Дорогие братья и сестры!

Сейчас я дам небольшой комментарий к тому, как будет начинаться и проходить второй этап оглашения, и потом мы прочтем молитву, которая сделает вас оглашаемыми второго этапа, или говоря на древнем церковном языке, просвещаемыми.

Прежде всего я должен вам сказать, что если вы чего-то не закончили из программы первого этапа, это необходимо сделать, конечно, при условии, что вас при этом допустили ко второму этапу, потому что обычно тех, кто что-то не дочитал, чего-то существенного на первом этапе не сделал, ко второму этапу не допускают. Но если катехизаторы дали вам какой-то аванс, пожалуйста, не подведите их. Если вы их подведете, то вы сорветесь со второго этапа, и это будет неприятно всем, и в общем-то, это будет на грани с грехом или даже за этой гранью.

Далее, вы знаете, что во всех или почти во всех группах встречи будут теперь по два раза в неделю, чтобы нам за восемь недель пройти все шестнадцать тем. Программа второго этапа напечатана в книжечке «Возможная система оглашения»*. Если у кого-то ее нет, обязательно найдите, она всем нужна — это программа всего того, что нужно для подготовки к каждой теме. И вам нужно будет, во-первых, не пропускать этих тем и, во-вторых, обязательно к ним готовиться, иначе вы просто ничего не будете понимать. Пожалуйста, не забудьте об этом.

Итак, к каждой встрече, к каждой теме готовьтесь и делайте очень точно все то, что от вас теперь потребуется. Допустим, уже на следующей неделе у вас будет первая встреча, тема ее — «Бог и мир. Сотворение мира». Вам нужно прочитать, как здесь написано, стихи 1–25 первой главы книги Бытия, т. е. почти всю первую главу этой книги. Вы, конечно, читали ее раньше, но теперь нужно прочитать заново, потому что будет уже специальный разговор о сотворении мира, о Боге и о мире. На этой же неделе вторая тема — «Божественное Откровение и Богопознание в Вере, Надежде и Любви» и беседа о Символе веры. Символ веры вам нужно будет выучить наизусть. Вас будут спрашивать, поэтому я говорю вам заранее. Причем учить наизусть надо по-церковнославянски, как Символ веры читается и поется в храмах. Но чтобы

вы все-таки что-то понимали и не думали наивно, что вам и так все понятно, особенно тем, кто уже знает Символ веры наизусть, проверьте себя — все равно сделайте перевод на русский язык и запишите его. Только, подчеркиваю, не пересказ, не толкование, не то, как вы этот текст понимаете, а свой перевод этого небольшого текста, который называется «Символ веры»: «Верую во единого Бога Отца...» и так далее. Катехизаторы проверят не только то, как вы будете знать наизусть этот очень важный текст, но и как вы его понимаете, чтобы помочь вам избежать ошибок. К сожалению, этих ошибок при переводе бывает очень много, особенно у тех, кто считает, что он все хорошо знает и понимает. Поразительно видеть, что именно самые самоуверенные хуже всего знают и понимают. Поэтому не впадайте в эти грехи и делайте по-настоящему серьезный перевод. Можете пользоваться словарем, но, конечно, не списывайте, хотя сейчас уже существует много разных переводов. Все это я сказал для вас просто как пример подготовки задания — к первой теме прочитать соответствующий текст, а ко второй выучить наизусть Символ веры и сделать перевод. Вот такие будут задания, вы их внимательно смотрите по списку и делайте их вовремя. Иначе, повторю, вам просто будет трудно слушать пленки или рассказ катехизаторов по темам.

Теперь я должен сказать одну важную вещь всем сразу. Второй этап оглашения — очень напряженное время. Конечно, не такое напряженное, как третий этап, но оно будет существенно отличаться от первого этапа оглашения. И здесь очень важно делать все и не пропускать встреч. Если вы пропустите в общей сложности четыре темы, то вам придется вернуться на первый этап оглашения, независимо от причин — заболел ли человек, в командировку ли уехал или что-то еще, все равно придется переместиться на первый этап. То же произойдет, если вы нарушите обеты, связанные с заповедями, запрещающими смертные грехи, с которыми второй этап оглашения проходить нельзя. Если человек не может, так сказать, решить своих проблем, связанных с плотскими грехами, то он переходит обратно — на первый этап. В древности таковых не держали и на первом этапе оглашения, и если мы все-таки держим таковых, то уж на второй не переводим. Пожалуйста, учтите это, дорогие мои, это важно, это очень, очень важно.

Итак, у вас будут два раза в неделю огласительные беседы. И я еще раз повторяю: если вы четыре темы, неважно, подряд или не подряд, пропустите, то автоматически переходите на первый этап. Не забудьте об этом и помолитесь, чтобы вам не болеть, не ездить в командировки и т. д., чтобы не было у вас искушений.

Теперь второе важнейшее различие между первым и вторым этапом — это храм. Все остальное более или менее будет сохраняться, по-старому, как было на первом этапе, только чтение, конечно, будет по программе, по порядку идущих в ней тем, а не по книгам, как это было раньше. И личная молитва останется той же, а вот храмовая молитва будет другой. Вам теперь обязательно два раза в неделю нужно быть в храме — утром, на литургии, на первой части ее, на литургии оглашаемых, к которой большинство из вас уже привыкли, а она, как вы знаете, недолгая, и вечером. Кто из вас причащается и кто готовится к причастию в данный день, те, конечно, будут оставаться на литургии и после возгласа: «Изыдите, оглашенные, изыдите». Все остальные, естественно, должны покидать храм, как положено по чину, по духу его и смыслу. В нашем храме вы можете быть на литургии оглашаемых как в субботу с 9 часов, так и в воскресенье с 10 часов. Те, кто любит побольше поспать, хочет немного отдохнуть, могут приходить в воскресенье: позже начнете, правда, позже и закончите. А вот в субботу вы в 9 часов начнете и закончите где-то в 10.30. И один раз в неделю надо еще быть на вечерне, при том, что у вас два раза в неделю будут тематические встречи, и значит, это довольно непросто. Утром вам нужно быть на литургии оглашаемых полностью, с начала и до конца обязательно, а вот на вечерней службе столько, сколько у вас есть сил и возможности. Вы можете быть полностью на вечерне или не с начала службы и не обязательно до конца, и лучше — в нашем

храме, потому что у нас вечером совершается только вечерня, а утром — утреня. В других храмах, к сожалению, обычно служат вечером вместе и вечерню, и утреню. Это, конечно, несколько несуразно. В других православных церквях от этого уже давно отказались. Да и в России на приходах этот обычай появился недавно — с середины XIX века.

Конечно, если вы пришли в храм вечером и у вас нет возможности быть на всей вечерне, это не значит, что нужно быть лишь 2, 3, 5 минут, иначе вы не успеете даже войти в дух и смысл молитвы. Вообще же старайтесь не опаздывать и хотя бы 20–30 минут побыть в храме. Послушали Писание, проповедь, а если уж плохо себя чувствуете или далеко ехать, или имеете какие-то другие обстоятельства, то можете уйти.

Вот, собственно говоря, все самое важное. Остальное вам скажут катехизаторы. Я не буду вас задерживать. Можно было бы о нюансах говорить долго, но повторяю, вам все расскажут катехизаторы.

Мы с вами сейчас будем читать молитвы. Первая молитва — молитва, которая вас сделает просвещаемыми, оглашаемыми второго этапа. Эта молитва не повторяется, и читаться она будет только над теми из вас, кто будет креститься или миропомазываться, т. е. воцерковляться не только через покаяние. Кто уже крещен и миропомазан в Православной церкви, тот вставать сейчас в ряд не будет, но соучаствовать, конечно, надо, и вы сами понимаете — почему. Ведь, наверное, все 100% — это люди, которые хотя и были крещены и миропомазаны, но совершенно не помнят и никогда не понимали того, что над ними читалось во время крещения в детстве или во взрослом возрасте. К сожалению, у нас в храмах обычно совершается крещение так, что воспринять это, увы, невозможно. Поэтому хотя над крещеными и не будет читаться эта первая молитва, вы в ней соучаствуйте, как бы вспоминая и восполняя то, что когда-то с вами уже происходило.

После первой молитвы будут прочтены еще три. Они называются запретительными молитвами, ибо они содержат запрещение, заклятие на дьявола. И вот эти молитвы уже будут каждую неделю повторяться.

Итак, первая молитва не повторяется. И она будет прочитана только над теми, кто будет воцерковляться через таинство Крещения или Миропомазания. Потом три молитвы — заклятие, запрещение на дьявола. Это особые молитвы, запрещающие как раз вот этой силе безотчетного страха и страстей господствовать в вас. Эти молитвы каждую неделю после вечернего богослужения будут повторяться в Никольском приделе. И каждый из вас, крещеный или некрещеный, каждый оглашаемый второго этапа сегодня будет участвовать в ней, прямо — только те, кто крестится и миропомазывается, а остальные — соучаствуя, соприсутствуя. Потом же они смогут и непосредственно участвовать в этих молитвах. Это древнейшая практика — повторение этих молитв. В древней Руси, скажем, в домонгольской, они повторялись даже каждый день, потому что человека иногда так забирает этот страх перед новой жизнью или просто безотчетный, иррациональный страх, которым, к сожалению, переполнен этот мир, плюс всякие неконтролируемые страсти, что человек действительно чего не хочет — делает, а чего хочет — не делает. Вот чтобы вы могли с этим бороться, особенно не впадать в смертные грехи, если будут искушения, какие бы то ни было, эти молитвы будут совершаться каждую неделю после вечерни в субботу вечером.

Теперь молитвы мы совершим в центре храма, хотя положено в притворе, но он слишком мал. Все знают, кто некрещен, ни у кого никаких сомнений в этом нет? Все спорные случаи мы разбирали. Все те, кто некрещен, сначала — братья, потом — сестры, таков древний порядок, и мы его будем соблюдать, встают в цепочку, за их спинами должны стоять поручители, крестные, т. е. один человек того же пола, что и крещаемый. Это в обычном случае, ну а если в

этом есть трудность, то можно и другого пола, но вообще по канонам положено того же пола. Если же ваши крестные отсутствуют или вы еще не выбрали их, то на нет и суда нет, хотя очень жаль, если это так. Далее встают те, кто будет миропомазываться, тоже сначала — братья, потом — сестры. Такие люди сегодня здесь есть.

Я знаю три категории среди миропомазуемых. Первая — это те, кто был крещен православными мирянами, не священниками, мужчинами или женщинами — все равно. Есть ли такие, кто был крещен, но не миропомазан? Есть два человека. Значит, вы будете миропомазываться.

Вторая категория — это те, кто не был миропомазан, потому что крестился не в Православной церкви. Это те из вас, кто был крещен не в Православной церкви и не крестился в Православной церкви никогда, и не получал миропомазания. Оно существует в Католической церкви, но в протестантских церквях этого таинства нет. Если кто-то крестился в протестантской церкви, в любой деноминации, секте, конфессии — все равно, то тоже нужно миропомазание. Креститься второй раз не нужно, хотя, к сожалению, некоторые православные священники сейчас переусердствуют и таких людей перекрещивают. При всех недостатках протестантского крещения там есть и достоинства, а недостатки легко найти и в православной практике. Те из вас, кто был крещен в протестантских церквях, не будучи ранее или после этого крещен в Православной церкви, поднимите руки, пожалуйста. Вот, есть, оказывается, евангелисты. Евангелисты — это те же протестанты, но если вы в детстве были крещены православным священником, то вам миропомазание не требуется.

И третий случай — это если человек был крещен и миропомазан, скажем, особенно в детстве, но после этого всю жизнь провел однозначно, сознательно вне Церкви и против Церкви. Тут внимание! Многие были неверующими. Но одно дело — человек просто был неверующим по своему конформистскому сознанию, а другое дело — если человек боролся с Церковью и с Богом или сознательно переходил, скажем, в другую религию. И тогда, если даже был прежде крещен и миропомазан в Православии, его нужно миропомазывать. Вот это самый сложный случай, потому что грань здесь очень, очень неформальная. Это дело суда вашей совести и ваших бесед, разговоров с вашими катехизаторами, которые должны были в случае сомнений определить ваш статус — будете вы миропомазываться или не будете. Вот если есть таковые из третьей категории, требующие миропомазания, пожалуйста, поднимите руки.

Подойдите поближе, не стесняйтесь, так как это сложный случай, и, может быть, нужно какие-то вопросы в связи с этим разрешить. Повторяю, третий случай — сложный, может быть, не все поняли. Это действительно трудно воспринимается на слух. Знаете, сомнения ведь у всех бывают, даже у глубоко верующих людей. Одно дело — вы переходили в другую религию сознательно и выступали сознательно против Христианства и против Бога, а другое дело — сомнения, искания. Тут очень важно, чтобы у вас не было никаких проблем, сейчас это тот момент, когда вам нужно очень четко определиться, чтобы потом не было никаких сомнений. Проблем нет?

Тогда давайте молиться!

15 февраля 1997 года

Сергей Аверинцев: Духовные слова в

храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках

Богословие и философия

8 сентября 1996 года. Слово на Евангелие Мф. 22, 1-14. Притча о брачном пире.

Как удивительно то Евангелие, которое мы сегодня слышали! Эту притчу мы читаем и у Луки, но в Евангелии от Матфея она изложена с особенной остротой. Все неожиданно. Званные не приходят, и тогда царь проявляет неслыханную, невероятную щедрость: зовет с улицы злых и добрых. Интересно, что злые упомянуты раньше: «злых и добрых». Все становятся зваными. Но потом оказывается, что человек, который пришел на пир не таким, каким он должен был прийти, изгоняется.

Всякому времени присущи два противоположных безумства, а в наше время они, кажется, проявляются с особой остротой. Во все времена злые, самоуверенные, ханжески настроенные люди, которые кажутся себе праведниками, легко думают и говорят о ком-то другом, что этот человек не может быть помилован Богом, он слишком плох для того, чтобы быть принятым Богом. И во все времена есть противоположное безумство: доброта Бога понимается как безразличное согласие на любое наше зло. Если Бог меня принимает, то Он примет меня вот таким, каков я есть, я могу пойти на пир, я же зван.

Притча эта удивительна прежде всего вот почему. Здравый смысл всех народов, который имеет свои права в своей области, приучает нас каждодневно думать, что люди делятся на порядочных, от которых мы ничего худого не ждем, немножко похуже и совсем дурных, которых надо остерегаться, которые, что называется, уже совсем пропащие. И мы привыкаем думать также, что человек, исполняющий из года в год свои обязанности перед Богом, свои религиозные обязанности, исполнит все, что нужно, в тот момент, когда это будет нужно. Повороты, которыми так обильна история, много раз убеждали, что это совсем не так. Христианство, которое гораздо глубже и гораздо сложнее философских учений и почтенных древних мудрых традиций народов мира дает нам гораздо более неожиданное и драматическое представление о добре и зле.

Родившиеся от благочестивых родителей в избранном народе, для евангельского времени, в единственном избранном народе Ветхого Завета, старались быть благочестивыми, как фарисеи! Это для нас фарисейство так легко стало бранным словом. Люди и правда старались быть набожными и исполнять изо дня в день свои обязанности. Но в какой-то миг, когда они должны сделать выбор, они делают ложный выбор. В какой-то миг, который решает все. Напротив, никто не достаточно плох, чтобы не сделать правильного выбора в этот решающий миг.

У английского христианского писателя, которого многие из нас читали в переводе или в подлиннике, Клайва Стейплза Льюиса есть стихотворение, которое все построено на том, что среди праведных нет ни одного, который в какой-то момент едва не пал, и среди падших, погибших, среди осужденных нет никого, кто в какой-то момент едва не спасся. Все решает миг. Какой миг? Будет разумно, если мы будем в каждое мгновение считать — вот этот. Все, что мы до сих пор как будто бы сделали, ничего не стоит, если мы сделали ложный выбор в самом главном вопросе, вот сейчас, здесь и сейчас. И все, что отягощает нашу совесть, не есть препятствие для того, чтобы мы сделали правильный выбор.

Но Царь щедр и добр, Небесный Царь, так как земные цари самыми добрыми не могут быть.

Земной царь не позовет нищих, бродяг, Бог весть кого с улицы. Но доброту Бога тоже можно понять очень ложным образом. Сегодня, как, впрочем, и во все времена, мы встречаемся с тем и с другим видом безумства. Неверующий человек, или язычник во времена новозаветные, неверующий человек, или оккультист и так далее в наши времена, никак не может считать себя не смеющим переступить порог царского дома, где устраивается пир. Пир — это привычный ветхозаветный символ мессианского события, прихода Царства Божия. «Доди» (ydoD — с еврейского буквально «мой любимый»), Жених — это одно из традиционных еврейских обозначений Мессии. Это, я думаю, все знают. Никто, набожный, пристойно себя ведущий, нравственный, по человеческому представлению, и тем более никто, подверженный тяжелым грехам, не может сказать, а ведь это мы тоже слышим, может быть, на Западе еще больше: «Бог благой, Он добрый, так значит, Он должен меня принять таким, каков я есть. Я достаточно хорош, кто бы я ни был, какие бы прискорбные, извращенные наклонности или дурные поступки в прошлом и настоящем меня ни отягощали. Бог же добрый, Он должен мне все простить, я достаточно хорош таков, каков я есть». Иначе это тот, кто приходит в небрачном одеянии.

Одеяние — это тоже очень древний символ. Вы знаете, когда мытарь Закхей удостоился неожиданно, совсем неожиданно для себя Господнего посещения, человек, просто по роду своих занятий привыкший когда-то к нечестной практике, он говорит сейчас же, по движению своей души, прежде чем Господь что-нибудь скажет: «Я в удвоенной мере верну всем, по отношению к кому я вел себя несправедливо». Вот он — это тот бродяга, нищий, преступник с улицы, кто, однако, входит на пир в брачном одеянии. Он знает, что он не может войти таким, каков он есть, что он должен сейчас же стать другим.

Два слова об историческом контексте притчи и о том, как мы ее должны слышать. Вы знаете, что среди наших братьев и сестер по вере, увы, бывают и бывали в прежние времена люди, слишком легко воспринимавшие тот смысл притчи, который обращен к избранному народу Ветхого Завета, к древнему Израилю, первой любви Бога: ну вот, эти иудеи, они были такими нехорошими, они званые, но они не пошли и даже убивали вестников царя, следовательно, с них их избранничество снято, оно передано нам; а дальше притча к нам вроде бы и не относится.

С другой стороны, есть люди, которые во вполне оправданном, по совести оправданном отталкивании от чудовищного и противоестественного явления, каким только и можно назвать христианский антисемитизм, стараются вовсе не замечать тех мест, в Евангелии от Иоанна, например, довольно многочисленных, где речь идет об укоризне иудеям. Но, по моему убеждению, мы должны прежде всего относить это к себе. Израиль, ветхозаветный Израиль был в древнее время народом, верующим в истинного Бога, а язычники, хотя не были неверующими, но у них не было веры в истинного Бога. Если мы — верующие среди неверующих, то у нас такое же положение. И как бы нам не стать зваными, которые не приходят, не приходят в тот момент, который решает все.

И еще. Может быть, вам приходилось читать что-то, что пишут и у нас сейчас под влиянием одного из направлений в протестантской, например, экзегезе, когда о некоторых местах в Евангелии от Матфея и Евангелии от Иоанна говорится как о погрешающих антисемитизмом и как бы долженствующих быть в нашем сознании исключенными из канона Нового Завета. Но ведь вот что поразительно: самые строгие укоризны ветхозаветному избранному народу, народу, избрание которого, мистическое избрание, если мы принимаем слова апостола Павла, не отменено окончательно, потому что Бог назад Своих слов не берет, эти самые строгие укоризны ветхозаветному Израилю, иудеям, мы находим у тех новозаветных авторов, которые самым глубоким и кровным образом, как Матфей, как Иоанн, были связаны не просто с

иудейством, но с палестинским иудейством, для которых это была их отчизна, воспитавшая их религиозная культура, между тем как у грека Луки мы таких мест не находим. Это заставляет нас задуматься. Мы должны услышать это не как чужое слово, слово, сказанное чужим, извне: мы — праведные, вы — дурные, но как слово обличения, порождаемое истинной, а не ложной любовью к своему народу и к своей отчизне, так же как это было у ветхозаветных пророков, которые говорили своему народу очень строгие слова. А как раз Лука не чувствует себя призванным пересказывать такие слова, потому что он грек. Мы должны почувствовать строгость, любящую строгость у самых укорененных в ветхозаветном Израиле авторов Нового Завета, и осторожность, я бы сказал, деликатность у тех авторов, которые по крови, и по культуре, и по воспитанию были дальше. Это нас тоже должно чему-то научить. Самое строгое слово можно говорить, только чувствуя себя заодно с теми, кому говоришь это слово. Извне обличать — не христианское дело, да и вообще бесполезное дело.

14 сентября 1996 года. Слово на паримию Нав. 5, 10-15

Сейчас прочитан отрывок из книги Иисуса Навина. Чтение имеет в себе некоторую загадочность, которая присуща древним повествованиям Ветхого Завета. И так и должно быть. Мы должны чувствовать, как менялось время даже внутри самого ветхозаветного цикла. Но вот и здесь мы слышали о конце одного времени и начале другого. Пройден путь пустыни, ушло то поколение, которое не заслужило войти в обетованную землю. Новое поколение входит в обетованную землю, вкушает от порождения этой земли, и чудесная, таинственная манна, питавшая избранный народ в пути, перестает падать. Кто-нибудь мог бы и опечалиться, хотя это была пища скудная, но чудесная, такое явственное свидетельство заботы Бога, заботы к тем, кто в пустыне не имеет другой пищи, а теперь пища может быть и более утешительная, но — обычная, плоды земли. Но так и должно быть, человек должен быть готов к тому, что проявление особой помощи, необходимой как знамение для веры, в особое время особого испытания, например, гонений, прекращается, когда в нем уже нет необходимости, и это тоже устроено провидением Божиим, и это тоже надо принять.

А затем мы слышим о явлении того ангела. В этом месте не употреблено слово «ангел»; употребленное здесь слово — только одно из различных слов, какими обозначаются ангелы в Ветхом Завете. Ветхий Завет — не катехизис, Ветхий Завет — опытное познание, и для того, что познается из опыта, человек находит разные слова. Слово, употребленное здесь, это еврейское слово «сарр», sr. Это очень трудно точно перевести, все слова, которые мы найдем для такого простого слова, односложного еврейского слова будут совершенно несообразными. В каждом языке есть слова непередаваемые, и это самые хорошие слова этого языка. Он как бы предводитель; если бы слово «вождь» не было так страшно испорчено историей XX века, можно было бы сказать — «вождь воинства Господня». Более поздние ветхозаветные тексты отождествляют эту фигуру с архангелом Михаилом, но здесь нет имени. Мы ощущаем именно первоначальность опыта. Иисус Навин не знает, кого он видит: человека, не человека, врага или друга. «Кто ты?» Это несравненная, осязаемая живость опыта, для которого еще нет готовых слов, готовых имен.

Но кроме того, это место заставляет нас задуматься над древним преданием, выраженным явственно в книге пророка Даниила, об ангелах народов. Это важная тема Ветхого Завета, хотя это не обязательный догмат Церкви. Нельзя сказать, что это входит в число вероучительных понятий, которые мы непременно обязуемся, присягаем принять. Но это древнее предание, ясно выраженное в некоторых местах Ветхого Завета и затем часто принимавшееся и христианскими богословами. Есть лицо, которое как бы воплощает сущность народа, его высшее призвание, замысел о нем Бога. Не богословию об этом говорить, это не богословская тема, это, скорее, тема для поэтов. Поэты не раз говорили о народных ангелах в роковые

минуты истории. У Вячеслава Иванова, среди русских поэтов, есть такие стихи. Задумаемся об этом, не будем торопиться ничего решать. Можно сказать только одно: для греческой философии, для немецкой классической философии сущность народа, сущность народного призвания, особого призвания, особой духовной возможности — это некое «оно», идея. Идея в платоновском ли смысле, в гегелевском ли смысле. Для Библии это лицо, *гај*, «фарр» — тоже князь, вождь, предводитель Господня воинства, архангел Михаил.

Вот мы должны в эти слова вслушиваться. Я не смею ничего добавить. Слово *rs*, «сарр» — это слово, весьма обычно прилагавшееся к человеку, который — предводитель в войне или в мире, хотя это слово отлично от целого ряда других понятий, например, от понятия судьи, столь важного для книги Судей, или от понятия царя.

В том, что мы слышали, есть научение для нас и есть тайна. И за тайну мы тоже должны возблагодарить Бога!

15 сентября 1996 года. Слово на Евангелие Мф. 22, 35–46

То, что слышали мы сегодня, невозможно слышать, в который бы раз мы это ни слышали, без потрясения сердца. Заповеди, на которых «держится», по удивительно простому и выразительному слову «*сгъmantai*» в греческом подлиннике, закон и пророки, это заповеди возлюбить Бога — всем сердцем, всей душой, всем помышлением, а в подобном же месте у Марка мы еще читаем, как и в словах Второзакония, которые имеет в виду Господь наш, «и всей силой своей», и возлюбить ближнего своего, как самого себя. Это значит, что требуется от нас не меньшее.

А кто из нас может сказать, что все наше сердце, и вся наша сила, и все наши мысли отданы любви к Богу? А ближний? В другом месте Евангелия мы читаем, как Иисус разъяснил, что есть ближний — это каждый, кто в нас нуждается, даже бы, как для милосердного самарянина, враг. Самаряне и иудеи были этническими врагами.

Полюбить ближнего не как-нибудь, а как самого себя. Что это значит? Да, мы ко многим людям, прости нас Господи, испытываем недобрые чувства, раздражительные, злобные. Но как мы любим и тех, кого мы любим? Не любим ли мы в них слишком часто свою любовь к ним, то, что нам в них нравится, то, чем они нам могут угодить, быть полезны и приятны, или же, в случае любви восторженной, не делаем ли мы из них кумиров и не любим ли мы вместо живого, реального человека со всеми его недостатками, создание нашей фантазии, и не закрываем ли мы глаз для того, чтобы любить, для того, чтобы сохранить любовь, на те свойства этого человека, которые нам не нравятся, не стараемся ли мы в случае сентиментальной восторженности чего-то об этом человеке не знать? Но ведь и о себе мы знаем очень много дурного. У одного русского поэта есть стихи, которые начинаются с цитаты из древнего языческого греческого стихотворения: «Мило только прекрасное, а не прекрасное — не мило». И затем говорится: «Но не прекрасного себя живу стыдясь, а все ж любя».

Любить другого, как себя самого, то есть видеть его жизнь, его бытие не в своей перспективе, не со своей, как мы говорим, точки зрения, а в его перспективе, в связанном контексте его жизни. Делаем ли мы это даже по отношению к тем людям, которых мы любим с сентиментальной нежностью, восторженным почитанием?

И это заставляет нас задуматься вот о чем: почему в молитве Господней Господь научил нас молиться: «...И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»? Не проще ли было бы сказать: «Прости нам нашу вину, наши грехи, как мы прощаем виновному перед нами его вину»? Но понятие прощаемых долгов шире, чем конкретная вина, конкретный грех.

У каждого из нас есть каждодневная вина, есть грехи, которые мы обязаны исповедовать перед священником и в лице его — перед Богом и просить за них прощения. Но помимо того, что ясно осознается как вина, нарушение простых нравственных законов, остается, даже при поведении, по-человечески говоря, безупречном, то, что мы все еще остаемся должны вот это — любить Бога всем нашим сердцем, всей нашей душой, всеми нашими мыслями, всей нашей силой и любить ближнего. Не просто быть порядочным человеком по отношению к ближнему, увы, мы не всегда умеем и это, не то, чтобы быть к другому человеку ласковым, приветливым и дарить ему то, что нам хочется ему подарить, а всегда то, что ему сейчас нужнее всего. Это не уместается в понятие непосредственной, несколько рассудочно понимаемой вины, но это долг, ибо мы так и остаемся в неоплатном долгу.

И теперь подумаем о ближних. Кроме случаев, когда нам нанесена уж очень жестокая обида, так бывает, но не чаще ли мы сердимся на других людей и отказываем им в нашей любви даже не за то, что они нам сделали, то, что сделали, легче простить, а вот за что — зачем он не такой, зачем в нем так много мелочности, так много низости, действительной или кажущейся нам, потому что мы на него смотрим с нашей точки зрения, нашими глазами.

Слова Господни заставляют вспомнить слова блаженного Августина: «Люби и делай, что хочешь». Это легко понять как какое-то слово, чересчур внушающее нам чуть ли не смягченное понятие о наших обязанностях. На самом деле кто смеет сказать, что он любит, любит Бога и любит ближних так, как надо. А если он имеет эту любовь, все, что он делает, будет правильно. Но не в воображении. Нет ничего более противоположного, чем любовь истинная и любовь воображаемая, любовь к реальному ближнему и к Богу, каков Он есть, и к воображаемому нами ближнему и к Богу, которого тоже можно вообразить, и это будет кумир.

А затем в Евангелии мы слышим беседу об отношении между ожидаемой, чаемой принадлежностью Мессии, Христа, к Давидовой династии и, этим самым, в понимании фарисеев, включенностью Мессии в политическую историю избранного Божьего народа, и тем, какова реальность Божьего действия в истории. Все не так просто. Четвероевангелие начинается, как мы все помним, с родословия, и в родословии Господь наш именуется Сыном Авраамовым и Сыном Давидовым. Но это все заставляет нас подумать, каким сильным было искушение для народа, действительно единственного избранного народа Ветхого Завета, отождествить святыню Божью, без остатка отождествить ее со своим политическим народным бытием, хотя бы и видя эту святыню как самое средоточие народного бытия, самое главное, самое важное, но все-таки часть целого. Ведь то, что мы слышали сегодня, рассказано в Евангелии от Матфея, в Евангелии, написанном, по-видимому, и по церковному преданию, и по научным соображениям для христиан из иудеев, и иудеев палестинских.

Как начинается Евангелие от Матфея? Идет родословие, и родословие по-гречески будет «bibloj genъsewj» — «книга происхождения». И потом, когда это родословие завершается, говорится буквально вот что: что же до Иисуса Христа, то Его происхождение было таким — и дальше повествуется о том, как ангел возвещает девственное зачатие. К сожалению, в переводах, и традиционных, и новых, во втором случае вместо «происхождение» стоит слово «рождество», или «рождение» в новейших переводах. Но в самых древних рукописях содержится слово «генесис», «gъnesij», и оно повторяет слово, которое в первом стихе. То есть врата, устрояемые человеческой и, разумеется, Священной историей для прихода Обетованного и Чаемого должны быть выстроены, они должны быть, таков замысел Божий, но приход Чаемого происходит иначе, чем ожидают люди.

Человеческие чаяния превзойдены, трансцендированы, Божьей волей. Так же, как затем мы читаем о волхвах. Все происходит так, как ожидали, и не так, потому что естественно было ожидать, что рождение Мессии, как событие важное для народа, для избранного народа,

священного Божьего народа, будет прежде всего возведено первосвященнику и вообще духовным властям и мирским властям, царю, и действительно это происходит, только этот царь — Ирод, и он получает эту весть от волхвов.

И как подробно, как неспешно рассказывает об этом Евангелие от Матфея! Происходит то, что вроде бы должно было происходить, событие объявлено законным властям избранного народа, и затем, это сказано очень коротко, ангел велит волхвам возвращаться другим путем, чтобы избежать действий Ирода.

Вы понимаете, мы никак не можем легко судить о соблазне, существовавшем для избранного народа, понять чисто, ну как бы это сказать, патриотически Божье дело, Священную Историю, если уже после земной жизни Христа и после Пятидесятницы, после рождения Вселенской Церкви, христианские народы снова и снова подпадали искушению понять веру как самый священный, может быть, но все-таки только символ своей национальной идентичности.

И первый, и второй эпизоды сегодняшнего Евангелия учат нас, насколько Божье превосходит человеческое и все человеческие мысли о Божеском.

Да будет нам дано хотя бы постоянно помнить об этом и прилагать усилия к тому, чтобы видеть дело Божье не со своей точки зрения, и ближнего видеть так, как мы видим себя!

Да дарует нам Божья милость смирение, которое выражается не в смиренноглаголении, не в смиренных жестах, а в расположении сердца, отказывающегося от своеволия и принимающего Божье!

Священник Георгий Кочетков: Сильна, как смерть, любовь

Богословие и философия

Любовь — самое привлекательное, и самое опасное явление на земле. На земле — как и на небе. Явление — как и откровение, и познание. Ибо Бог есть Любовь. И эта Любовь — главное в Боге, а Смерть — главный Его и Ее враг. Но сильна, как Смерть, Любовь. Любовь в Боге — это Жизнь, это Дух, это Истина, это Свобода, это Свет, это Вера, это Надежда, это Хлеб, это Путь, это Слово, способные к воплощению. В Любви мы — участники божественного естества. Любовь — это и наша жизнь, наш дух, наша истина, наша свобода, наш свет, наша вера и надежда, наш путь и наше слово-хлеб. Любовь — это Богооткровение и Богопознание. Полюбить — значит познать, познать — значит приобщиться в полноте и совершенстве и, следовательно, полюбить. И Бога, и человека, которого нам тоже еще следует открыть и познать.

Ошибка в Любви — предательство ее. Это прелюбодеяние. Это откровение и познание ада. Это лишение себя Света, Пути, Истины и Жизни, Свободы, Радости и Мира, Духа Божьего, Веры и Надежды, Слова и Хлеба. В результате — голод и жажда, зной и холод, одиночество и отчаяние, гордость и пустота, бессловесие и бездушие, безверие и безнадежность, мрак и тьма, беспутство, ложь и смерть, рабство, уныние и вражда, страх и ужас, и мировая скорбь.

Любовь — это сила. Без нее возможно только насилие. Любовь — это распростертые объятия, в пределе — это Крест для Бога и человека, объемлющий и высоту, и глубину, и широту, и долготу, объемлющий и всех, и вся. Любовь — Полнота и Единение агапэ, эроса, филие и

сторге. Это — новое откровение. Это — новое излияние Духа, это — все новое. Это — личностность, и соборность, и кафоличность. Это — полнота человека в Церкви и полнота Церкви в человеке. Как хорошо и приятно жить братьям вместе, это — как драгоценный елей, стекающий с головы на бороду и опушку одежды Великого Архиерея — Единого Помазанника, в Котором открылась возможность воплощения Полноты Любви, как Боговоплощения во всех и в каждом верующем и следующим за Ним.

Любовь — основа христианской семьи и общины, в которых нет места одиночеству, холоду и старости, эгоизму, себялюбию и мыслям типа «это — мое».

Любовь действительна, она — сила, она доходит до врагов в надежде примирения с ними и единения.

Любовь трепетна, исполнена даров и плодов: в Боге — Духа Святого, в человеке и в Церкви — духа, души и тела. Любовь — союз совершенства, его связь и полнота. Любовь — полнота святости. И поэтому все мы призваны к святости и совершенству, подобным Святости и Совершенству Отца нашего Небесного, Сына Божия и Сына Человеческого, и Его Тела, исполненного Духом Святым, соединившего в Себе Божеское и Человеческое, земное и небесное.

Любовь рождает всякую красоту и доброту, всякий порядок и закон, всякий образ и чин. Но она — больше всего этого. Она — по ту сторону добра и зла, красоты и безобразия, беспорядочности и порядка, закона и греха, чина и бесчиния, иконной идеи и безыдейности. От Любви воссияли Афины и Иерусалим, Рим, Константинополь и Москва, чтобы в метаистории открылся всем Новый Град — и Новый Иерусалим, и Новый Рим, и Новая Александрия, и Новая Антиохия.

Любовь учит своим Присутствием. Это — Экзистенция Бога и Человека. Она — Говорящее Безмолвие. От нее Покой и Тишина, исполненные Дыхания и Красок. Она — Краеугольный Камень. Кто на Него упадет — разобьется, а на кого Он упадет — того раздавит, или потопит в пучине морской. Любовь — Новая Пасха, Жертва живая и животворящая. Но ее надо найти — и не потерять!

3 апреля 1997 г.

*Песн 8: 6

**Митрополит Новгородский и
Санкт-Петербургский Серафим,
Архиепископ Московский Филарет,
Архиепископ: Предисловие к «Книге
Хвалений или Псалтири на русском**

ЯЗЫКЕ»

Библеистика

В предыдущем номере нашего журнала была напечатана проповедь свт. Филарета, митрополита Московского, при посещении им Свято-Троицкой единоверческой церкви. Святитель, обращаясь к сторонникам старых обрядов, утверждал, что «нет нам препятствия соутешиться верою общею... , если только искренно сего желаем и усердно взыскуем». Вместе с тем, свт. Филарет всегда желал укрепить в вере и овец «сего двора», т. е. тех, кто находился в церковной ограде, но для кого церковное богослужение и Священное писание чаще всего были малопонятными.

Продолжая разговор на эту тему, мы публикуем написанное тремя архиереями, членами Святейшего Синода Русской православной церкви, в том числе и святителем Филаретом, предисловие к 1-му изданию Псалтири «на российском языке», осуществленному в Москве в 1822 году.

К христоробивому читателю. По приведении к окончанию переложения Священных книг Нового Завета на русский язык переложена из книг Ветхого Завета и книга Псалмов. Она избрана потому, что издревле в Православной церкви есть обыкновение издавать ее часто отдельно от прочих Священных книг, и также потому, что книга эта обращается у православных христиан в особенном употреблении молитвенном, церковном и домашнем, и, следовательно, есть ближайшая потребность сделать ее по возможности для всякого вразумительной.

Издается она не на славянском и русском наречии вместе, как изданы книги Нового Завета, но на одном русском, для того между прочим, чтобы издание могло быть совершено скорее и, будучи дешевле, тем удобнее могло притти в употребление между людьми всех состояний.

Впрочем, кто пожелает сличить русское переложение со славянским, тому не трудно будет для этого взять славянскую Библию, со дня на день в большом количестве повсюду распространяемую.

Такового не бесполезно будет здесь кратко предварить о разностях в некоторых словах, которые усмотрит он между славянским и русским переложением. Знающим Псалтирь на языке еврейском, на котором она первоначально написана, и в переводе греческом, с которого сделан перевод славянский, известно происхождение и свойство таких разностей. Но и незнающим этих языков соотечественникам нашим уже показаны эти разности в толковании на Псалтирь, изданном с дозволения Святейшего Синода в Синодальной типографии в двух частях в 1814 году.

И ныне при составлении русского переложения принимаем был в соображение не один греческий перевод Псалтири, но и подлинник еврейский. Не трудно всякому рассудить, справедливо ли поступлено, что в составлении перевода обращено было внимание на подлинник.

В тех местах, где в еврейском подлиннике встречались слова, более или менее отличные своим значением от слов греческого перевода, и где слова еврейские в сравнении с греческими представляли более ясности и более взаимного согласия в целом составе речи, переводчики, без сомнения, обязаны были с особенной точностью держаться слов еврейских. Объясним это примерами.

Псалом II в стихе 12 в славянском переводе читается: примите наказание, а в русском: почтите Сына. Эта разность показана и в вышеупомянутом толковании на Псалтирь. О происхождении и свойстве этой разности трудно удовлетворительно изъясниться с незнающими еврейского и греческого языков, но поскольку для них-то и нужно здесь изъяснение, постараемся изъясниться, сколько можно. Из сличения в этом месте слов еврейских с греческими усматривается, что греческий перевод сделан с тех самых слов, которые и ныне читаются в еврейской Псалтири, но с утратой ясности; славянский перевод соответствует греческому; русский перевод представляет ясное значение слов еврейских; и насколько согласен он с составом целой речи, не трудно усмотреть из стихов 7 и 8, где сказано: возведу определение Господа: Он сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя. Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе. А Сына чтить повелевается в стихе 12. Не удивительно, что в греческом переводе этого места нет такой ясности. Перевод этот сделан прежде Рождества Христова, когда понятие о воплощении Сына Божия, конечно, не могло быть так ясно, как ныне.

Псалом XVI в стихах 13 и 14 в славянском читается: избави душу мою от нечестиваго, оружие Твое, от враг руки Твоея; Господи, от малых от земли, раздели я в животе их, и сокровенных Твоих исполни чрево их; насытишася сынов, и оставиша останки младенцем своим. Кто не примечает, что слова эти не довольно вразумительны? Поэтому в толковании, изданном по благословию Святейшего Синода, к этому славянскому переводу присовокуплен новый, более вразумительный, перевод этого места с еврейского. По той же причине и в русском переложении, по силе еврейского текста, яснее изложено это место так: защити душу мою мечем Твоим от нечестивого, рукою Твоею, Господи, от людей сих, от людей мира, коих удел есть здешняя жизнь, которых чрево Ты наполнил из Твоего хранилища, так что и сыны их будут сыты, и остаток оставят своим детям.

Псалом XVII в стихе 21 читается в славянском переводе: и воздаст ми Господь по правде моей, и по чистоте руку моею воздаст ми. А в русском: воздал мне Господь по правде моей, и за чистоту рук моих наградил меня. Точно так переведено это место и в толковании: воздаде ми, награди мене. И каждый читатель может усмотреть из предыдущих стихов псалма, что Давид говорит здесь не о будущем, а о том, что уже совершилось.

Псалом XVIII в стихе 5 читается в славянском: в солнце положи селение Свое. А в русском: солнцу поставил Он в них (то есть в небесах) жилище. Так переведено это место с еврейского и в толковании.

Псалом XX в стихе 13 читается в славянском: положиши я хребет, в избытцех Твоих уготовиши лице их. Кто не видит и здесь, что слова эти невразумительны? По сличении с текстом еврейским, в русском переложении это место изложено так: Ты поставишь их целию, из луков Твоих пустишь стрелы в лице их. Согласно с сим переведено и в толковании: положиши их в цель; стрелы Твои напряжеша противу лица их.

Псалом XXI в стихе 3 читается в славянском: Боже мой, воззову во дни, и не услышиши, и в нощи, и не в безумие мне. Очевидно, что и здесь невразумительны слова: и не в безумие мне; и, следовательно, для лучшего уразумения их нужно было прибегнуть к еврейскому подлиннику, по силе которого и сделан следующий перевод русский: Боже мой! Я вопию днем, но Ты не внимлешь мне; и нощию, но нет мне покоя. В толковании подобно этому сказано: и несть мне молчания.

Псалом XXIX в стихе 6 читается в славянском: яко гнев в ярости Его и живот в воли Его. Невразумительность слов гнев в ярости Его подала и здесь причину вновь перевести это место с еврейского, и оно переведено в толковании так: яко мгновение ока во гневЕ Его. Подобно

этому и ныне на русский переведено так: На мгновение гнев Его, на всю жизнь благоволение Его.

Псалом LXVII в стихе 7 читается в славянском: Бог вселяет единомысленныя в дом, изводя окованныя мужеством, такожде преогорчевающия живуция во гробех. А в русском: Бог одиноким дает семейство; узников выводит на места обильныя; а непокорные живут в знойных. Кто не видит, что и здесь русский перевод не без причины отступает в некоторых словах от славянского? Ибо славянский невразумителен. Кто не может через еврейский подлинник удостовериться в правильности русского перевода, тот найдет об этом свидетельство в часто упоминаемом толковании, изданном от Святейшего Синода.

Того же псалма стих 13 в славянском читается так: Царь сил возлюбленнаго, красотою дому разделити корысти. При всем уважении к древним переводчикам, осмеливаемся сказать, что слова эти ни мало невразумительны. Переводчики, конечно, с разумением написали их в переводе, но ныне, по принятым правилам словосочинения, нельзя открыть с убедительностью, что они здесь разумели. Очевидно, что надлежало и здесь обратиться к еврейскому подлиннику, и с него сделан следующий русский перевод, согласный и с толкованием, изданным от Святейшего Синода: Цари воинств бегут, бегут; а сидящая дома делит добычу. В толковании на первую часть этого стиха сказано: враги, хотя бы в ополчении величайших сил устремились на церковь, однако разсыпаны будут. Во второй части описывается, как говорит тоже толкование, такое множество добычи, что не токмо воины обогатились ею, но и самыя жены, спокойно в домах пребывающия, возымели в ней участие.

Псалом LXXXIX стих 12 в славянском читается так: десницу Твою тако скажи ми, и окованныя сердцем в мудрости. А в русском: научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое. И здесь должно повторить то же объяснение, что вместо невразумительного прежнего перевода сделан вразумительный с еврейского подлинника.

Чтобы не повторять того же многократно, оканчиваем эти выписки, предоставляя желающему продолжать такое сличение переводов и удостоверяя его однажды о всех случаях этого рода, что если где переводчики более или менее уклонялись от древнего перевода, то всегда приведены они были к этому необходимостью искать, сколько можно, ясного разумения Священной книги, и это разумение заимствовали всегда из еврейского подлинника, вникая в него со всевозможным тщанием.

Впрочем, если люди, сведущие в языках еврейском и греческом, с которых переложены Священные книги на славянский и русский, усмотрят в каких-либо местах предлагаемого здесь перевода, что эти места могут быть представлены в большей исправности и в более совершенном виде, на сей случай трудившиеся в переводе искренно и убедительно просят таковых сотрудничать в этом богоугодном деле сообщением своих замечаний и исправлений, которые приняты будут с благодарностью и взяты в соображение при других изданиях этого перевода.

Бог, благоволивший святому Слову Своему быть проповеданным на всех языках и наречиях, да благословит этот малый труд во славу имени Его, да покроет благодатью Своей недостатки трудившихся и сердца читающих эту Богодухновенную книгу да расположит так, чтобы они искали в ней не искусства письмен, но силы Духа Господня, дышущего через уста Пророка, и чтобы они ощутили эту силу к назиданию, утешению и спасению душ своих.

Елена Наринская: К вопросу о современной церковной ситуации

Церковная жизнь

Беседа студентки Свято-Филаретовской школы Елены Наринской с историком церкви Верой Михайловной Ереминой, Троице-Сергиева Лавра

Е. Наринская. Вера Михайловна, в самом начале, если Вам не трудно, расскажите, пожалуйста, о себе...

В.М. Еремина. В данное время я работаю секретарем Троице-Сергиевой Лавры и живу, в основном, там. Мое воцерковление произошло в 1975 г., и уже через полгода я получила благословение заниматься катехизической работой в среде московской интеллигенции — в условиях полугонений — готовить людей, интеллигентных с высшим образованием, занимающихся всяческой научной работой, ко крещению, преодолевая, разумеется, слабую веру, рационализм, какие-то школьные навыки, привычку к наукообразному выражению своих мыслей и т. д. И тут я буквально руководствовалась апостольским словом: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван» (1 Кор 7: 20). Сама же я получила домашнее филологическое образование, закончила химический факультет Московского университета, затем аспирантуру механико-математического факультета, прошла курс греческого языка на историческом факультете Московского университета, келейно занималась философией с Сергеем Сергеевичем Аверинцевым и сестрами Гайденко.

Е. Н. Как развивалось Ваше служение?

В. Е. Господь судил так, что в те годы я практически не работала, т. е. у меня громадный перерыв в стаже — 10 лет, которые я посвятила только учебе, так что, видимо, разностороннее образование было нужно как подготовка к церковному служению. Уже в более позднее время, в 1987 г., я открыла одну из первых тогда в Москве школ. Называлась она «Курсы подготовки катехизаторов, преподавателей воскресных школ», тогда как сами воскресные школы были в то время запрещены. А в просторечии эта школа стала называться «Школой Веры Михайловны». Проработала эта школа около полугода, и я отправилась за благословением в Московскую Патриархию. Освящал школу о. Димитрий Дудко, но он очень скоро отказался: само направление показалось ему слишком смелым. В то время ответственным секретарем Управления делами и секретарем Учебного комитета Московской Патриархии был о. Игорь Экономцев — ныне о. Иоанн, председатель Отдела катехизации и духовного образования Московского Патриархата. Получилось так, что я поведала об этой стороне своей деятельности именно ему — человеку, которому как раз надлежало в будущем возглавить духовное образование и, в частности, духовное просвещение мирян. А он, в свою очередь, съездил при первой возможности в Ленинград и взял благословение у тогдашнего митрополита Ленинградского, т. е. нынешнего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Все произошло промыслительно, и рука Божия здесь чувствуется явно во всем.

Е. Н. Расскажите немного о Вашей школе.

В. Е. Школа вот уже подходит к своему десятилетнему рубежу, но она так и осталась в условиях как бы полудомашних. Я занимаюсь у себя дома, ученики и ученицы приезжают ко мне. Обыкновенно я занимаюсь с людьми, которые и после окончания школы не покидают своей основной деятельности. Это, в основном, педагоги, врачи и теперь еще работники

приходских советов, т. е. приходских церквей и монастырских подворий. Все эти люди трудятся на своем поприще, совмещая работу с катехизической деятельностью. И врачу, и педагогу, оказывается, нужно достаточно глубоко знать Закон Божий. А что касается нынешнего курса лекций, то он отработан был как раз в моей школе. Сейчас он уже расширен с учетом опыта Огласительного училища и высшей школы о. Георгия Кочеткова. Я почувствовала, что аудитория в вашей школе серьезная, а главное то, что мне для первой беседы дано четыре академических часа. Это значит, что можно все-таки особенно уж не сокращать, не рвать и не комкать материал. Люди, которые здесь собираются, — это люди с горячей верой. Стало быть, они ни зевать, ни уставать особенно не будут.

А вообще моя деятельность в среде московской, и не только московской, интеллигенции началась еще в 1975 г., т. е. продолжается уже более 20 лет. В зависимости от слушателей я как-то меняю и методику, и подход, но так или иначе это всегда одинаково полезно. Может быть, даже полезней мне, чем моим слушателям. Все, конечно, все совершается с молитвой, и я чувствую, что Господь помогает.

Е. Н. Немного о процессе научения в Вашей школе: как это происходит, насколько времени рассчитан курс?

В. Е. Курс обучения достаточно длинный — 7 лет. Это подходит только тем людям, которых тоже послал Бог. У меня многие уходили, не закончив. Но оказывается, это как раз и не件озуно. Одна из таких учениц поступила в Гефсиманский монастырь на Святой Земле, который в Карловацкой юрисдикции, другой недоучившийся ученик в католики махнул... То есть, друзья мои, лучше уж дойти до конца.

У меня принцип такой, что мои ученики должны проходить не просто курс обучения, а настоящую, внутреннюю школу воцерковления. Ко мне приходят люди, которые в храм ходят уже много лет, более того, люди, которые каждый день сами читают Священное писание, которые читают духовную литературу. Я всегда иду навстречу тому, чего они от меня хотят. В школу многие приходят с середины учебного процесса, т. е. на третий год, на четвертый... Меня, например, попросили вновь пройти Священное писание Ветхого и Нового Завета, особенно Ветхого, потому что оно известно гораздо хуже. И я начала с ними работу, исходя еще как-то и из их личностей. Поэтому я, например, прошла книгу Бытия, а дальше говорю, что книгу Исход и так далее, вплоть до Второзакония, вы уже читать умеете. То есть я даю не столько материал, сколько навык — как работать, как читать Священное писание. Мы сейчас с ними проходим книгу Иова, будем брать каждое занятие по 3–4 главы, не больше, потому что есть тенденция в книге Иова читать первые две главы и еще последнюю, и, получается, что упускается главное. Это только маленький штришок, но он показывает подход.

Мои занятия все-таки всегда импровизированы. Даже если я к ним готовлюсь, то иногда явно вижу, что пошла совсем не по подготовленному пути. Видимо, так и нужно. После каждого занятия я заказываю в Лавре молебен обо всех, кто присутствовал. Есть еще у нас дежурный духовник (его назначил собственно наместник Лавры) — архимандрит Георгий (Тертышников), который выступает по «Радонежу». Но это только дежурный, в крайнем случае, в случае какой-то острой необходимости, потому что мои ученики — народ всё церковный, все имеют собственных духовников и никогда в храме не бывают пассивны.

Мы все сейчас свидетели чуда: гонения на Церковь прекратились сами собою. Когда я открывала школу, о. Иоанн (Экономцев) задал мне два вопроса: сколько у меня человек и не беспокоит ли меня милиция. Он не говорил мне, что существует неотмененное законодательство 1929 г., он только спросил: «Откуда Вы такая взялись?» Отчасти это было очень понятно.

Е. Н. Позвольте тогда и мне задать Вам тот же вопрос: «Откуда Вы такая взяли?»

В. Е. Я выросла в семье, куда, во-первых, советская действительность не допускалась благодаря героическому характеру моей мамы и, во-вторых, мы были все-таки семейство пушкиниста Еремина... Нас раньше «пасли» и не трогали, берегли как престижные единицы. Я привыкла, что страх, который, вообще говоря, нагнетался в тот период времени, мне был совершенно чужд, поэтому было как-то легко, т. е. я себя все время чувствовала в особом, привилегированном, защищенном положении. И это, конечно, исключительно помощь свыше.

А вообще-то в нашей семье существовала молитвенная традиция, корни христианские были всегда. Например, в семье сохранялась традиция молиться за автора военной реформы при Александре II — графа Дмитрия Милютина. Уже не осталось никаких следов — ни армии той давно нет, да и вообще ничего давно нет, а вот память осталась, благословение осталось. То есть добрые дела пред Господом не пропадают. Это было мне внушено с младенчества. Поэтому когда для меня начался церковный путь, для родителей, конечно, тут было много страха, много всяческой душевной борьбы, но в конце концов они смирились, и смирились тогда, когда еще не было такой прямой надежды, не было явных таких указаний, что вся обстановка внешняя очень скоро подлежит резким и уже необратимым изменениям.

Е. Н. Были ли у Вас в семье люди, наиболее близкие Вам по духу?

В. Е. Мой дедушка, Павел Ефимович Еремин, был как раз исповедником Христовой веры. До 1927 г. он был бессменным церковным старостой в течение 23 лет. В 1927 г., в начале первой «безбожной пятилетки», он обходил пешком эти самые села своей родины — Самарской губернии и епархии — и собирал подписи, которые, между прочим, давали очень скупое. Затем ему пришлось перенести первый раз узилище четырехлетнее (с 1930 по 1934 гг.), а в 1937 г. получить 10 лет без права переписки. Но он не был расстрелян. В 1947 г. в день Воздвижения Животворящего Креста Господня он скончался в лагере буквально накануне своего освобождения. От него осталось наше родовое предание, что на тогдашней воле было хуже всякого лагеря. Поэтому он, живя там, неуклонно молился об оставшихся. А там каким-то образом его Господь укреплял, хотя на каждом разводе с него срывали крест, и каждую ночь осторожненько он резал себе новый. Так получилось, что русский человек имеет от Бога удивительную способность — не отчаиваться и не унывать. Уныние приходит скорее в интеллигентскую душу. Так вот, они с соседом по нарам поменялись адресами, конечно, наизусть, и дали друг другу слово, кто раньше выйдет, тот должен навестить семью, и вышло, что у соседа по нарам был сын — Герой Советского Союза, а по личному приказу Сталина ближайших родственников таких людей освобождали. В начале 1946 г., он навестил мою бабушку, еще живую. Вот это как раз и есть свидетельство, которое у нас сохранилось.

Е. Н. Как развивалось далее Ваше служение?

В. Е. Так получилось, что мое служение приобрело еще и другой характер: в 1987 г., уже через год после Чернобыля, поставив в известность представителей некоторых чинов из Московской Патриархии, я собрала церковно-общественный комитет (тогда это было еще внове) по возрождению Киево-Печерской Лавры. В то время там еще был музей. Я отправилась в Киев создавать народное мнение в пользу открытия Киево-Печерской Лавры. Я знала, что общественное мнение не есть нечто стихийное, спонтанное, что всегда возможна работа, которая приносит плоды. Через месяц я вернулась в Москву, тогда же собрала церковно-общественный комитет и начала бомбить письмами инстанции — украинские и центральные. А потом уже как председатель или заместитель председателя своего комитета послала телеграммы — на удивление работницам Центрального телеграфа — в Верховный Совет Украины. Когда я получила первый ответ на свое имя из Совета по делам религий, я

поняла, что это победа. Вы знаете, что в июне 1988 г., в год тысячелетия Крещения Руси, в связи с этим празднованием Киево-Печерская Лавра была открыта, т. е. поначалу были открыты только Дальние пещеры. Но я почувствовала тогда же, что моя деятельность на этом участке кончилась, и я распустила свой комитет. Однако через некоторое время собрала уже другой и для другого поприща. Это был тоже церковно-общественный комитет — по открытию Черниговского скита при Троице-Сергиевой Лавре. Это был декабрь, т. е. конец 1988 г., когда в наших монастырях, особенно в традиционных, были сильны чаяния близкого конца света. Теперь уже можно сказать, что разделял их и покойный патриарх Пимен. Так или иначе, но благодаря личному доверию наместника Лавры архимандрита Феоноста было приказано не мешать мне, но и не помогать.

Е. Н. Расскажите, пожалуйста, немного о тех людях, с которыми Вам приходилось общаться в жизни.

В. Е. В этом смысле меня церковно вскармливал Сергиев Посад: я имела близкое знакомство как раз с церковными людьми, прошедшими весь этот страданный путь Русской православной церкви. Теперь большинство из них уже преставилось. Но я-то их застала не только в живых, но и в силе, еще при хорошей памяти, при некотором церковном служении и т. д. Например, в начале 1992 г. скончался протодиакон Сергей Боскин. Это был живой свидетель, знавший митрополита Сергия — местоблюстителя и, особенно, его секретаря — Сергия-Младшего. Это был человек, помнивший живого патриарха Тихона и, главное, помнивший вот этих самых старцев московского ареала. Человек, который тоже был склонен считать, что уже конец и что ничего другого уже не будет. Когда я настаивала и говорила, что Вы сами все увидите, он с какой-то удивительной добротой прислушивался ко мне. А потом, когда уже мое имя стали склонять западные радиостанции (он их все слушал), то он с некоторым веселым недоумением наблюдал за мной и только повторял: «Эка бедовая». Во всяком случае протодиакон Сергей Боскин был свидетелем возрождения Черниговского скита. Он немедленно поступил туда служить как вдовый протодиакон и привнес туда традиционное скитское богослужение, т. е. как раз ту церковную традицию, в частности, литургическую, живым носителем которой он был. А покойная Екатерина Павловна Васильчикова, схимонахиня Елисавета, которая была духовным чадом иеромонаха Порфирия, келейника старца Варнавы, — преподобного Варнавы Гефсиманского, меня нашла сама, узнав от общих знакомых, что есть человек, который собирает материалы о старце Варнаве. Она позвонила мне и прямо сказала: «Я могу умереть, и тогда все, что я знаю, уйдет со мной. Приезжайте». И конечно, как только явилась возможность, я к ней примчалась, и стала ее другом, другом ее старости. Я не только записала все, что она хотела мне сообщить, я, по мере возможности, восприняла вот это живое предание церковных людей, принадлежавших дворянскому обществу, так называемых «уцелевших», т. е. людей, логикой системы обреченных на уничтожение, но уцелевших, разумеется, по промыслу Божию. Я краешком коснулась московских диссидентских образований. По правде сказать, я была не просто разочарована, но научена на опыте, поняла, что с гордостью сделать ничего в Церкви нельзя, что церковное дело совершается со смирением. Вот только поглядевши на Якунина, тогда еще не лишённого священнического сана, и Виктора Аксючица, я про себя тогда решила: да здравствует Чистый переулочек.

Е. Н. Расскажите в таком случае о Вашей деятельности около Чистого переулка.

В. Е. С 1983 г. я трудилась в издательстве Московской Патриархии, а в 1990 г., уже в хлопотах о Черниговском ските, меня пригласили перейти на службу в Троице-Сергиеву Лавру. Мне не сулили никаких преимуществ, ни всякого, так сказать, прохладного житья, а просто сказали — уж видно, такова Божья воля, надо. И я про себя заметила, что если то-то и то-то, значит, действительно Господь так велел. Так оно и вышло. По-настоящему, вся моя деятельность на

разных участках церковной нивы не была оставлена Господом. У меня был период большей известности и большей выставленности, были периоды очень прикровенные, когда мне просто было предложено сидеть «как мышь в норе». Но так или иначе, я всякий раз чувствовала себя при деле. Я с детства была приучена, что интеллигент должен все время иметь дело в руках и чтобы голова всегда была занята, и вообще, что трудиться нужно не покладая рук и не поднимая головы. Этот навык, видимо, во мне и остался.

Е. Н. Одно из Ваших служений — написание житийных, исторических книг. Не могли бы Вы рассказать об этом подробнее.

В. Е. В свое время я писала много. Сейчас, пожалуй, меньше. К этому делу я отношусь с должным пониманием. Для меня было радостью, что мои книжки «Жизнь во славу Божию» (о старце Варнаве) и затем «Гефсиманский скит», написанные в связи с предстоящей канонизацией преподобного Варнавы, успел прочесть незадолго до своей кончины чтимый мною подвижник благочестия архимандрит Софроний (Сахаров). Его я считаю серьезным учителем, т. е. носителем благодатной и истинной православной традиции, свидетелем во Христе. Эту церковную истину Ефрем Сирийский выразил бессмертными словами: «Никого прежде конца не ублажай и ни в ком прежде смерти не отчаивайся». Поскольку земной конец его уже прошел, мы имеем право это сказать.

Е. Н. Над чем Вы трудитесь в данный момент?

В. Е. Сейчас мое задание — написать книгу о старце Захарии, последнем старце Троице-Сергиевой Лавры перед ее разгоном, который похоронен на Немецком кладбище. Долгое время его личность считалась полуполюгендарной, главным образом из-за отсутствия фактических и документальных материалов. А духовные чада от усердия мало ли что могут сказать. Но вот в архиве Троице-Сергиевой Лавры мы нашли целый корпус документов, которые восстановили и фамилию, и год пострига, и многие другие обстоятельства его жизни. Документы совершенно подтверждают фактическую канву, а все остальное — уже просто свидетельства верующих. Это то, что мне предстоит.

Е. Н. Откуда Вы черпаете материал для своих книг?

В. Е. Ко мне так или иначе приходят разные свидетельства о недавних подвижниках благочестия XX века. Тут нужно назвать старца Данилова монастыря архимандрита Георгия (Лаврова). Мною подготовлена и откомментирована работа по воспоминаниям Елены Владимировны Чичериной. Книга вышла в сборнике «Троицкое Слово», в 9-м и 10-м выпусках. Затем, в Белгородской области, в с. Ракитное — архимандрит Серафим (Тяпочкин). О нем также со слов живых свидетелей мне удалось кое-что написать. Затем, схимонахиня Мария (Маковкина) — из духовных чад старца Варнавы, скончавшаяся в 1971 г., и келейник старца — иеромонах Порфирий. Эти работы еще ждут своей публикации, но они уже вошли в канонизационные материалы по прославлению старца Варнавы Гефсиманского. Далее — как Бог даст. Постепенно я собираю материалы и о патриархе Сергии.

Е. Н. Слушаю Ваш удивительно интересный рассказ, и у меня сложилось впечатление, что вопрос о выборе служения для Вас никогда не стоял. Их у Вас был избыток. Какое из своих служений Вы считаете наиболее важным и актуальным для современной церкви?

В. Е. Дело это у меня меняется. Меняется просто во времени. Притом это не есть мое решение: если угодно, я просто непреодолимой благодатью чувствую, как у меня одно служение как бы очень сильно умалывается, зато развивается другое. Некоторое время, особенно 1991, затем 1993–1994 гг., все мое время поглощала Лавра. Служение у меня было практически

чиновничье. Мой папа, например, это называл по прежнему раскладу — «чиновник для особых поручений». Действительно, речь шла об оформлении тогдашней документации, о передаче Лавре новых храмов, бывших обителей и о выводе из Лавры музея, основанного женой Троицкого по декрету Ленина. Во всяком случае я тогда ничего другого для себя не желала. Сейчас я остаюсь в Лавре, но вот этого обилия чиновничьей работы уже нет.

Е. Н. Какое место в Вашей жизни сейчас занимает просветительская деятельность?

В. Е. Школу вести я продолжаю и чувствую, что Господь меня как-то ведет, что какие-то силы нужно приложить и к устройению катехизической школы, к устройению духовного образования для мирян. В свое время, когда оно было практически закрыто, я, может быть, больше, чем многие, чувствовала не просто явную недостаточность, а прямо мертвение церковного тела во многих его членах. Вы знаете, что Православная церковь не принимает католического деления церковного общества на пастырей и пасомых — «Дух дышит, идеже хочет» (Ин 3: 8). Поэтому религиозное образование, полное и всестороннее, насущно необходимо как мирянам, так и священникам. Миряне не должны быть церковно полуграмотными — это часто приводит к пагубным для Церкви последствиям. В Католичестве, например, многие ложные представления укреплялись сначала в церковном народе; иерархия сколько могла боролась с ними, но изнемогала. Это всякий раз бывает, когда мы нарушаем промыслиение Главы Церкви о полном ее теле. Господь утвердил Церковь Свою, уже стяжал святою Своею Кровию, и Он же пречистыми устами Своими возвестил, что «Дух дышит, идеже хочет». Возлагать религиозные знания на клир, на духовенство и лишать просвещения церковный народ — это значит пытаться связать свободу Духа Святого. Сделать этого, разумеется, нельзя, но такая попытка не проходит бесследно, она всегда имеет отрицательные последствия.

Е. Н. Вы сказали, что Православная церковь не способствует этому искусственному разделению клира и мирян. Но к сожалению, мы очень часто видим большое разграничение между монашеством и мирянами, между пастырем и приходом. Между ними порой бывает пропасть.

В. Е. К сожалению, очень часто. Но это явление явно нежелательное. Можно назвать многие причины, откуда это пошло, и это как болезнь — мы всегда можем указать на источник этой болезни, но болезнь — это не рок, она подлежит исцелению.

Е. Н. Как Вы считаете, просвещением ли мирян или обоюдным просвещением можно достигнуть исцеления?

В. Е. Прежде всего, конечно, все отношения, всё устройство Своей Церкви регулирует ее Глава. Он направляет — Господь Иисус Христос. И если мы оглянемся на прошлое нашей церкви, то увидим, что, например, середина XIX века и конец XX — это нечто несопоставимое. То есть меньше полутора столетий прошло, а картина настолько другая, что прямо поражаешься, как это могло произойти. Ведь начало XVIII века (после 1721 г., когда было введено синодальное управление в церкви) от конца XIX отличается не столь уж кардинально. А у нас сейчас и сравнить нельзя. И попытка вернуть церковную жизнь в какие-то формы середины XIX века не только бесперспективна, но и пагубна. Это совсем не нужно возвращать. Нечего и говорить, что всякое изменение церковной жизни, ее характера всегда бывает с какими-то болезненными явлениями. Болезненные явления нужно понимать, покрывать любовью, но всегда помнить, что «гордым Бог противится, смиренным дает благодать». И смирение нужно не для какой-то одной части церкви, а для всех.

Е. Н. Что с Вашей точки зрения сейчас наиболее опасно для Церкви?

В. Е. Единственное, чего бы нужно беречься, — это пытаться придать церковной жизни какие-то наперед заданные черты, когда за образец берется если не середина XIX века, то X век, или если не X век, то апостольское время, на таких искусственных попытках зиждется всякое реформационное устремление. И это действительно внутренняя ошибка. Бывает болезнь нетерпеливого сердца, а бывает и мечта гордого ума. Такие вещи, конечно, нужно всячески пресекать.

Е. Н. Каким образом?

В. Е. Прежде всего каждому человеку в себе. Ведь каждого человека Господь наделяет не только призванием в Церкви, т. е. местом в Небесном Иерусалиме. Он наделяет людей некоторыми способностями, талантами. И люди талантливые — они же и более доступные для таких мечтательных намерений, идей и т. д. Иногда эти идеи в них укрепляются раньше, чем сам человек научается с ними бороться. Вот отсюда и выходят деятели, которые при всяких благих намерениях становятся несчастьем для Христовой Церкви.

Е. Н. В выходе на служение, особенно в том, чтобы это служение воплотить в жизнь, христианину не обойтись без дерзновения...

В. Е. Да ведь смотря какое дерзновение: если это уже призвание во Христе, то Сам Господь и дает нужные силы, независимо от того, что могут думать или не думать об этом окружающие. Дерзновение не является самоцелью. Даже наоборот, как раб Божий обыкновенно не замечает своего благочестия, так он не замечает и дерзновения. Он идет, куда ведет рука Господня, и, как однажды выразился мой ученик, получается, что возникает как бы коридор: раздвигаются события, люди, само время, и дается возможность — как при исходе Израиля из египетского рабства, когда море расступилось и позволило человеку пройти. Ну как возьмешь благословение на дерзновение? Это уже постфактум: оглядываясь назад, человек понимает и отмечает: «Эка я тогда, можно сказать..!»

Е. Н. А как в Вашей жизни проявляется дерзновение?

В. Е. Помню, когда моя деятельность протекала в Киеве, ко мне подошел ставший впоследствии моим помощником Павел Проценко и спросил, как это меня до сих пор не посадили. Я говорю: «Да хранит же Господь». «Да, — говорит, — значит, Господь хранит». Потому что он сам был свидетелем того, что деятели такого рода чаще всего на свободе-то уже и не оставались. Но это было тогда. Сейчас мы своими глазами видим, как небо приныкает к земле: многие деятели, которые раньше беспрепятственно разворачивали бы свою деятельность, Божьим промыслом как-то исчезают с церковного горизонта. То они в расколе оказываются, то без сана, то еще как-то. Ведь это великая Божия милость. Если мы все внутренне боимся поступить по своему разумению, но ищем вразумления от Господа, то Господь верных Своих ведь не оставляет без вразумления. Более того, и не устает их вести. Он сказал: «Аз есмь Путь, Истина и Живот». Раз Путь, то Он же потихонечку и направляет. И так бывает, что мы сами не знаем, каков этот путь и как он пойдет. Также ученики Христовы не знали о завтрашнем дне и куда пойдет их Учитель: на гору ли Фавор или уже на распятие. Мы переживаем сейчас удивительное, на самом деле благодатное время, когда идет оживление жизни во Христе.

Е. Н. Чем же особенным знаменуется наше время? Когда оно наступило?

В. Е. Когда потеряли притягательную силу так называемые «манящие огни». Где сейчас театр? Кому он нужен? Кто сейчас пишет романы, кроме графоманов? И так далее. Каким-то образом все эти второстепенные ценности заняли свое второстепенное место. А Христова Церковь,

которая по крайней мере три столетия умалчалась, когда к ней относились в лучшем случае, как к иконе в углу? Сколько мы видим теорий в связи со славянофильским воззрением, что такое Церковь в государстве в синодальный период, что за место она занимает в государстве! Да нет! Она должна стать во главе угла всей жизни крещеных людей, а все остальное уж приложится. Мы видим и явно свидетельствуем об умалении так называемой научной деятельности, расточении куда-то так называемых научных школ, переселении за границу деятелей науки и культуры и т. д. А ведь если это перевести на язык церковный, то члены Церкви осознают себя таковыми, и уже все остальное как-то теряет для них притягательную силу. Этот дух цивилизации постепенно перестает их отравлять. «Манящие огни» потухли. Люди уже ищут путеводной звезды, но именно возгорающейся, как звезда для волхвов.

Е. Н. Действительно, с угасанием цивилизации образуется какая-то пустота, ею открываемая. Слава Богу, что есть люди, которые успели оказаться в Церкви, которые видят самый главный Огонь — Огонь Неугасимый. Но люди за церковными границами, люди нецерковные начинают ощущать эту пустоту в себе и вокруг них, потому что все-таки чаще всего границы храма обуславливаются каменными границами...

В. Е. Да, как правило, пока это так. Хотя, вообще говоря, это пока еще только начало. Но Вы правы, люди ощущают крушение тех ценностей, которыми они как-то руководствовались. Пройдет время и время, и это еще труд сердца, пока люди поймут, что они все-таки служили идолам. Если человек начинает понимать, что все-таки это был идол, который требовал жертвоприношений, — это уже полдела. Другое дело, когда человек не хочет остановиться и не хочет посмотреть. Словом, «имеющий уши, да слышит». Для этого нужно внутреннее сосредоточение. Нужно оглянуться, подумать, нужна какая-то внутренняя духовная пауза. Понимаете, человек ощущает пустоту, если он исповедует себя приверженцем того-то, того-то, того-то и того-то. А если он просто ощутит себя человеком, да еще искупленным Христовой Кровью... Но для этого надо иметь веру. Одно дело, что он видит окружающих верующих, которые исповедуют себя открыто, и совсем другое дело, когда Господь призывает всех, стучится в каждое сердце, но отворяют все по-разному.

Е. Н. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в одном из своих заявлений сказал о том, что миссионерское делание для Русской православной церкви является наиважнейшим. Уже прошло достаточно времени, а как таковой миссии в церкви — в церкви с огромным потенциалом и великими традициями миссионерствования — нет.

В. Е. Традиции-то великие, но характер миссионерского служения меняется сообразно месту и времени. Скажем, митрополит Макарий (Невский) — просветитель Алтая; но этот же просветитель Алтая оказался бессильным просветить революционеров, крещеных и воспитанных кое-как в православных семьях. Господь дает нам прежде всего время. Я за свою практику много раз убеждалась, что инерция сознания — это дело могущественное. Господь учит нас по мере нашего собственного внутреннего просвещения Божьей благодатью. Поэтому наша так называемая миссионерская деятельность среди соотечественников, современников, принадлежащих той же культурной традиции или какой-то очень близкой, на самом деле очень длительная. Тут нужно набраться терпения на многие десятилетия и каждому сообразно с его духовным вкусом что-то такое напоминать. Одного человека, например, можно сразу поставить на самостоятельное изучение каких-то книг, другой эти книги сразу швырнет тебе назад и скажет, что это вообще несерьезно, и т. д.

Е. Н. Как же рассматривать этот духовный опыт применительно к сегодняшнему дню?

В. Е. Здесь мы приходим к тому, что активизация церковной жизни — в преобразении жизни во Христе. Тут только всяческое упование на помощь Божию, Царицу Небесную и святых.

Только бы нам самим не оскандалиться, потому что люди сейчас приемлют человека из церкви прежде всего с доверием. От этого русская жизнь давно отвыкла. Полистайте русскую классическую литературу и Вы увидите, что священник — презренное лицо.

Е. Н. Поп.

В. М. Да. И даже разговаривая с людьми, жалеющими о прежних временах, Вы услышите это. Помню, в разговоре с покойным о. Сергием Боскиным я говорила: «Вот скажите, отче, а Вы припомните положение священника, каким Вы его застали перед 1917 г.?» «Да, — говорит, — хоть на улицу не выходи. Все собаки на него сразу залают». Получается так, что и религиозная проповедь, и проповедь христианская зависит не только от места и времени. Она зависит и от той эпохи, которую мы в данное время переживаем. Русская церковь приобрела великий навык долготерпения. А это уже само по себе говорит о том, что Господь приуготовлял ее на служение на многие столетия. Надо набраться терпения и не торопить время. В этом отношении очень наивными мне представляются некоторые мнения у нас и за рубежом, что если Господь обещал, что врата адовы не одолеют Церковь, то Он нигде не сказал, что сохранит Русскую православную церковь. Это наивно. Надо иметь в виду, да и мы все тому свидетели, что Господь спасал нас, живущих и собирающих сокровища нетленные на сей земле, в поразительных все-таки обстоятельствах. Раз Господь привил Русской церкви навык долготерпения, значит, ей предназначены долгие сроки. И вот на эти долгие сроки нам даются и нужные силы, и благодать Господня.

Е. Н. Вы говорили, что сама эпоха диктует миссионеру тип миссионерствования...

В. Е. Конечно. Характер его деятельности.

Е. Н. В связи с этим конкретный вопрос: наша эпоха, что же она диктует миссионеру?

В. Е. Прежде всего внимание к собеседнику. Надо отдавать себе отчет, что ты просвещаешь не алеутов, что человек — твой собеседник — не глупее тебя. По сердцу он может быть к Богу более расположен, нежели ты. Значит, начни со смирения, а там посмотрим.

Е. Н. Что, на Ваш взгляд, есть служение: это некое временное состояние труждения для Господа или же это образ жизни?

В. Е. Это, конечно же, образ жизни, потому что в теле, когда один член заболевает и страждет, то вместе с ним страдают и другие члены. Служением уже начиная со II века по Рождестве Христовом стала называться вообще жизнь во Христе. Это в Новом Небе и в Новой Земле мы будем просто, как драгоценные камни, отражать в себе Свет Христов. В наше время бывают перемены характера служений, а само служение есть наш образ жизни во Христе, пока Господь нас не призовет. А мы все желаем попасть в Царствие Небесное, а значит, должны радостно исполнять Его волю и Его промышление.

Е. Н. А каковы различия служения и работы в церкви?

В. Е. Работа — это понятие более прикладное. Работа — это все-таки то, что мы подразумеваем, когда говорим о труждающихся и обремененных. Стало быть, работа — это то, что человеку задано, как урок, и надо это дело исполнить. А в служении есть момент таинственности, оно сопряжено с Божьим призванием.

Е. Н. Одна моя знакомая как-то с горечью, сказала, что мир так сильно погряз во грехе, что даже церковь теперь искушает.

В. Е. Кого искушает?

Е. Н. Людей — и церковных, и нецерковных. У людей, приходящих в церковь, сразу начинаются искушения по этому поводу.

В. Е. А! Она неправильно выразилась...

Е. Н. Искушения, связанные именно с самой церковью, с ее структурой, со священнослужителями. Вот в чем была самая горечь. Понятно, что искушения всегда есть, но когда искушение исходит от церкви, и искушает священнослужитель, то это уже трагедия...

В. Е. Ну, эта трагедия не новая, и надо все-таки не смущаться. Разумеется, этого сколько угодно, но, во-первых, это не Церковь, это грех против Церкви, если священнослужитель сам подает повод к соблазну или если он снисходителен к себе. А это, кстати говоря, самое распространенное. Но так или иначе, смущаться здесь — это не только маловерие, это само по себе гордость. Как это так! Ну грех, так грех. Можешь — покрой любовью, не можешь — обличи в конце концов, или пожалуйся. Но в любом случае, это говорит нам, что люди, которые во грехе, — против Церкви.

Я встречала превозносящихся священнослужителей, но вообще-то Господь хранил меня. Я хотя и встречала таких людей, но, во-первых, мельком, а во-вторых, как-то получалось, что в моей жизни не они играли ведущую роль. На моей стезе церковной они были только краешком... Я отмечала про себя, что такое явление есть, но мой церковный путь уводил меня дальше, и оставалось только воспоминание.

Но ведь Церковь — это мы все, это ведь не только священнослужители. Да наконец, человеку, бывает, посылается другой человек тоже на пользу. Если тебе попадают люди слабой нравственности или, как сказал бы Достоевский, «стомчивые», т. е. легко доступные такому вот соблазну и падению, так это же твое зеркало. Посмотри на себя, и ты увидишь, что таких людей Господь посылает как раз потому, что они как-то соответствуют твоему устройению. Потому ты их и замечаешь, а иначе ты в них и пороков-то не увидел бы, а видел бы только хорошее. Мы вот сегодня говорили о Матери Божией: Она никогда никем не гнушалась, а люди-то были всякие в те времена. Поэтому говорить, что сейчас так все плохо, — это всегда имеет другой подтекст, не всегда осознаваемый говорящим: раз все дурно, то до чего же я сам хорош!

Е. Н. И еще вопрос — в связи с темой сегодняшней Вашей лекции о Божьей Матери. Что Вы думаете о женском служении, о его актуальности?

В. Е. Безусловно, это целая проблема. Еще на Поместном соборе 1917-1918 гг. шла речь о возрождении служения диаконисс. Но тогда эта тема так и не прошла, т. е. она прошла на уровне обсуждения в разных комиссиях, но не вылилась в какое-то постановление или суждение собора. Надо иметь в виду, что само служение диаконисс менялось от столетия к столетию. Служение диаконисс в апостольское и послеапостольское время, когда мы встречаем мученицу Татиану, диакониссу Олимпиаду, Фиву, диакониссу церкви Кенхрейской, и других, — это одно. В IX-X веке диакониссы — это служители при храмах. Когда я в 80-е годы задала вопрос о том, как вы себе представляете, что такое диаконисса, один подмосковный батюшка мне ответил: «Это вроде церковной уборщицы». Однако надо иметь в виду, что женское служение руководствуемо тем же Духом Святым, той же благодатью Господней. Поэтому я внутренне чувствую, что нововведения как таковые не принесут желанного плода, как всякое доброе дело, не во имя Христа делаемое, т. е. без прямого мановения свыше. Это все явится само собой. Мы сейчас видим, что в сущности женский пол, наша сестра, так

сказать, наполнила, а в недавнее время вообще преимущественно наполняла пространство русского православного храма. Да и сейчас большая часть прихожан — это все-таки прихожанки. Действительно, у некоторых батюшек была такая как бы тенденция, что чем меньше эти самые миряне и прихожане думают, тем для них же полезнее. Тогда они лучше слушаются. Это глубоко неверно. Мы увидим, как оно будет, потому что все меняется на глазах. Но, разумеется, кто призван преподавать — преподавать должен. Помню, когда я начала писать в «Журнале Московской Патриархии», то многие мои знакомые удивлялись и говорили: «А разве женщин-то вообще туда пускают?» Мы прекрасно видим, что наше устройство, характер нашей жизни в церкви, инерция сознания именно сейчас претерпевают всяческие изменения. Поэтому нам, даже не вводя никакого нового чина, надо только внимательно прислушиваться и ждать, как устроит Сам Господь, потому что естественные изменения появляются так, что мы фиксируем их только оглядываясь назад. Они для нас оказываются настолько естественными, что как будто бы появились сами собой. Сколько мы в свое время рассчитывали, как будут открываться новые монастыри! А сейчас видим, что одни открылись явно — такие вот живые и жизнеспособные, а другие, несмотря на все усилия, никак не собираются. Это, кстати, и к женским, и к мужским монастырям относится. Но, во всяком случае, мы прекрасно увидели, что совершается все по промыслу, т. е. что глава Церкви — Господь Иисус Христос. И когда мы пытаемся какими-то человеческими усилиями дать толчок — одному помочь, другое задержать, то это получается по словам Христовым: «жестоко ти есть — противу рожна прати» (Деян 9: 5). Надо все-таки более предаваться воле Божией; это и есть свидетельство нашей веры, живого доверия к промыслу Господа о Своей Церкви.

Е. Н. Для меня остается непонятным, что же делать: смиренно, с терпением, с долготерпением ожидать даров, благодати Божией, явления Божия, каких-то явных промыслительных вещей или каждый день трудиться, что-то искать, проходя, может быть, через разочарования, ошибки, но в конце концов по крупичкам обретать служение?

В. Е. Да тут, вы знаете, сколько голов, столько умов. Во всяком случае это все делается постепенно: люди учатся постепенно, постепенно обретают свое лицо, постепенно выходят на верную дорогу, потому что очень часто человеческие традиции толкают их на ложные пути. Поэтому это все происходит незаметно. Тут есть только одна, сформулированная очень просто, самым обиходным языком, церковная истина, которую высказал преподобный Амвросий Оптинский: напрошенный Крест трудно нести, а лучше в простоте предаться воле Божией. Вот этот крест в простоте — он каждого человека не минует, и только от нашего смиренного принятия этого креста зависит наш успех в прохождении той, для каждого своей стези, которая, мы все-таки очень надеемся, приведет нас в Царство Небесное.

Е. Н. Как вы считаете, каковы тенденции в развитии Русской православной церкви в плане церковной жизни? Как пойдет наша церковная жизнь дальше?

В. Е. Как Бог даст — так и пойдет. Во всяком случае, сейчас — явное пробуждение. Это больше, чем активизация, это пробуждение того, что называют чувством соборности. У этого понятия несколько значений. Коренное, так сказать, значение — это прежде всего святость. «Изволися Духу Святому и нам», как сказано в Деяниях апостолов. Так для этого нужно знать изволение Духа Святого, т. е. «стяжевать» Духа Святого и знать Его волю. Вот этот тихий голос Божий должен быть явственно различаем. Но на уровне отношений церковного общества между собой соборность — это прежде всего нравственная ответственность каждого члена Церкви за все церковные дела, т. е. должна быть исключена попытка переложить это на совесть иерархов, или на совесть будущего, когда будет еще Восьмой вселенский собор, или на что-нибудь еще.

Здесь я бы хотела напомнить слова из речи патриарха Сергия при интронизации, что хранителем веры у нас является не епископат, не духовенство, а сам верующий народ, и

потому каждый член Церкви ответствен за сохранение веры, содержимой этой христианской общиной, т. е. данной поместной церковью.

Е. Н. Видимо, акцент будет как бы перемещаться или в потенции должен переместиться на приход?

В. Е. Не важно, будет ли это приход или какая-то другая форма церковного общества. Важно другое, важно то, что хотя и можно пренебречь волей Божией, но ни в коем случае нельзя Бога «заставить», т. е. нельзя вмешаться в божественную Свободу, которая превыше всякой тварной. Поэтому «Дух дышит, идеже хочет» и почитает на тех, кого Самому Богу благоугодно бывает избрать. Поэтому говорить о том, что акцент переместится на ту или иную группу верующих или на тот или иной слой, — абсолютно неверно. В этом отношении уж нас-то научил исторический пример обновленчества. Там чего только не было. Как раз еп. Антонин (Грановский) желал переместить центр тяжести на верующих мирян и говорил: «Мне не попы нужны, мне нужны люди». Как будто дело лишь в нем. Самая многочисленная группа обновленцев стремилась переместить центр тяжести на белое духовенство и увенчать его архиерейскими митрами, которых ему в жизни, видимо, недоставало. А карловацкие иерархи (особенно Храповицкий), наоборот, занимались, так сказать, деспотизмом и вообще пытались обособить самих себя. Во всяком случае это не есть постановка вопроса. Господь избирает тех из Своих рабов, которые для данного состояния церковного общества призываются Им к поручаемой им деятельности, благословенному от Бога деланию.

Е. Н. Дай-то Бог, чтобы к Божьему избранничеству не было преград человеческих.

В. Е. А человеческие преграды, знаете, могут заставить замолчать, но они не могут изменить Божий промысел о Его Церкви. Скажем так, уж сколько пытался Петр Первый, он ведь боролся с церковью, так сказать, по всему ее иерархическому стволу. Его антицерковные реформы я советую не просто в учебниках искать, а открыть «Историю Петра» Пушкина. Там эта тема, эта его инструкция под 1721 г. вся подробнейшим образом приводится, и там все видно. Там есть и запреты иерархам принимать от мирян жалобы, т. е. принимать участие в нуждах своей паствы, а это уже со своей стороны повлекло не просто к запрету печалования, а к искоренению его. Там есть и запрет священникам посещать дома мирян, т. е. пусть там идет дым коромыслом, но чтобы никто не призывал ни к миру, ни к покаянию, ни к благочестию. И есть, между прочим, искоренение всякого почитания Божиих избранников уже умерших, т. е. прославления святых. Это значит «гробов неведомых не исследовать», и я уж не говорю о запрете подавать милостыню, и все это введено в государственные рамки. Про это и говорить нечего. Но есть еще и борьба с определенным служением церковным, подлежащим искоренению. Это служение — юродство Христа ради. Вот тут, так сказать, «дрянных людишек» велено было ловить, сечь, заковать в кандалы и отправлять...

Е. Н. Конечно же, Божьего промысла изменить человеку невозможно, но можно затормозить развитие церковное и ввести эту тенденцию, что мы видим и в послепетровское время, что мы и сейчас имеем, к несчастью.

В. Е. Что касается послепетровского времени, то тут уже вина обоюдная. Нельзя все списывать на распоряжения и традицию этих самых петровских реформ.

Е. Н. И не только петровских, и революции.

В. Е. Революцию мы оставляем в покое. Мы сейчас пока вскрываем причины, почему она произошла. Так вот, в частности, надо сказать, что, конечно, необходимо живое общение всего церковного Тела. Это было практически весьма затруднено. Есть известное выражение —

«церковь в параличе». Между прочим, его цитируют без ссылки. А принадлежит оно известному славянофильскому мыслителю Юрию Федоровичу Самарину, ученику Хомякова. Даже и проповедание живого слова, действительно евангельского, душила консисторская казенщина. Она постепенно мертвила это свободное дыхание церковного Тела. Что тут можно сказать? Мы за это поплатились, но ведь это же было Божиим лечением болезни, поэтому нам не только жаловаться не на что, а наоборот, надо благодарить Господа. Мертвящий дух этой самой казенщины очень быстро снижал какие-то живые движения христианского сердца. Кроме того, тут нужно иметь в виду, что когда нет главного, в силу вступают вещи второстепенные. Духовенство было имущественно бессильным, бесправным. Оно все время что-нибудь кланчало у власть имущих, особенно сельское духовенство — у помещика. Городское духовенство было ближе всего к купечеству средней руки, так называемому «шмелевскому», но и у этого купечества оно угощалось. Уж не говоря о том, что была неправильная церковная организация, в том смысле, что, например, все архиерейские хиротонии шли по указу Его Императорского Величества, в попрание всех соборных правил Вселенских соборов, что монастыри и даже просто общины открывались тоже по указу Его Императорского Величества. Это все, конечно, абсолютно ненормально; поэтому, когда мы в истории обновленчества читаем о всяческих фактах человекоугодничества, сотрудничества с органами, так сказать, политуправления и прочего подавления, то не надо этому слишком удивляться. Они занялись тем, к чему привыкли с синодальных времен, только поменяли «кесаря».

Е. Н. Было ли, на Ваш взгляд, это осмыслено кем-то в нашей церкви?

В. Е. Эмигрантская мысль как-то до этого дошла, разумеется, в лице лучших своих представителей. Очень рекомендую очерк архиепископа Иоанна (Шаховского) «Белая церковь». Безусловно, даже сектанты с их ограниченным толкованием Священного писания все-таки его несли, хотя и к своим единомышленникам. Полистайте очерки Пришвина. Это как раз тогда вошло в его сборник «Светлое озеро». Видно, конечно, насколько там это было ограничено, невежественно, но тем не менее чувствуется живое дыхание. Потом была такая полуапокрифическая книжечка «Отец Арсений» (пытались этого Арсения то Жадановскому приписать, то иеромонаху Павлу (Троицкому), то кому-то еще), а я хотела бы обратить внимание вот на что — там есть третья часть под названием «Дети». И там очень милая серия очерков «Корсунь-Ерши» — как раз про жизнь в архангельской ссылке. И крестьянка на пороге смерти, все-таки прикоснувшись к жизни во Христе, всплескивает руками и спрашивает: «А что же, когда у нас церковь была, поп-то ничего не рассказывал? Аль при царе запрещено было?» Не то чтобы совсем запрещено, но прямо скажем — не поощрялось. В этом отношении я считаю серьезной и очень полезной книгу митрополита Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох». Конечно, он — воспитанник этой синодальной системы и ни в коем случае не пытается ее опорочить, напротив, всячески старается ее обелить и сгладить острые углы, но он все-таки вскрывает внутренние причины этой всем известной пассивности духовенства и очень сильной подвластности, так сказать, консисторской казенщины в ней.

Е. Н. Скажите, пожалуйста, какие тенденции сейчас Вам кажутся опасными в нашей церкви?

В. Е. Превозношение. Это как раз та тенденция, из которой исходит невероятное количество зол.

Е. Н. Ранее беседуя об обновленчестве, мы с Вами говорили о том, что оно может выражаться и в современном консерватизме.

В. Е. Мы хотели лишь немножко охарактеризовать само это движение. Должна сказать, что оно еще ждет своего настоящего, серьезного исследования. Когда появляется какая-то

церковная ненормальность, раскол, ересь, просто церковный скандал, это всегда знак долго назревавшего неблагополучия, которое наконец разразилось в ту или иную катастрофу. Я говорила про омертвление и про движения, которые оживились в 1905 г. и оформились в виде Союза церковного обновления. Это было реакцией на ненормальность церковного устройства, когда вся церковная организация была поименована и включена в государственную структуру как «ведомство православного исповедания». Что касается реформаторства и консерватизма, то там было все. Там были записные консерваторы, такие, как Красницкий, там были записные реформаторы, такие, как Антонин (Грановский). Более всего оно возникло, разумеется, по немощи и по соблазну. Но немощь эта проявлялась в чем угодно. Она проявилась и в правых, так называемых, расколах, и в иосифлянстве, и в непоминовенчестве разного толка, она проявилась и в расколах левого толка. Все иерархи, духовенство, которое так или иначе принимало участие в этих делах, было осуждено и принесло покаяние за раскол. По-настоящему, никто не обсуждал и не исследовал, были ли там какие-то ереси, т. е. нарушения догматического характера. Въяве их, конечно, не было. Да и сами обновленцы очень быстро с конца 20-х годов абсолютно открестились и предали забвению все свои реформационные потуги. Ну, кроме женатого духовенства, «белого», которое норовит в епископат и рвется к управлению. Но все это окрашено в черный цвет такой чрезвычайно одиозной фигурой, как Александр Иванович Введенский. Теперь, когда вышла книга его поклонника, еще здравствующего ныне Анатолия Краснова-Левитина, видно, что это было такое. Тут не приходится говорить о православном христианском святоотеческом вероисповедании. Тут было все — манихейство, просто как ересь, он о нем высказывался только в частном порядке, тут был и Бергсон, и социализм, который вводился в круг вероисповедных положений; и вот такой человек оказался первым лицом. Это было Божьим наказанием, Божьим промыслом. Это именно тот плод, по которому сразу можно опознать, что люди, которые в обновленчество вляпались, все находятся на ложном пути, заводящем в лучшем случае в тупик, если не в болото. А что касается консерватизма как принципа, то он так же антицерковен, как и реформаторство; это всякий раз пренебрежение и нежелание слушать, внимать, искать живых указаний Божиих. Это та буква, которая убивает.

Е. Н. В связи с вышесказанным, какие Вы могли бы дать рекомендации, например, для нашего прихода, прихода, который, как Вы знаете, является миссионерским?

В. Е. Да, миссионерский, я это знаю. Единственно я посоветовала бы некоторую, может быть, большую разборчивость в тех, кто вам сочувствует. Дело в том, что иногда получается так, что к людям прибегают потому, что других сочувственников они боятся уже не найти. В свое время они либо оскандалились и не покаялись, либо как-то еще испортили репутацию. Сейчас, слава Богу, все более или менее мирно. Все эти неприятности 1994 г. все-таки миновали. Значит, потихонечку делать свое дело и прежде всего не бросать начатого. О дереве судят по плодам. У вас должны быть выпускники действительно хорошего уровня. Стало быть, не стесняться спрашивать, требовать и вообще, чтобы это было всерьез. А там Бог управит.

Е. Н. Но сейчас самое большое обвинение и самое страшное слово, которое не столько звучит, может быть, в высоких церковных кругах, а бытует среди прихожан, — это ярлык обновленчества. Его ведь вешают на каждое непривычное явление в церковной жизни.

В. Е. Ну, на это легко ответить. Я уже говорила, что обновленчество — это прежде всего раскол; а само это движение в своих представителях настолько пестро, что чего там только не было. Но Сам Господь творит все новое, как Он и сказал: «Се Аз творю все новое». Это творчество во Христе — неотъемлемая часть жизни во Христе. А что касается обвинений, то кого только не обвиняли... Вон, Елизавету Федоровну, когда она создала свою общину милосердия, обвиняли во всяких протестантских поползновениях. И обвиняли, между прочим,

вполне серьезно иерархи вроде Гермогена (Долганова). Так что тут особенно и переживать не нужно. Мало ли кто что говорит, в конце концов, на чужой роток не накинешь платок. Надо просто иметь в виду, что это частное мнение некоторых частных лиц. Ну и пусть они его имеют.

Е. Н. Какие позитивные пути Вы видите для православного прихода?

В. Е. Пути?.. Мы сейчас изжили столько всяких ненормальностей. Еще у многих в памяти те порядки, которые ввел (теперь-то мы уже можем сказать) лжесобор 1961 г., который установил особую организацию церковного прихода, но теперь об этом и вспоминать-то смешно, только для истории. Сейчас существует другая опасность. Бывает, что отстаивать легче, чем делать спокойное, тихое, положительное церковное дело. В смысле всякого отстаивания, борьбы и т. п. у нас уже есть благоприобретенные за последние 15 лет навыки. А бывает так, что люди с бою брать умеют, а к ранней обедне придти не умеют. Ну, хорошо, пускай ходят к поздней. Но бывает, что в ногах чувствуют некоторое томление, как бы службу-то отстоять. Поэтому здесь много чего еще предстоит. Я думаю, что сейчас у нас будут возникать новые формы организации приходской жизни. Вот форма приходского братства — она ведь не универсальна. Скажем, формы церковно-приходской школы, духовного училища при приходе, даже гимназии при приходе будут, уже есть. Это все будет двигаться. Сейчас нужно только, чтобы все это держалось на хорошем уровне. Поэтому тут все время нужны делатели. Но это относится более к церквям и приходам городским. А вот сельский приход, куда ходят в основном пожилые люди, где бывает, что активность прихожан уходит на то, чтобы вовремя отремонтировать храм или что-то такое еще сделать. Для сельских приходов могут быть какие-то регулярные беседы — если не серьезная катехизическая подготовка, то хотя бы чтение житий святых, преподавание церковной истории и хотя бы какие-то азы православного вероучения, потому что очень часто я вижу, как старые люди и в хоре церковном пели, но считают, что Казанская Матерь Божия и Владимирская Божия Матерь — это не иконы разные, а лица разные. То есть невежество достигает удручающих размеров.

Е. Н. Вы говорили о том, что церковной борьбе не должно уделять большого места, но ведь диалога как такового внутри православных кругов не получается. Люди не стремятся к диалогу, и следствием этого становится какая-то отнюдь не духовная брань.

В. Е. Ну, бывает, что и скандал, конечно. Дело не в этом. Диалогом тут не обойдешься. Тут иногда бывает полезно помолчать. Другое дело, чтобы не было тона и духа газетно-журнальной полемики, чтобы клир и церковное общество не усваивали этот дух. Это очень важно. Надо иметь в виду, что газета — gasette — это все-таки «грошное слово». Газета всегда живет скандалами и сенсацией. Журнал — это, как сказал бы Пушкин, «для журнальных сшибок», т. е. это тоже все идет на уровне журнальной полемики, белинщины и т. п. Для церковного общения, единения существует форма беседы. И если беседы нет, если нет встречи, если нет атмосферы внутреннего сердечного тепла, то тогда действительно лучше помолчать. Поэтому тут бывает полезна просто молитва об умирении.

Е. Н. Да, конечно. И хотелось бы, чтобы было какое-то движение, какая-то струя позитивная...

В. Е. Движение будет, когда оно созреет. Не надо двигать прежде времени, так же как плод незрелый рвать. И не надо бояться сроков. Преподобный Сергей, например, делал свое тихое дело 50 лет. Так потихонечку идет медленное созидание. Как раз оно-то, Бог даст, и будет прочно.

Виктор Котт: О «Херсонском деле»

Церковная жизнь

Как сообщили средства массовой информации, на очередном заседании Синода Украинской православной церкви Московского Патриархата было рассмотрено дело о протоиерее Иоанне Замараеве, настоятеле Свято-Сретенского храма Херсонско-Таврической епархии, и четырех клириках этого храма.

Из документов, опубликованных в № 38 журнала «Православная община», читателям уже известно о конфликте, возникшем в этой епархии: священник Иоанн Замараев, человек творческий, искренний, горячий, старался как можно более полно осуществлять свое служение в миссии, катехизации, устройстве внутрприходской жизни, что вызывало вопросы, недоумения, а часто и откровенное неприятие со стороны ряда священников и епархиального руководства. Диалога не получалось, конфликт разгорался, и вот Указом архиепископа Херсонского и Таврического Иллариона в 20-х числах апреля сего года протоиерей Иоанн Замараев и четверо клириков его храма без каких-либо канонически убедительных оснований были запрещены в священнослужении. В связи с тем, что убедительных канонических оснований это запрещение не имеет, о. Иоанн не подчинился решению своего епископа, за что Синодом Украинской православной церкви был извергнут из сана вместе с четырьмя другими клириками. Однако в Свято-Сретенском храме они продолжают служить и в настоящее время.

События в Херсоне далеко не однозначны. С одной стороны, надо учесть специфику ситуации на Украине, где произошел церковный раскол. Кроме Украинской православной церкви Московского Патриархата там существует еще несколько православных раскольнических юрисдикций, а также греко-католическая церковь (православного обряда). Существуют и приходы, которые, не желая участвовать в юрисдикционной войне, не принадлежат ни к одной юрисдикции. Сведения о таких «автокефальных» приходах время от времени появляются в печати. Конечно, все это чрезвычайно ослабляет христианское свидетельство на Украине, хотя для многих такое разделение стало уже, к сожалению, привычным.

С другой стороны, церковь всегда стремится к уврачеванию расколов, к уврачеванию всякого нестроения. Из опубликованного в прошлом номере журнала «Православная община» письма архиепископа Полтавского Феодосия очевидно, что о. Иоанн Замараев — ищущий священник, и, значит, с ним еще возможен разговор. По местному же телевидению и в других средствах массовой информации льется поток безответственных заявлений по поводу событий в Сретенском приходе, против клириков ведется борьба и с амвонов херсонских храмов. Можно предположить, что о. Иоанна толкают к расколу, но он и его сотрудники не собираются переходить ни в какую раскольническую юрисдикцию, а желают быть и оставаться верными чадами Украинской православной церкви.

События, происшедшие в Херсонско-Таврической епархии, раскрывают целый ряд проблем современной церковной жизни, которые в этой ситуации выявились со всей очевидностью. Это — и проблемы роста церковного фундаментализма, и допустимых в наши дни форм миссионерства, и возрождения православного образования, и катехизации детей, молодежи и оторванных от своих корней взрослых людей, и восстановления церковного смысла послушания и смирения, и вопросы выявления местной соборности на уровне прихода, благочиния, епархии, и многие другие. Если назревшие проблемы не решать, то взрыв последует неизбежно. Не дай же Бог!

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Сообщаем подробности

Церковная жизнь

29 июня 1997 г. в московском храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках на утрене, которую совершал о. Михаил Дубовицкий, недавно назначенный сюда вторым священником, произошел случай, который потряс общину и продолжает возбуждать страсти в среде православных.

Отказавшись выполнить законные требования настоятеля храма священника Георгия Кочеткова и прервав утреннее богослужение, о. Михаил направился к выходу из храма в богослужебном облачении. Дежурные его приостановили, попросив сначала разоблачиться. Та же просьба последовала в алтаре, куда о. Михаил затем направился в поисках выхода. Так и не разоблачившись, он поднял в алтаре крик, стал подбегать к окнам, кричал о том, что его избивают, звал на помощь. Его действия уже не подчинялись логике: он то просился выйти из храма, то рвался к престолу, то к телефону, то к жертвеннику, «чтобы помянуть близких», то кричал, что он должен выйти исповедовать. Понимая, что находясь в таком состоянии о. Михаил не может участвовать в богослужении, настоятель и все находящиеся в алтаре просили о. Михаила разоблачиться и, если он этого хочет, свободно уйти, но тот отказался, продолжая рваться в храм и кричать возбуждая народ. Вызванный по просьбе о. Михаила милиционер — участковый 18-го отделения милиции г. Москвы, убедившись в отсутствии фактов насилия, сообщил об этом присутствовавшему в храме, добавив, что о. Михаил просто не в себе. После этого кто-то вызвал скорую психиатрическую помощь. Между тем, о. Михаил продолжал кричать: «Православные! Помогите, меня избивают», и каждый раз его крик был сигналом для «гостей», зазванных на эту службу радиостанцией «Радонеж», — рваться на штурм алтаря. Одного из них, оказавшегося алтарником о. Александра Шаргунова, участковому пришлось вывести из храма. Приехавший по вызову врач определил у священника острый психоз и настаивал на срочной госпитализации, правда, тут же заметил, что добровольно о. Михаил в больницу не поедет. Когда о. Михаила выводили во двор храма и сажали в машину, он стал издавать нечленораздельный вопль, а затем кричать: «Убивают!».

И тут вмешались новые участники скандала — прихожане и клирики близлежащего Сретенского монастыря во главе с иеромонахом Никандром, который распахнув закрытые Царские врата, ворвался в алтарь (те, кто столкнулся с ним, ощутили запах спиртного). На улице он бросался под колеса отъезжавшей машины скорой помощи, из которой продолжали доноситься крики о. Михаила: «Убивают!». Такого же поведения о. Никандр требовал от своих единомышленников. Невольные очевидцы происшедшей в храме трагедии (а только причастников на литургии, которую все же служили в Успенском храме после всего случившегося в этот день, было более 500 человек) плача и стоя на коленях, молились ко Господу и Пресвятой Богородице об о. Михаиле, о том, чтобы не скатиться нашей Русской церкви в безумие расколов и противостояний, которые пытались спровоцировать, спекулируя здоровьем молодого священника, фундаменталистские «церковные» круги.

После литургии о. Георгий уехал в паломничество с большей частью своей общины, на которое ранее было дано благословение Святейшего. Вечером того же дня благочинный Сретенского округа о. Олег Клемышев позвонил в храм и был подробно информирован о случившемся.

Тогда же радиостанция «Радонеж» выдвинула свою версию трагедии: о. Михаил вышел читать молитвы перед исповедью по требнику, что очень не понравилось о. настоятелю и алтарникам,

требник был у него отобран, после чего о. Михаила отвели в алтарь, там избили, связали, и насильно отправили в «психушку».

И в тот же вечер о. Михаил с диагнозом «здоров» был выписан из больницы, что, казалось бы, подтвердило версию «Радонежа» о том, что в психушку отправили совершенно здорового человека, однако спустя сутки — в ночь на 1 июля — священник был вновь госпитализирован в тяжелейшем состоянии. Предположительно, это случилось вследствие передозировки нейролептиков и избиения. Однако, остается неясным: кто и зачем избивал человека и колот ему нейролептики, если он признан совершенно здоровым, и почему отпустили из больницы человека, который мог впасть в столь тяжелое состояние? Во всяком случае врачи психиатрической больницы № 14, куда был доставлен о. Михаил в воскресенье, отрицают факт введения нейролептиков.

Вернувшемуся 4-го июля из паломничества о. Георгию был вручен Указ патриарха, подписанный уже 2-го июля (в среду), где говорилось, что «за неспособность стабилизировать внутриприходскую жизнь, а также за оскорбительные действия, унижавшие честь и достоинство клирика данного храма священника Михаила Дубовицкого и приведшие к физической расправе над ним в алтаре храма» он снимается с должности и. о. настоятеля храма и запрещается в священнослужении вплоть до окончания расследования инцидента. Указ был подготовлен в соответствии с версией «Радонежа» и телепрограммы «Русский дом» и подписан ранее, чем о. Георгия или вообще кого-либо из прихожан Успенского храма выслушали. Информация, которая была передана благочинному в день происшествия, тоже никак не была учтена, к тому же Распоряжением, выпущенным вместе с Указом, он и был назначен новым временно исполняющим обязанности настоятеля храма Успения. Кроме того, тем же Распоряжением приходскому совету храма Успения «как не справившемуся со своими уставными обязанностями и не воспрепятствовавшему надругательству над священнослужителем храма» предложено сложить свои полномочия.

В патриархии о. Георгию был зачитан ответ районного отделения милиции на запрос Патриархии, где говорилось, что в алтаре была драка, и который никак не соответствовал тому, что было сказано самим милиционером прихожанам храма и чему свидетели — более пятисот человек. (Надо заметить, что в продолжение этого времени о. Михаил три раза выступал в СМИ и при этом ни разу не сказал прямо, что в храме его били.)

В слове к прихожанам, сказанном 5-го июля после всенощного бдения, о. Георгий призвал их к послушанию Святейшему Патриарху, миру, покаянию, молитве, радости и надежде на то, что правда Божия восторжествует и окажется сильнее всякой дьявольской лжи.

Александр Папков: Необходимость обновления православного церковно-общественного строя

История церкви

Исторические заметки о положении православной церковной общины

I

Нас учат с детства, что понятие о Церкви есть самое возвышенное и владычественное понятие

у христиан, что Церковь является Богоданным учреждением, заключающим в себе, как всех живущих, так и всех отшедших верующих, и что церковные дела и интересы, как вечные, должны быть самыми главными и жизненными делами и интересами христиан всякого состояния, звания, пола и возраста.

Между тем, в действительности, мы менее всего занимаемся церковными делами, ограничиваясь в большинстве случаев одною явкою в храм при богослужении и требоисправлениями. Многие из православных даже считают Церковь каким-то «ведомством», а занятие церковными делами — исключительною принадлежностью духовенства.

В этом существенном противоречии между учением и жизнью надо разобраться, ибо вопрос идет не о тленном и временном предмете, а о предмете вечном и охватывающем все наше существо, и, может быть, в этом противоречии следует искать корни тех общественных бедствий, которые так сильно нас теперь удручают.

Надо твердо и решительно поставить вопрос о том: почему ослабела и заглохла наша церковно-общественная жизнь, почему такая храмина, как православный приход, находится в упадке, вызывая в представлении многих одно лишь пустое слово, лишенное внутреннего содержания, и, наконец, какие существуют в православном обществе силы, и как их направить, для возрождения того церковно-общественного строя, без которого истинно-христианская народная жизнь невозможна?

Ставя этот насущный вопрос для разрешения, нельзя упускать из виду, что это разрешение под силу лишь всему православному обществу, призванному в целом своем составе к созиданию Церкви, и что все это дело созидания есть дело совести, требующее устранения всяких личных вожделений и симпатий, всякого лицемерия и предвзятых мыслей, и вызывающее к правде и к широким взглядам и чувствам, проникнутым любовью и снисхождением к людям.

Сделав эту оговорку, мы смелее приступаем к нашей задаче, памятуя, что все факты и данные, все пожелания и мероприятия, на которые мы указываем в настоящей статье, приводятся нами в сущности лишь для возбуждения интереса к затронутому нами серьезному вопросу «о возрождении прихода»; предлагаем все это читателям не в поучение, а на обсуждение дела, касающегося решительно всех православных русских людей; делаем это в надежде вызвать поправки и дополнения, сделанные братскою и дружелюбною рукою тех, кому дороги судьбы Православия и в ком не совсем угашен так называемым светским просвещением и светскими заботами дух истинной церковности.

Благоприятным обстоятельством для осуществления этой задачи является замечаемое в настоящее время пробуждение в нашем обществе интереса к церковно-общественным делам и, в частности, к вопросу о возрождении православного прихода и обновления церковно-приходской жизни. [...]

В начале шестидесятых годов, в г. С.-Петербурге, по почину священника А.В. Гумилевского, при Христорождественской церкви, что на Песках, был восстановлен в главных своих чертах православный приход, который, как христианская община, принял на себя обязанность заботиться о своих бедствующих и неимущих прихожанах и основал приходскую кассу для местных бедных, а также учредил разные богоугодные и просветительные заведения, наблюдение за которыми было поручено, по образцу древней Церкви, диаконам¹. Так дело восстановления автономии православных приходов обстоит в недавнее время.

Прежде, чем мы предложим на обсуждение наши посильные соображения о способах и средствах разрешения в настоящее время «приходского вопроса», считаем необходимым бросить беглый взгляд на прошлую жизнь христианской церковной общины. Вот что, между прочим, касаясь России, говорит по сему предмету П. Соколов в заключении своего исследования о церковно-имущественном праве в Греко-римской империи: »Со времени Петра Великого общество постепенно устраняется от деятельного участия в церковной жизни, деятельность же частных лиц на пользу Церкви все более и более сводится к простым пожертвованиям с их стороны. Вместе с тем и надзор за управлением становится более строгим и действительным; но он не мог возместить ослабления интереса общества к Церкви, того охлаждения к ней, какому отчасти содействовали излишне стеснительные меры надзора». Далее, названный автор указывает, что нахождение такой конструкции церковно-имущественного права, которая, с одной стороны, давала бы достаточный простор для деятельности частных лиц и общества и поощряла бы эту деятельность, с другой — обеспечивала бы возможность надзора со стороны церковной власти, — есть задача, которую предстоит еще решить русскому праву.

Эти выводы, принадлежащие ученому исследователю положения церковно-имущественного права в древности, заслуживают особенного внимания.

Названный автор указывает на вкравшееся неравновесие сил и элементов в жизни наших церковных общин, а так как для блага Церкви надо воссоздать правильное соотношение этих сил и элементов, то необходимо предварительно выяснить себе внутреннюю природу христианской общины и те устои, на которых она должна покоиться и развиваться.

Христианство, как религия «откровения», должна сохранить всю свою самобытность и автономию в своих внутренних делах, а потому и христианская церковная община, по самой природе своей, должна быть свободной и самостоятельной в проявлениях своей жизни¹. Вся конструкция ее вытекала из обновленного и просветленного светом Христовым человеческого духа, оказавшегося по своей сущности способным к восприятию и усвоению христианских истин. Вот почему христианская община, по своему строю, выше всяких других человеческих союзов, как сословных, так и основанных на каких-либо материальных интересах, союзов, — в которых сила нравственного взаимодействия сочленов друг на друга стоит в прямой зависимости от процветания в государстве именно христианской общины. В христианской церковной общине все люди почитаются братьями во Христе, и все они, имея во главе духовного отца и наставника, сосредоточиваются вокруг видимого своего центра — храма, для совершения общественной молитвы и для выполнения христианских обязанностей. Таким образом, христианская община является семьей высшего порядка, созидающей духовное родство между сочленами, и в ней вся жизнь должна строиться на великом начале «любви», заповеданном Самим Спасителем, Начальником жизни.

Нам не предстоит надобности пояснять, что именно таковыми, по природе своей, были многочисленные церковные общины — «церкви», учрежденные и собранные св. апостолами в различных областях Малой Азии, на островах Средиземного моря, в Филиппах, в Фессалониках, в Коринфе и других местах. Всем христианам известны незабвенные места из Деяний и Посланий апостольских, в которых сообщаются подробности об учреждении первых христианских церквей.

Эти церкви, имея во главе избранных своих епископов, пресвитеров (Деян 14: 23; Евр 5: 1; Тит 1: 5), составляли по апостольским изречениям одно Тело во Христе, а все принадлежавшие к церкви верующие порознь — были один для другого членами этого тела (Рим 12: 4,5; 1 Кор 1: 10; 3: 16, 17; 6: 15; Еф 1: 23; 4: 4; Гал 3: 28). Более подробный состав Церкви св. ап. Павел определяет так: «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками,

в-третьих, учителями; далее иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки». (1 Кор 12: 28). Вся же Церковь в совокупности почиталась «родом избранным», царственным священством, народом святым, людьми взятыми в удел» (1 Пет 2: 9).

Такая церковь, сохраняя единство духа в союзе мира (Еф 4: 3), была по существу своему »трудовым братством» (1 Фес 4: 11; 2 Фес 3: 12; Еф 4: 28) и своей главной обязанностью почитала братолюбие (Евр 13: 1), которое выражалось во благотворении, в общительности (Евр 13: 16; 2 Кор 8: 19) и в примирительном братском суде (1 Кор 6: 1-8).

Согласно сему, благотворение понималось в смысле делания всякого духовного и материального добра ближним (Гал 2: 10; 6: 2, 10; Еф 4: 28; 1 Фес 5: 14; 1 Тим 5: 16; 2 Кор 9: 1; Иак 1: 27), общительность — в смысле собрания верующих для взаимного непрерывного назидания, наставления и научения в делах веры и славословия, для взаимного покаяния и молитв (Еф 5: 19; Кол 3: 16; 1 Фес 5: 11; Евр 3: 13, 10: 25; Иак 5: 16), и наконец, братский суд — в смысле примирительного суда, вверяемого наиболее разумным членам местной церкви (1 Кор 6: 1-8).

Все эти первоначальные христианские общины имели общее церковное имущество для удовлетворения всяких нужд своих братий и между ними не было никого нуждающегося (Деян 2: 44-47; 4: 32, 34, 35). Но существование такого общего церковного имущества для благотворительных целей вовсе не исключало обладания христианами личной собственностью и при производстве общих сборов на дела благотворения предписано было соблюдать равномерность раскладки и добротность подаяния (2 Кор 8: 13, 14; 9: 7; Деян 11: 29, 30). Известно также, что св. апостолы, постоянно пребывая в молитве и служении слова, предоставляли «пещись о столах» выбранным из среды верующих (Деян 6: 1-3), а также обеспечили материально пресвитеров и наставников выделением части из приношений верующих на нужды церкви (1 Кор 9: 13; Гал 6: 6)1.

Этим апостольским деянием навсегда положено начало гласного управления обще-церковными имуществами, предназначенными на дела благотворения, церковного устроительства и обеспечения причта, путем выборных членов из среды христиан общины, поставленных на эту службу св. Апостолами, с правами их заместителей. Именно, по завету апостольскому, «надо стараться о добром, не только пред Господом, но и пред людьми», и такой способ управления и заведования «церковным достоянием» представляется наилучшим, в виду тех нареканий, которым можно подвергнуться при единоличном способе управления и распределения сего достояния (2 Кор 8: 18-21; 1 Тим 4: 8; ср. 1 Тим 5: 9).

Во всякой местной церкви занимались благотворением и при ней была общая касса («арка»), которая наполнялась еженедельными добровольными взносами («стипс»; 1 Кор 16: 2), и кроме того на вечерах любви («агапы»; 1 Кор 11: 20, 33) собирались приношения натурой («облации»), которые распределялись между клиром и местными бедными. Эти дары любви порождали сердечные связи, и сила христианской общины заключалась в этой связи всех членов, знавших друг друга и помогавших друг другу, или, как говорит св. апостол, служивших друг другу «тем даром, какой получил, — как добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1 Пет 4: 10).

Особенно необходимо отметить ту громадную роль, которую христианство предоставило дотоле умаленной в общественном значении женщине. Иисуса Христа, как известно, окружала также группа служащих женщин, и Церковь христианская укрепила за ними это служение, особенно направляя его на дела милосердия, сострадания и помощи1. Таким образом, в христианской общине заключалась сила «соединенного малого», которая всегда больше силы

«индивидуального большого».

Вся эта общинная благотворительность вовсе не исключала частной благотворительности, которая процветала в древней Церкви; никогда Церковь, освятившая начатки благотворения, не присваивала себе исключительного права на благотворение и не ставила его под непосредственное свое ведение, а также своих служителей. Устраивая общение богатых с бедными на общих трапезах, в которых принимал участие и епископ, вводя простоту в быте и одежде, лучше всего сглаживавшую неравенство в имуществе, и стремясь дать человеку внутреннее душевное счастье, христианство никогда не рассматривало (подобно социализму и в частности — коммунизму) бедность и нужду, как зло, требующее немедленного устранения. Оно старалось только облегчить это зло, снимая непосильное бремя с бедствующих и нуждающихся, и всегда учило, что подавание милости есть не внешний закон, а внутренний, основанный на любви². Исполнение же этого акта любви достигается лучше всего на церковной почве, ибо дающий приносит этот дар Богу, а нуждающийся получает его от Бога, и в этом молитвенном единении и состоит духовная польза для обоих. Но, независимо от этой материальной помощи, христианство требует еще духовной помощи в отношении своих ближних, а именно: «советовать своему ближнему, направлять его, учить, утешать, прощать ему, с терпением сносить его, и молиться за него». Всеми этими требованиями переполнены апостольские послания, и эти добрые побуждения, требующие нравственного настроения и навыка, можно приобрести и укрепить лишь в великой христианской школе — в церковно-приходской общине, которая одна способна развить должный дух религиозно-церковной общительности между людьми.

Таковы были существенные черты собранных и утвержденных св. апостолами христианских церквей (в разных местностях Азии и Европы), которые понимались в смысле выделившихся христианских общин правоверующих с епископами и пресвитерами во главе, с помощниками для дела церковного устроительства и благотворения, как из мужчин, так и из женщин (Рим 16: 1, 12; 1 Тим 3: 11; 5: 9 и след.; Деян 11: 30, 15: 6), и составляющих все в совокупности единую вселенскую соборную Церковь, с единой Главой — Иисусом Христом.

III

Внешнее свое выражение в римском праве христианская Церковь, как известно, получила лишь в IV веке при императоре Константине Великом¹ [...] Собственниками церковно-общественных имуществ, с юридической точки зрения, являлись, в первые три века, христианские церкви (ecclesiae), т. е. такие церковные общины, которые под надзором своих епископов и пресвитеров, употребляли эти имущества на пособие клиру и бедным, и, будучи в постоянном духовном общении (через послания), поддерживали друг друга и материально, как во времена святых апостолов. Эти общины, рассматриваемые с точки зрения территориальной, представлялись, как «приходы» (парикии), и им, как юридическим лицам, были доступны все способы приобретения собственности, указанные в римском праве для таких лиц. [...]

На протяжении тысячелетней церковной истории Византийской империи права епископов в управлении и распоряжении церковно-общественными имуществами существенно изменялись. [...]

Начало полного и бесконтрольного управления и распоряжения епископов сим достоянием никогда, в абсолютном его значении, не признавалось ни канонами церковными, ни гражданскими законоположениями¹.

Право управления и распоряжения имуществом церкви должно осуществляться епископом лишь исключительно на нужды церкви, и это имущество не подлежит продаже под предлогом

удовлетворения неимущих; было проведено начало строгого отделения личной собственности епископов от церковной собственности, не подлежащей никакому ущербу².

Эти существенные указания о порядке управления и распоряжения епископами церковно-имущественным достоянием, без учреждения надлежащего контрольного органа, носили характер лишь «пожеланий», и такое положение дел, как известно из церковной истории первых веков христианства, порождало прискорбные столкновения между христианскими общинами, клиром и епископами, изобличенными в дурном управлении церковным имуществом³.

IV

[...] По византийской церковно-имущественной системе: 1) право управления и распоряжения митрополитами и епископами церковными имуществами во всей вверенной им епархии, или приходском округе, вовсе не считалось, по каноническим и гражданским началам, существенной принадлежностью епископской власти (или же его прерогативой), каковой присущ был лишь верховный надзор за этим имуществом, а равно и за пастырями епархии или округа; и 2) миряне вовсе не были устранены от деятельного участия в церковно-имущественных делах и интересах и не ограничивали свои церковные обязанности лишь явкой в храм для присутствия при богослужениях и для требоотправления, — как в этом всего более убеждает существование института ктитинства и широкое приходское самоуправление в разных местностях империи.

V

Получив веру, церковное управление и епископов на первых порах от греков, мы подчинились византийскому церковному духу, но несомненно, в самом же начале, внесли в это великое дело «церковного созидания» свое разумение и свою волю, сообразованные конечно с воспринятыми нами христианскими догматами.

Мы знаем из греческой церковной истории, что настоящим типом христианского прихода (парикии) было собрание в определенной местности верующих, имевших во главе епископа и при нем собор пресвитеров и диаконов, причем пресвитеры были сослужителями епископов в управлении церковном, а диаконы с остальными причетниками и диакониссами являлись по отношению к епископу и к этому собору помощниками и слугами в богослужении и церковном распорядке. Первоначально каждая церковная община, как городская, так и сельская, или приход, имели своего епископа. Впоследствии уничтожили сельских епископов и оставили только городских, но этих последних оставили всех, так что в Греции непременно каждый город имел своего епископа, и всегда, несмотря на свою величину, составлял одну общину, или один приход.

Из этой исторической справки усматривается, как малы были в Греции епископии, и это обстоятельство несомненно служило ко благу Церкви, ставя греческую паству и греческое духовенство в постоянное и тесное общение с духовным и высшим руководителем их — епископом. Первоначальный христианский приход таил в себе могущественную силу в лице своего епископа с собором пресвитеров и, когда явилась потребность в распространении приходов, из этой силы, как из здорового корня получились крепкие разветвления, т. е. ближайшие духовные руководители в новообразованных приходах, именно посланные епископами их сослуживцы пресвитеры, или же (по выражению Лаодикийского собора в его 57 правиле) «периодеиты». Вследствие благоприятного географического расположения, эти новые приходы тесно примыкали к своим духовным епископским центрам.

При введении в России христианства, как известно, было открыто весьма малое количество епископий и все они были слишком обширными по пространству. Это обстоятельство, по мнению профессора Голубинского, навсегда осталось отличительной чертой администрации русской Церкви, внесши в наше епархиальное управление значительно иной, чем в Греции, дух¹. Архиерей, ставший архипастырем и вместе высоким администратором целого громадного округа приходов, вместо одного прихода, конечно, не мог уже быть для всех тем, чем был для одного, в тесном общении с паствою его.

Приходы наши зародились, образовались и стали жить в слишком большом отдалении от епископов. Но тут же, касаясь первоначальной истории христианской Церкви на Руси, мы отметим существование благодетельной меры, практиковавшейся в древности, а именно ежегодный приезд приходского духовенства каждой епархии (вероятно, по очереди) к своим епископам, на так называемые сборы («неделя православия — сборное воскресенье»), для рассуждения о всяких церковных делах и о разных недоуменных вопросах по церковной практике, и по приходским нуждам.

Вследствие великокняжеского почина в деле введения христианства на Руси и необходимости на первое время снабдить церкви священниками наши первые приходы были учреждены правительством и были также велики по пространству. Засим, по мере усвоения христианства населением, явилась потребность в образовании, по добровольному почину паствы, новых, более дробных приходов, которые открывались без всяких формальностей, с разрешения епископов, рукополагавших к ним священников. Приходы устроились и церкви строились обществами и отдельными людьми; и именно обществами: в городах — концами, слободами, улицами, полуулицами и вообще большими или меньшими соседствами и околотками; в деревнях — разных размеров округами, волостями и волостками; частными людьми: 1) собственниками — землевладельцами в их имениях (включая в то число и князей, как частных собственников), 2) собственниками, по тем или иным побуждениям, хотевшими строить церкви для общин (сельских и городских), которые не имели их и которые изъявили желание их иметь.

Приходские церкви, построенные общинами или составлявшие «мирское строение», конечно, с самого первого времени были тою же общинной собственностью, что и в настоящее время, ибо быть чем-нибудь иным не могли. Общины, конечно, с древнего времени заведовали ими, так же как и теперь, то есть чрез выборных людей, или церковных старост. В позднейшее время старост приставляли не по одному, а по несколько, и по крайней мере по два. Весьма вероятно, что так было с самого древнего времени и что целью сего было устроить некоторый контроль над расходованием церковных денег.

В период домонгольский, как и после доновейшего времени, не было чего-нибудь похожего на штаты приходских священников: напротив, приходы пользовались совершенно неограниченной свободой иметь священников столько, сколько сами хотели, и обязаны были содержать своих священников. Прихожане сами обязаны были найти умершему, или выбывшему священнику преемника и привести его к епископу; последний же только посвящал его или если уже он был посвященный, только благословлял его. Это древнее избирательное право прихода было, как известно, укреплено за ним постановлением Стоглавого собора 1553 г. и правилами Духовного Регламента.

Иногда прихожане заключали со священником контракты, в которых, с одной стороны, давалось обязательство доставлять приличное содержание, а с другой — добросовестно и неукоснительно исполнять обязанности. Доступ в духовный класс в древней Руси был свободный; в священники поступали и миряне, и иеромонахи, а более всего, конечно, дети священно- и церковнослужительские, в виду легкости для них изучить, при пособии отцов, грамоту и церковный устав и получить служебный навык. Кроме священников, причты

церковные состояли у нас, так же как и в настоящее время, из диаконов (впрочем в небольшом числе приходов), дьячков и пономарей. Так как в древности никакая община или никакой приход не мог совсем обходиться без человека грамотного и умеющего писать, то звание дьяка (как церковного чтеца и певца и светского писаря) в древности было довольно высокое и влиятельное. К церковным причетникам надо причислить и просвирницу, появившуюся у нас в причетническом штате в весьма давнее время, которая, кроме своей обязанности готовить просфоры, выполняла еще обязанности смотрительницы женских отделений в церкви, ибо в древности строго соблюдался обычай отделения мужчин и женщин при богослужениях.

В заключение набросанной нами картины о древнеприходских порядках мы несколько подробнее остановимся на порядках построения и содержания церквей частными лицами по разным приходам. Из деяний и постановлений апостольских мы знаем о существовании в первых веках христианства домашних церквей, устроенных и содержимых на иждивении более состоятельных христиан. В этом факте мы думаем усмотреть основание ктиторских прав, получивших столь сильное развитие в Византии и привившихся в нашей церковной жизни. В чем заключались эти права в Византии, в этом же приблизительно объеме они были усвоены и у нас.

Ктитору (были ли то духовные или светские лица), построив церковь и обеспечив ее имуществом, а также взяв на себя содержание причта, получили право (и их потомки) как бы вечной аренды, т. е. право на доходы, без права на имущество, и право управления сим имуществом. Осуществляя свои права, ктитору представляли епископу кандидатов на должности священно- и церковнослужительские и, по рукоположении их, вступали с ними в соглашение на счет их содержания. За это благоговение церквам установлена за ктиторов особая молитва, читаемая на ектении: «Еще молимся о блаженных и приснопамятных создателях святого храма сего»¹.

Указав несколько выше на то, что миряне-прихожане принимали на себя в древности все содержание священно— и церковнослужителей, а также устройство приходских домов для причта², что они строили и содержали церкви и в иных местах наделяли их недвижимыми имениями (так напр. в Псковской области), мы выводим твердое заключение о том широком влиянии мирян-прихожан, какое они имели в древности в церковно-общественных делах. Епископская власть, в отношении церковно-имущественного управления приходов, ограничивалась лишь сбором разной дани и пошлин с церквей и духовенства.

VI

Начертав эту общую схему жизни нашей церковной общины в древности, присмотримся теперь несколько ближе к некоторым ее бытовым подробностям, причем заметим, что мы вовсе не намерены идеализировать прошлое, но хотим осветить некоторые выдающиеся хорошие черты нашей древней, допетровских времен, церковно-общественной жизни.

О сплоченности и живой деятельности наших церковных общин в древности красноречиво свидетельствует существование почти повсеместно по приходам «братчин», этих пиров прихожан в складчину в дни храмовых и других высокотожественных праздников.

Церковно-благотворительный характер этих «братчин» усматривается в том, что по древнему обычаю в дни, предшествовавшие празднику (канун), прихожане приносили на вечерни вместе с кутьей в честь праздников или святых разные съестные припасы и овощи, которые шли в дар священникам, а в день праздника, когда под председательством церковного старосты справлялась братчина (покровщина, успенщина, никольщина и др.), приглашалась к трапезе и убогая братия. На этих складочных пирах выпивались заранее приготовленные и

благословенное пиво и мед, а воск, оставшийся от этого сычения меда, шел на церковные свечи; равно как на пользу церковных потребностей и нужд отделялась часть от приношений, которые выражались и в денежных суммах.

Весьма важно отметить, что за этими братчинами, при господстве в древности общинных начал, укрепилось — в лице их старосты и его помощников — право суда над лицами, совершившими во время собрания буйство, драки, бесчинства и покражи.

В судных грамотах Новгородской и Псковской — XIV-XV веков — встречается следующая юридическая норма: »братчина судит как судьи«. Конечно, такой суд братчин, обходившийся без платежа тяжелых судебных пошлин, был судом примирительным по делам маловажных правонарушений, учиненных нередко в состоянии опьянения, и которые можно было тут же на месте покончить миром, с уплатою обиженному небольшой пени.

Летом, очевидно, такие собрания прихожан происходили чаще всего под открытым небом, около церкви, на погосте, но зимой (особенно на севере России) прихожане собирались в особых пристройках к церкви, носивших название «трапез». Сюда же собирались по воскресеньям на сход приходские люди для обсуждения и решения своих земских, мирских дел, и здесь решались на церковной сходке с церковным старостой во главе и совместно с причтом все церковные общественные дела; а именно: принимались отчеты от церковного старосты с очисткой его пред образами, совершались выборы новых церковных старост, с передачей им хранившейся всегда при церкви «всемирной коробки», заключающей в себе церковную казну и документы, а также и избрание новых членов причта и заключение и ними особых договоров.

Христианская благотворительность осуществлялась в древности также и по приходам. По уставу св. Владимира, все нищие в приходе: калеки, слепые, вдовы и сироты были людьми церковными «и церковь должна была содержать их и заведовать ими». И действительно, мы видим в старину около церквей, вместе со священническими и причетническими дворами, на погостах, келии для нищих, которые в них селились для удобства собирания милостыни по церквам. Памятуя, что церковное богатство есть «нищих богатство», наши предки считали церковную казну предназначенной также и для помощи неимущим. Как усматривается из актов, относящихся до северных приходов, мир обязывал церковного старосту давать помощь из церковной казны, хлебом и деньгами, неимущим безмездно и под ссуду, так что в некотором отношении церковная казна являлась как бы крестьянским банком, помогавшим крестьянам в их сельскохозяйственных оборотах и игравшим, таким образом, видную роль в экономическом благосостоянии древнего прихода.

Надо также заметить, что, по изысканиям новейших историков, допетровская сельская Русь была грамотнее нежели в последующее время, и эта грамота получалась сельчанами от »учительных людей« (мастера), — в числе которых на первом месте надо поставить дьячков, — проживавших по приходам. Относительно грамотности сельского люда в глубокую старину имеется драгоценное свидетельство Стоглавого собора. Прежде всего, говорится в актах собора, «в Российском царстве, — на Москве и в великом Новгороде и по иным городам, — многия училища бывали, грамоте и писати и пети и чести гораздых много было, но певцы и чтецы и добры писцы тогда славны были по всей земли и до днесь». Из былины об Илье Муромце мы, например, узнаем, что он учился грамоте в школе, бывшей у дьячка, в селе Карачарове. При встрече с Каличищем-Прохожим последний говорил Илье: »О еси ты Илья Муромец! Помнишь ли мы с тобой в одной школе грамоте учились?»

Приходы наши в древности, как мы видим, были «юридическими лицами». Древнерусский приход являлся учреждением организованным, заключающим в себе определенное количество приписанных к церкви приходских дворов, обладавшим в некоторых местах обще приходскою

земельною собственностью («земля церковная братская»), и имел своего представителя, в лице церковного старосты. Относительно этой приходской собственности и о праве прихода защищать ее на суде от посягательства третьих лиц, в Псковской судной грамоте прямо говорится: «А за церковную землю и на суде суседи (т. е. прихожане) не ходят, идти на суд старостам за церковную землю».

Этим древним законоположением вполне устанавливаются все главные элементы, необходимые для признания прихода за юридическое лицо. Приведенный выше закон, рассматривая приход как организованное церковно-общественное учреждение, закреплял за ним право иметь собственность и представительство в лице избранного церковного старосты на суде и пред властями. Это юридическое лицо по отношению к церкви наглядно связывалось в одно целое общей приходской главной книгой, в которой обозначались все наличные члены прихода, и такая книга, как известно, велась в древнее допетровское время, когда было сделано ограничение о ведении только трех так называемых метрических книг, а именно о родившихся, о бракосочетавшихся и об умерших.

VII

[...] Теперь мы должны коснуться, в самых сжатых чертах, причин упадка жизнедеятельности нашей церковной общины, каковому предмету мы посвятили сочинение под названием «Упадок православного прихода».

Бесспорно, что самым тяжким временем для жизни наших православных приходов следует признать XVIII и первую половину XIX веков, вплоть до воцарения императора Александра Николаевича. Полное закрепощение крестьян и распространение среди них раскола, а среди образованных людей, отрешенных от народа, — неверия, мистицизма и сектантства, подрывали значительно устои нашей церковности. Наша церковная община теряла свою жизнеспособность под наплывом этих неблагоприятных обстоятельств. К числу этих тяжелых обстоятельств надо также отнести некоторые неудачные правительственные мероприятия, о которых мы скажем несколько слов.

В постановлениях «Духовного Регламента» о положении церковной общины еще отразился живительный дух страны. Приход рассматривался, как совокупность известного количества жилых дворов в определенном округе, т. е. под приходом разумелась «территориальная, церковная, сословная единица». Древнерусское право избрания всеми прихожанами своего духовного отца, т. е. священника и прочих членов причта, было закреплено за православным приходом, и это право связывалось с правом вступления прихода, как юридического лица, в договор с избираемыми членами причта, по которому церковная община принимала на себя все содержание (ругу) этого члена, а последний обязывался выразить согласие на принятие этого содержания. Равно приходу предоставлено было право избрания своего представителя, т. е. церковного старосты, на которого, между прочим, была возложена обязанность строить, по старому обычаю, при церквях богадельни «ради нищенствующих больных», а также устраивать на сборные церковные средства дома для причта и воспитательные дома для подкидышей.

Этот существенный закон для устойчивости «приходского права» (*jus parochiale*), как мы видим из синодального определения от 18 июля — 8 августа 1884 г. за № 1514, является действующим законом и поныне, и синодальная власть ясно указала, что право избрания приходом своих священно— и церковнослужителей, в смысле заявления им епископу своего желания иметь преимущественно известное лицо, или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица, не было отменяемо. Между тем, на практике мы видим и по настоящее время полное ослабление этого порядка, основанного на глубоком этическом начале свободного избрания своего духовного отца, наставника и руководителя, каковое начало может

успешно применяться лишь при условии существования в церковной общине того духа искренней христианской общительности, которая связывает эту общину в одно живое целое. Историческая справка нам разъясняет, что расстройству вышеуказанного порядка, помимо утраты нашими церковными общинами этого духа христианской общительности и наступившего вследствие сего охлаждения между духовенством и паствою, много содействовали неправильные толкования закона об избрании приходами членов причта, данные в предписаниях духовного ведомства еще в самом конце XVIII в., о чем мы подробно сообщили в сочинении: »Упадок православного прихода» (с. 88-92).

Другою неблагоприятною мерою для успешного ведения церковно-общественных дел было отнятие в 1808 г. «экономических» сумм у приходских церквей (около 6 миллионов). Вместе с отрицанием права собственности отдельных приходских церквей на их капиталы и доходы, существенно нарушилось и самоуправление церковных общин, и выборная должность церковного старосты утратила свое прежнее представительное значение. [...]

Наконец, наряду с этими неблагоприятными правительственными мерами, надо поставить и часто встречающееся неправильное толкование духовными и светскими властями помещенного в гражданских законах (ст. 698, т. X, ч. 1 Св. Зак.) выражения «церковь» лишь в значении храма, т. е. места и учреждения для богослужения и богомоления, и признание только за понимаемой в этом смысле «церковью» права юридического лица, правоспособного к приобретению церковных имуществ. Оставляя в стороне подробное разрешение этого вопроса с точки зрения строго церковной и канонической, не допускающей, очевидно, возможности затемнения главного понятия о церкви, как собрания верующих, единственно созидających христианские храмы и всякого рода христианские учреждения, каким-либо производным понятием, мы здесь только заметим, что всякая узость в понимании христианских дел и интересов, допускаемая хотя бы и по причинам практическим, совершенно несовместима с духом христианства, требующим, чтобы разрешение церковных вопросов было согласовано с этим живительным духом.

VIII

[...] Никогда еще в России не высказывалось образованным обществом такого напряженного желания подвергнуть коренному преобразованию всю сферу церковно-общественных дел, как это обнаружилось в шестидесятых годах. Подобные стремления к улучшению общественного быта готовятся веками, и все жаждавшие такого улучшения понимали важность наступившего момента и спешили высказать свои посильные соображения о направлении предстоящей реформы, ее принципах и объеме, причем у многих авторов проглядывала одна общая и плодотворная мысль о том, что «созидание церкви» совершается целою «церковью» и что на это великое дело призваны все — и духовные и миряне, богатые и бедные, знатные и простые. [...]

На все эти горячие пожелания и запросы правительство ответило, как известно, изданием в 1864 году двух законов: о братствах и церковных попечительствах. В наших статьях: «Начало возрождения церковно-приходской жизни в России» и «Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-освободителя» мы изложили ход этого дела в законодательных сферах и представили посильную критику этих двух законов.

Мы здесь ограничимся лишь одним небольшим замечанием.

Учреждение всякого рода церковных попечительств, советов, старост и других органов управления в приходе только тогда может развить чувство усердия в прихожанах и вызвать творческую силу в приходе, когда все прихожане и ко всему делу будут искренно призваны и

примут посильное участие в этом деле, по мере дарования каждого. Успешность деятельности всех перечисленных выше церковно-общественных управлений обуславливается активным участием всех христиан в приходе, и это «участие всех», придавая приходской деятельности истинно христианскую окраску, и составляет ту школу нравственности, где люди совершенствуются в христианских добродетелях, без которых все наше светское образование мертво и бесполезно. Если в христианское дело вносится неискренность, недоверие или какие-либо посторонние побуждения, оно не пойдет, ибо дух христианства оставить это дело, и оно вызовет только раздоры и взаимное охлаждение.

Мы знаем из текста закона о приходских попечительствах, что церковная община не была призвана целиком к выполнению «целого церковно-приходского дела», что она, по тексту этого закона, была устранена от контроля над церковно-общественными доходами и имуществом, что, в частности, хозяйство храма было по-прежнему от нее замкнуто, несмотря на всеобщее признание — и в том числе со стороны такого авторитетного святителя, как митрополит Московский Филарет — непригодности современной системы управления церковно-общественными доходами и имуществом. И вот мы видим, что созданные Положением 1864 года приходские попечительства, во многих местах России, влчат свое вялое существование, и бесцветная их деятельность не удовлетворяет ни духовенства, ни мирян.

Беспристрастное отношение к поднятому вопросу побуждает нас высказать мнение, что наше православное общество в шестидесятых годах вряд ли было в силах удовлетворительно разрешить задачу о «возрождении православного прихода». В те времена отношения крестьян к помещикам находились еще в переходном состоянии, в течение которого интересы крестьян были существенно разъединены с интересами помещиков, а потому необходимо было обособить крестьянский мир в его общественном устройстве, и эта обособленность не позволила принять в основу территориального разделения государства всеобщую административно-хозяйственную единицу, каким в известном отношении представляется «православный приход».

Нынешнее поколение живет при других условиях, и если ему, быть может, тоже еще не под силу воссоздать приход в значении мелкой земской единицы, и если нашему православному приходу надлежит сначала возродиться исключительно лишь в церковном отношении, то эту последнюю задачу наше поколение может и должно выполнить. [...]

Идея прихода, как вполне свободной церковной общины, совершенно согласна с духом православной церкви, и нет никаких канонических препятствий к правильной ее организации. [...]

Из всего вышеизложенного усматривается, что за возрождение православного прихода стоит закон, указывающий путь к этому возрождению и дающий подробную схему приходского строя и управления; что в пользу такого возрождения громко говорит все историческое прошлое «святой Руси» и, наконец, — что замечаемая ныне в некоторых общественных делах неурядица, а также обнаруживающаяся уже давно у многих русских людей болезнь духа, колеблющегося постоянно между «своим и чужим» — должны побуждать наше общество искать в такой зиждательной мере, как возрождение православного прихода, опоры необходимых преобразований в общественном строе. Для выполнения этой существенной задачи недостает только дружного общественного почина.

Б. Возможные и желательные мероприятия для возрождения православного прихода и для восстановления правильной жизни православной церковной общины. I

В какой форме, где и когда обнаружился в русском православном обществе почин возрождения православного прихода и оживление деятельности православной церковной общины — об этом теперь можно высказывать лишь предположения и выразить свои сильные соображения о несовершенстве современного церковно-общественного строя и пожелания скорейшего введения в него необходимых и целесообразных улучшений и преобразований. [...]

Путем тщательного и повсеместного исследования обнаружилось, что весь способ ведения церковного хозяйства — чрез посредство причта и церковного старосты, под высшим наблюдением духовного начальства — ведет к сознательной утайке церковных сумм (к «терпимому святотатству», по выражению Д.Ф. Самарина), с риском их похищения и к помещению в отчетах заведомо неверных сведений начальству о движении самых священных (если так можно выразиться) денег в России, собираемых с народа по грошам на «Божие дело». [...]

Существование злоупотреблений в церковном хозяйстве породило одно прискорбное явление, а именно: полное недоверие к направлению денег, опускаемых в церковные кружки, и вызвало обычай, даже у людей состоятельных, опускать при церковном сборе в кружки и на тарелки монеты низшего достоинства. Нечего и говорить, что с возвращением доверия при правильном и гласном движении церковных сборов они не только удвоятся или утроятся, но возрастут в громадных размерах на пользу всех наших церковно-общественных дел и церковно-общественного хозяйства. [...]

Ввиду указанного выше способа ведения церковного хозяйства, ввиду формализма существующих между церковными старостами и духовным начальством отношений, а также вследствие ненормальных (часто даже неприязненных) отношений старосты к причту, — в церковные старосты идут далеко не лучшие люди прихода, и это обстоятельство сильно вредит благоустройству церковного дела.

Ежемесячное свидетельство прихода и расхода церковных сумм, производится в большинстве церквей без участия представителей прихожан, которые не имея характера правильного контрольного органа прихода, весьма основательно не желают играть совершенно пассивную роль. [...]

Очевидно, правильное ведение церковного хозяйства, нормальная постановка должности церковного старосты и установление желательного контроля над всеми церковно-хозяйственными оборотами со стороны представителей прихожан может осуществиться лишь при восстановлении автономных прав православного прихода, ждущего справедливого уравнивания его в правах не только с иноверческими приходами, полными жизни и энергии, но и с единоверческими и православными финляндскими приходами, сильно способствующими объединению православного населения на этой окраине.

II

Перейдем теперь к рассмотрению тех мер, которые должны упорядочить жизнь православных приходов с внешней ее стороны. На первый план надо поставить учреждение по приходам — с одобрения местной епархиальной власти — «Главной приходской книги», в которую каждый прихожанин, без всякого к тому принуждения, мог бы по возможности собственноручно вносить свое имя, а также имена своих несовершеннолетних членов семьи, с отметкою о своем звании, местожительстве, занятиях, степени образования, времени переселения в приход, и наконец, — при укреплении за приходами права денежного самообложения, — количества сбора, уплачиваемого им в определенные сроки, на нужды прихода. Эта книга была бы нечто вроде формулярного списка члена прихода и, связывая всех прихожан в одно живое

органическое целое, давала бы возможность церковной общине упорядочить свои выборы должностных лиц прихода, членов своего «совета», а равно правильно устроить свои денежные и имущественные дела, а также приходские собрания, созываемые по разным поводам и случаям приходской общественной жизни.

Равным образом православному приходу надлежит определиться и в территориальном отношении. Мы выше уже упоминали о существовании синодального указа от 20 апреля 1890 г. за № 6, в силу которого определение границ столичных и городских приходов должно сообразовываться с желанием прихожан относительно принадлежности их именно к тому, а не другому приходу. [...]

Касаясь внешнего благоустройства столичных православных приходов, мы в заключение выразим сердечное пожелание многих православных людей об увеличении числа приходских храмов в столице и об оставлении хотя некоторых храмов отпертыми большую часть дня и даже ночи. Как уже было обращено внимание печати, православных церквей в С.-Петербурге насчитывается всего 246, из которых большая часть домовых, а приходских всего числится 37, причем во всех этих церквях священников значится всего 327 человек. Эта цифра церквей в столице, при миллионном составе ее населения, поразительно мала, и большинство православного населения в великие праздники положительно лишено возможности посещать храмы¹.

Что же касается до пожелания об оставлении храмов открытыми, то надлежит заметить, что если этой меры нельзя принять в отношении многих церквей, то, при оживлении приходской жизни вообще, когда прихожане будут ближе знакомы друг с другом, возможно будет в разных местах столицы (и в других городах) оставлять под надзором благонадежных прихожан несколько храмов открытыми, день и ночь, при ближайшем дежурстве этих прихожан, по очереди, в указанных храмах. Нет надобности пояснять, что каждого из нас посещают скорбные, тревожные и радостные минуты в жизни, когда посещение храма, молитва в нем, возжжение свечи пред иконою, подача милостыни, встреча и беседа с отзывчивым человеком — составляют сильную душевную потребность, и знать, что эта потребность может быть удовлетворена во всякое время, составит для многих православных истинную отраду. Эта мера не была бы новизной, ибо нам известно, что в г. Харькове находится открытым день и ночь один храм, под охраной местных прихожан, и он, как освященный маяк, манит под свой кров странников-христиан, ищущих убежища от невыносимой подчас житейской бури. [...]

IV

Ограничиваясь в настоящей статье указанием приведенных выше мер, могущих способствовать перенесению вопроса о возрождении православного прихода на чисто практическую почву, и полагая, что лица, более сведующие в церковно-общественных делах, возбудят и разрешат другие, быть может, более важные вопросы, клонящиеся к той же цели, — мы считаем здесь уместным высказать наше твердое убеждение, что как бы ни казались серьезными и неотложными приведенные выше мероприятия, однако все они по своему значению отступают на второй план пред главной задачей, которая должна быть положена в основу всего «приходского преобразования». Мы разумеем здесь восстановление «христианской общительности», как между пастырем и паствой, так и между самими прихожанами.

Появится эта чудодейственная общительность — воскреснет и приход; не будет в приходе духа братолюбия — все формальные меры, предпринятые в целях приходского возрождения, не приведут к благим результатам.

По нашему крайнему разумению, надо начать с закрепления братолюбивых связей между

священником прихода и хотя бы небольшой группой истинно преданных делу церкви прихожан, которые, несомненно, существуют в каждом приходе. Эта связь явится живой ячейкой в приходе и этот первоначальный кружок своим существованием и совершением добрых дел постепенно притянет к себе силой веры и любви других прихожан, и, таким образом, возникнет естественным путем крепкая приходская община. Сближение, так называемой, интеллигенции с духовенством произойдет, как нам кажется, не на почве догматических рассуждений и соглашений, а на почве общего доброго дела, которое заставит их уважать и полюбить друг друга.

Одной из главных забот этой живой приходской ячейки, этого первоначального приходского кружка, может быть, на первых порах, забота о том, чтобы прихожане перезнакомились между собой и, по возможности, сблизились друг с другом.

В настоящее время, мы все, «приходящие» в столичные и городские храмы слишком чужды друг другу и знакомство наше по церкви часто случайное, поверхностное, тогда как оно должно быть полным и всеобщим. В центре прихода, в его храм, стекаются люди для присутствия при богослужении, для общественной молитвы, и нет места на земле, где бы с такой полнотой мог совершиться высокий подъем духа в людях, как в храме. Сколько молитв в храмах возносится людьми страждущими от материальных невзгод и горюющих скорбями земными! Сколько людей стоит тут же в храме, в молитвенном созерцании, имеющих достатки, знание и опыт, и которые могли и желали бы помочь этим страждущим, бедствующим и неимущим! Возможно ли для истинных христиан ограничиться одним присутствием на богослужении и затем разойтись чуждыми друг другу?

Когда этот первоначальный приходской кружок разрастется, и появится приходская община, то она на первый план должна поставить учреждение «воскресных приходских собраний» (в самом здании храма, или вне его), которые явятся естественным и необходимым окончанием воскресных молитвенных соединений христиан в церквях. На этом «приходском собрании» должны быть предложены и разрешены дела благотворительные в обширном смысле слова; а так как во исполнение завета Христова участь детей христианских обществ должна быть выдвинута на первый план, то самой главной заботой такого собрания является забота о «детских нуждах» духовных и материальных. Вот почему вопрос о необходимости знания всеми детьми прихода начатков закона Божия, порядка богослужения, кратких исторических и географических сведений о родине, чтения, письма и счисления, а равно о необходимости хорового церковного пения — должен быть разрешен приходским собранием в положительном смысле и приходская община обязана иметь в своем ведении и по возможности на своем иждивении первоначальную церковно-приходскую школу, куда должны непременно поступать с 7-летнего возраста все дети прихожан, какого бы звания, состояния и достатка они ни были. Это соединение детей всех сословий в приходской школе, года на два или на три, представляется необходимым в видах христианской дисциплины, причем желательно, чтобы уроки закона Божия, объяснение главнейших молитв и порядка богослужения, а равно обучение хоровому церковному пению, происходили в приходском храме, и чтобы ученики старшего возраста непременно оказывали бы доступную им помощь причту, как при богослужении, так и в содержании храма.

В пояснение нашей мысли об устройстве церковно-приходской школы приведем заслуживающую внимания небольшую историческую справку. Религиозные начала и церковная дисциплина были в старину настолько сильны в русском православном обществе, что способствовали сплочению и организации на церковной почве русской учащейся молодежи. Мы здесь разумеем «юношеские» (младшие) братства, учреждавшиеся в XVII веке при северо- и юго-западных городских старших братствах и состоявшие из учащих молодых

людей, не женатых, вступавших с благословения патриархов и митрополитов в братское общение для выполнения тех же церковно-благотворительных задач, которые осуществлялись в широком виде старшими братствами. Какой поучительный урок содержится в этом отрадном общественном явлении нашей старины (столь неосновательно иногда обвиняемой в пристрастии к «обрядности») для настоящего времени, когда повсеместно замечается в нашей учащейся молодежи полное шатание умов и совести и почти совершенное отсутствие духа истинной церковности. Этот дух должен быть развиваем с самых юных лет и описанное выше устройство всесословной церковно-приходской школы, по нашему крайнему разумению, должно способствовать этому развитию.

Другой важной обязанностью проектируемого нами приходского собрания должно быть служение делам благотворительности вообще, причем мы полагаем, что действительная христианская благотворительность может осуществляться только на церковной почве и всего удобнее на приходской почве. Показная, шумная, светская благотворительность, не создавая никакой внутренней нравственной связи между дающим и получающим, мало кого может удовлетворить¹. Каждый в тайнике души своей сознает, что деньгами нельзя откупиться от величайшей обязанности, возложенной на человека: «нести бремена и тяготы друг друга». Надо также помнить, что, по замечанию опытных филантропов, истинная бедность, стыдливая и скрывающаяся, распознаваться может всего скорее и надежнее именно на церковной почве, когда бедняк знает и уверен, что к нему в дверь стучится добрая рука и по добрым христианским побуждениям. К тому же следует добавить, что церковно-приходская благотворительность требует активного участия всех христиан в приходе, и это «участие всех» и составляет ту школу нравственности, которую может по преимуществу дать «христианский приход». Небольшой объем настоящей статьи не позволяет нам даже в сжатом виде коснуться всех тех форм и средств, которыми обладает церковная приходская благотворительность. Многовековая история христианской церковной общины содержит столько примеров и способов истинно христианской благотворительности, начиная от вечерей любви (агап), трапез для бедных, и кончая учреждениями самых разнообразных богоугодных заведений, а равно указывает на самую многостороннюю практику в применении христианской благотворительности на деле, при помощи разных должностных лиц, как-то: диаконов и диаконисс, что современная церковная община может из этого богатого источника черпать себе любые образцы учреждений и должностей для воссоздания их и при современном строе жизни. Особенно желательно было бы восстановление по приходам звания диаконисс, которые, по свойственной женскому сердцу деликатности, могли бы свободно проникать в приходские дома для оказания самой разнообразной помощи всем истинно нуждающимся. Для осуществления всех этих просветительных и благотворительных дел наша православная церковная община, очевидно, должна иметь свое церковно-приходское имущество, собираемое по преимуществу в церкви, управление которым и должно быть вверено церковно-приходскому совету.

Но, кроме христианско-просветительных благотворительных и церковно устроительных дел, христианская общительность требует от членов церкви еще братского назидания, поучения, собеседования и в некоторых случаях — братского суда. И нашему православному приходу есть о чем поговорить, есть чему назидаться и поучаться. Печальные общественные явления последних лет в русской жизни нам с ясностью указывают на то, что русская православная семья больна. Болезнь эта слишком сложна, а потому требует обстоятельного диагноза. Мы этого вопроса касаться не будем, а укажем лишь на некоторые выдающиеся болезненные симптомы, а именно: на легкость фактического расторжения брака, на увеличение числа неверующей и недисциплинированной, ни нравственно, ни церковно, молодежи и на увеличение числа православных девушек, предающихся позорному ремеслу. Кто же может помочь этой беде, как не церковная семья, т. е. приход, если бы он существовал в

действительности. В такой сплоченной церковной семье, где люди соединены духовным родством и почитаются братьями, несомненно нашлись бы старейшие, опытные и уважаемые прихожане — и во главе их священник, как духовник прихода — которые отыскали бы истинно христианские способы и средства деликатно и участливо вмешаться вовремя в семейную распрю и раздоры, вовремя словом и делом остановить семейную катастрофу и вовремя участливыми расспросами и советами заставить нерадивых родителей приводить своих детей в церковь, где бы эти дети, относясь сознательно ко всему, что в церкви совершается, могли с юных лет подчинить себя спасительной церковной дисциплине, требующей и исправного хождения в церковь, и деятельного отношения к богослужению, и понимания читаемого в церкви Священного писания и молитв, поющих в ней, и, наконец, исполнения христианской обязанности исповеди и причащения святых Таин. Раз эта дисциплина принята и усвоена с детства, она у большинства людей останется на всю жизнь.

Что же касается до тяжелого вопроса о проституции, то в этом отношении мы ограничимся ссылкой на известную речь по сему предмету сенатора А.Ф. Кони, который, на основании добытого им материала, указывал, что среди петербургских падших женщин и девушек оказался поразительно малый процент из старообрядок-раскольниц. И, как нам удалось выяснить, причиной тому служит забота старообрядческой церковной общины не допускать своих женщин и девушек до позорного ремесла¹. Если старообрядческой церковной общине под силу эта нравственная забота о своих сочленах, то, несомненно, она будет по силам и нашим православным возрожденным церковным общинам, которые не только в это важное дело, но и во весь православный обиход могли бы внести освежающую нравственную струю, как, например, простоту в женской одежде, и эта мера намного бы смягчила наши нравы, и несколько сгладила бы неравенство в имуществе сочленов христианского союза.

Но всех благих результатов деятельности возрожденного православного прихода за раз и не исчислить! Он таит в себе бесчисленное количество творческих сил, дремлющих пока в ожидании всеобщего пробуждения и просветления. Наши храмы, стоящие теперь большую часть дня замкнутыми и пустынными, могли бы превратиться в истинные светочи христианства, когда в них, кроме часов, предназначенных для богослужения и богомоления, будут, по примеру Константинопольских церквей во времена св. Иоанна Златоуста, собираться: молодое поколение — для изучения начатков веры и для церковного хорового пения, а взрослые — для внебогослужебных чтений и бесед, а равно и для обсуждения своих церковно-приходских дел. Таким образом, храмы на Руси могут быть постоянно открытыми, и вечером, освещенные изнутри, они по нашим деревням, селам и городам будут казаться спасительными маяками, и привлекать и во внебогослужебное время верующих православных для дел любви, просвещения, милосердия и назидания. Возрожденный православный приход поможет также православному священнику занять в обществе подобающее его сану положение и сумеет предоставить ему правильную сферу влияния на общественные дела, не только силою священнической свободной проповеди, отвечающей на запросы дня, но и прямым участием в земско-общественной деятельности мирян.

Только при возрожденном и автономном приходе может быть поднят и разрешен в удовлетворительном смысле вопрос об избрании приходами своих священно— и церковнослужителей. Избрание своего духовного руководителя, своего духовника есть неотъемлемое право христианской церковной общины и оно, как и всякое другое право, может временно ослабевать в своем применении, но уничтожиться никогда не может. Приходской пастырь, очевидно, должен быть материально обеспечен и все требы исполнять безвозмездно, и тогда все поводы к мелочным пререканиям сами собой отпадут, как у священника, так и у паствы, и это обстоятельство послужит еще к большему укреплению христианской общительности в приходе.

Нам остается сказать еще несколько слов о том государственном значении, которое кроется в факте возрождения православного прихода. Государство, признавшее христианство господствующей религией, должно заботиться не столько о духовенстве, или же о духовно-гражданском ведомстве, сколько о процветании и укреплении церковных общин, так как существование этих нравственно дисциплинированных союзов, ничего не стоящих государству, заботящихся о своих сочленах, в том числе о своих причтах, значительно облегчает государству задачу провинциального управления.

Так, например, заботы государства о низшей мировой юстиции могли бы значительно быть облегчены, если бы наши возрожденные церковные общины приняли на себя примирительное разбирательство маловажных гражданских и уголовных дел всех тех прихожан, которые обратятся к суду совета приходского, в качестве особого вида третейского суда, а также и рассмотрение всех случаев, вытекающих при исполнении причтами духовных треб. По древнеканоническим правилам такой братский примирительный суд был всегда вверяем церковным общинам, как местным церквам, а из древней русской церковной истории мы знаем о повсеместном существовании на Руси суда братчин («братчина судит — как судьи») по маловажным правонарушениям, возникавшим на пиру, который справлялся церковною общиною (братчиной) в праздничные дни. Это сознание, что церковная община имеет право на мировой братский суд для своих сочленов, оказалось столь живучим, что при начертании правил для приходов Приамурской области в конце пятидесятых годов предоставлен приамурской церковной общине такой примирительный разбор дел своих соприхожан.

При успешной деятельности и жизненной крепости церковных общин может также сильно облегчиться роль государства по отношению к расколу. Люди, сведующие в делах раскола, замечали, что сила раскола лежит в общинной организации его последователей — в том, что в нем само общество имеет прямое и непосредственное участие и влияние на все дела церковные, не исключая и назначения пастырей, — что в расколе, следовательно, предоставлена большая свобода для выражения религиозного чувства. Поэтому и в отношении к расколу общинное устройство православного прихода было бы, с одной стороны, лучшим противодействием раскольнической пропаганды среди народа, а с другой — могущественным средством для привлечения раскольников к православию, каковое средство представляется более целесообразным, чем нынешняя почти бесплодная и дорогостоящая миссионерская деятельность среди старообрядцев.

Нельзя не обратить также внимания и на ту помощь, которую могли бы оказать правительству правильно устроенные, жизнеспособные и самостоятельные православные приходы в годину бедствий, постигающих разные местности России, как-то: неурожаи, землетрясения, наводнения, пожары, распространение заразных болезней и т. п., а также и во время аграрных волнений и беспорядков. На кого могло бы более спокойно и уверенно опереться правительство при раздаче бедствующему населению пособий и разных средств по глухим местностям наших губерний, как не на представительство церковных общин, всюду существующих, прекрасно знающих свое население и пользующихся от него уважением и доверием? Как бы мог вернее и скорее предупредить начинающееся волнение в народе, как не нравственно настроенная и дисциплинированная церковная община?

Этими соображениями мы закончим наши беглые заметки о необходимости обновления православного церковно-общественного строя, путем воссоздания православного прихода и укрепления за ним его естественных прав, на пользу общества, церкви и государства. Быть может, в начертанном нами плане воссоздания прихода встречаются ошибки в подробностях, а, может быть, и в масштабе, быть может, какие либо приведенные исторические справки неверны, быть может, некоторые из высказанных пожеланий неосуществимы и неприемлемы,

— но в одном мы твердо и непоколебимо убеждены, а именно в том, что для современной России не существует более жизненного, более насущного вопроса, чем «вопрос приходской», ибо не только народ, но и образованные классы всего более нуждаются в духовном оздоровлении, в тесном и органическом сближении между собою и с духовенством, в школе нравственности, которую может дать православный приход. Экономическое благосостояние, развитие торговли и промыслов, установление правильного сельского хозяйства — одним словом всяческие внешние материальные успехи — приложатся естественным путем к нравственно-развитому, сильному духом народу. Вопрос «приходской» есть по преимуществу вопрос совести, а потому пусть каждый, кто бы он ни был, — государственный ли сановник, иерарх церкви, ученый, публицист, скромный деятель, мужчина или женщина, разрешает его по совести, и это будет служить лучшим залогом правильного его разрешения.

*Печатается с сокращениями, полностью опубликовано: Русский вестник, июнь, 1902 г.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Из редакционной почты

Из редакционной почты

Письмо в редакцию журнала «Православная община»

Христос Воскресе!

Уважаемый отец Георгий, здравствуйте!

О Вас и о том, что Вы делаете, я узнала совсем недавно. Сначала мне попала книжка «Сети обновленного Православия», потом я, будучи до глубины души затронута, стала читать Ваш журнал «Православная община». Мне довелось держать в руках всего три выпуска, но и этого оказалось достаточно. Я читала Ваши проповеди и поняла, что Вы очень мужественный, смелый человек, Вы дерзаете не только словом, но и делом показать, что преобразования необходимы Церкви. Конечно, Вас тут же заклеямили как лжеучителя и лжепастыря и волка в овечьей шкуре. «Блаженны Вы, когда будут поносить Вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня», — сказал Господь. Я уверена, что Правда Христова на Вашей стороне. Не оставляйте Вашего дела! Думаю, многие, очень многие православные, для которых Церковь — это не благолепие, не позолота иконостасов и не благозвучное пение, а Сам Христос, Его Дух, Его Любовь, будут на Вашей стороне.

Те, которые думают, что спасутся только православные, причем строго исполняющие «предания старцев», которые пишут, что учить молиться своими словами подобно развращению малолетних, — это люди с мертвыми сердцами. Они всегда будут против Вас.

Знаете, когда я несколько дней назад узнала о Вашем существовании, о существовании Вашего братства, почитала «Православную общину», мне стало просто легче дышать. Благодарю Бога! Я могла бы так и продолжать жить, думая, что то, к чему стремится мое сердце, — это греховно, это надо подавить в себе. Теперь я знаю, что я не одна такая, и что это вовсе не от греха и не от самочиния, и не от недостатка смирения, — молиться по-русски, (ведь мыслю я по-русски!), и не признавать отживших схем типа «Православие — Самодержавие — Народность», и не ненавидеть евреев, и не бояться заговорить на улице с какими-нибудь сектантами, и тайно мечтать о том, что вот, если бы у меня были такие друзья, православные

христиане, с которыми можно было бы взяться за руки и сказать: «Христос посреди нас! — И есть, и будет!»

В книге Деяний написано: «Они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении! и преломлении хлеба и в молитвах».

К сожалению, наше православное богослужение не очень похоже на это. Нет общения. Есть некоторые вещи, которые просто вызывают отвращение. Например, я где-то читала про священнические облачения, что они символизируют; что красные полосы, расшитые золотом, это как бы кровь Иисуса, а поручи это веревки, которыми были связаны Его руки, когда Его вели на казнь, а высокая шапка, вся в золоте и в драгоценных камнях — это как бы Его терновый венец. По-моему, это какое-то кощунство, Он страдал, над Ним издевались, а у нас — узоры на одеждах и сладкоголосие. Так можно совершенно забыть о том, что случилось две тысячи лет назад.

Мне часто приходят разные мысли по поводу церкви, и я должна была укорять себя в грехе осуждения, тем более, что церковь дает мне все (разумею таинства — оставление грехов, приобщение), но тем больше видеть для меня, что как-то многое не так.

Мое воцерковление еще только начинается. Я исповедую Христа немногим больше года. Мое обращение — это чудо, обретение веры было в моей жизни таким поразительным событием, что я по сей день не перестаю удивляться всему, что со мной происходит. Тем более что день ото дня вера растет, укрепляется.

Я впервые приняла Причастие в августе 1996 года, это было в дни Преображения. У меня есть особая связь с этим праздником. Но постоянно причащаться я стала только с этого Рождества (1996/1997). Есть у меня и духовный отец (батюшка, к которому я хожу на исповедь, и за литургией стараюсь причащаться именно когда он служит). Он настоящий христианин, человек не от мира сего, смиренномудрый и кроткий. Справедливо ли называть его духовным отцом? Он принял мою первую исповедь, но родил меня во Христе не он. Ко Христу я пришла сама путем своих собственных ошибок, падений, раздумий, метаний, а самое основное — путем личного изучения Четвероевангелия. Путь к вере был очень болезненным и тяжким. Произошла грандиозная ломка всего старого в душе, ветхое приходилось отдиравать от себя чуть ли не «с кровью». И вот...

Свершилось, пришло нежданное — Душу пронзил меч. Молчу, сторожу странное Чувство — гора с плеч. Тихо, со страхом тайным Сердце к Тебе идет. То, что казалось случайным, Ныне иным предстает. Прошлое (с ясной силой Это звучит во мне), Все мое прошлое было Лишь дорогой к Тебе.

Теперь смысл всей моей жизни — Евхаристия. Свято верую, что Сие самое есть Пречистое Тело Твое, и Сия самая есть Честная Кровь Твоя.

Отец Георгий! Простите, что я так много пишу о себе, но Вы поймите, — не с кем поделиться самым главным. Неужели все общение во Христе сводится только к общению с батюшкой на исповеди? Конечно, нет. Вот, мы приходим в храм, стоим на службе, молимся, я вижу своих единоверцев, православных христиан, но если я попробую заглянуть кому-нибудь из них в лицо и заговорить с ними, они мне покажут всем видом, что я мешаю им молиться. Конечно, богослужение есть богослужение, а общаться надо когда-то в другое время и в другом месте. Но где? когда? и с кем? Стали приходиться мысли, что надо смириться и не мечтать о невозможном, можно научиться чистить подсвечники как женщины с такими строгими неприступными лицами и так в чистке подсвечников спасти свою грешную душу. Может, это

и есть истинное христианство? Может, это у меня от моей греховности такие мысли? Неужели мне мало Евхаристического общения? Смотри, сколько братьев и сестер, подходящих к Чаше. Но кто эти люди? Я даже не знаю как их зовут! Конечно, главное в Причастии — это единение с Господом нашим Иисусом Христом, но это еще и единение друг с другом!

«Да будут все едино, как Мы едино», — говорит Господь. Будет это единство, будет и Любовь.

Почитав в журнале Ваши пламенные проповеди, я поняла, что наконец нашла своих по духу. То, что Вы создаете общину православных (ведь одного богослужения недостаточно!), такую общину, в которой все действительно братья и сестры не только по названию, которые могли бы иметь общение во Христе, вместе молиться (не по книгам, не по уставу, а по духу, по сердцу), вместе изучать Писание, Евангелие, делиться опытом в духовной жизни, учиться говорить проповеди друг другу в «назидание, увещание и утешение», как пишет Павел и, наконец, вместе совершать Евхаристию, — вот это и есть христианство.

А также узнав, что Вы в богослужении хотите вернуться к практике древней раннехристианской церкви, я поняла, что это никакие не мечтания недостижимые, — это возможно и нам, людям XX века, потому что христианство все то же, и Дух Тот же, и Господь Тот же, что и тогда, две тысячи лет назад.

Спасибо Вам, отец Георгий, Вы заново открыли мне глаза на ту простую истину, что где Дух Господень — там свобода. И если я, будучи в Церкви, боюсь иметь свое мнение по тем или иным вопросам, и меня учат, что иметь свое суждение — это грех, это самочиние, что и вообще мыслить — это какой-то грех, то я начинаю задаваться вопросом, что это за Церковь? Это Церковь Христова, или может, это какая-то ветхозаветная Церковь, которая еще не знает Благодати, если для нее главное — закон? «Мы дети не рабы, но свободной!»

Я очень люблю нашу Православную церковь, люблю богослужение, и песнопения, но как часто приходит мысль, что у нас так много ветхозаветного и так мало новозаветного. А ведь именно Ветхозаветная церковь несет на себе грех распятия Христа. Да, не народ, не общество, и даже не гражданская власть (она только была бездушным исполнителем злой воли), а именно церковь, иерархия Ветхозаветной церкви. Что за парадокс! Священнослужители распинают Христа, а потом со спокойной совестью идут дальше молиться. Это страшно.

Еще мне очень пришлось по сердцу, какой взгляд у Вас и Ваших единомышленников на отношения Церкви и государства (насколько я смогла уловить по журналам). Правильно, никакой «симфонии властей». Странно, что у нас в России, после того как нам Господь через саму нашу историю показал, что за музыка в этой «симфонии», у нас еще пытаются все эти идеи возродить и воплотить! Пишут о самодержавии, о богоизбранном русском народе, о Москве — третьем Риме, о том, какая благодать у нас была до революции, вся власть была православная, народ — благочестив, император — свят. Но разве это все истинно? По-моему, все эти идеи — мертвые гробы, которые и ворошить-то не нужно. Им место на кладбище. Церковь и государство — это, по-моему, два разных полюса. Может быть, я мыслю очень незрело и категорично, но когда идет речь о государстве, о политике, о власти, мне вспоминается, что говорил сатана Христу в пустыне, когда искушал Его: «Дам Тебе власть над всеми царствами мира и славу их; ибо она мне предана, и я, кому хочу, даю ее. Все сие «Твое будет, если, падши, преклонишься предо мною».

Может быть, эта симфония властей и была таким искушением, от которого Церковь не смогла отвернуться.

Мне по душе позиция Нила Сорского, Церковь не должна иметь материальных богатств,

земель, власти. Ведь Церковь не от мира сего.

Я читала очерки владыки Иоанна (почившего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского), и при всем моем уважении к его памяти, я не могла не почувствовать какого-то националистического духа.

Я люблю Россию, и патриотизм приветствую, но твердо убеждена в том, что во Христе нет ни иудея, ни эллина, ни русского, ни американца, ни православного, ни католика, ни протестанта, а вера Христова, — она либо есть, либо ее нет. Неужели Господь не примет в Свое Царствие душу католика, который всю жизнь следовал Учению, нес крест свой, любил ближних, как самого себя, только потому, что он — католик, признает непогрешимость папы, непорочное зачатие и исхождение Духа и от Сына? Неужели из-за этого Господь его отвергнет? Все эти вопросы так тревожат меня, что я порой ни о чем другом не могу и думать. Я не могу успокоиться при мысли, что это была бы какая-то большая несправедливость, если бы все эти люди, христиане, которых некоторые православные называют еретиками, шли в ад за то, что они не православные. Не думаю, чтобы Бог был настолько лицеприятен.

Может, я не должна так вольно рассуждать, ведь я ничего не знаю, — ни истории Церкви, ни истории Вселенских Соборов, не знаю о других христианских конфессиях из жизни (только немного из книжек, которые мне попадались), значит, не могу и сравнивать, но я знаю Евангелие. И когда я хочу во всем этом разобраться (в том, почему Господь — Един, и Писание — одно, и Откровение — одно, а церковей много, и все только себя почитают за церковь истинную, а других — за еретиков) и беру какие-то книги православные, например, учебник по сравнительному богословию для духовных семинарий, и начинаю читать какие-то факты о крестовых походах, о личных ошибках и беззакониях каких-то пап, об индульгенциях, казнях, расколах, притязаниях на политическую власть, завоевательных экспедициях, грабежах, насилиях, о сектантах, «Богородичных центрах», белых братствах, астрологах, экстрасенсах, то мне приходит мысль, что авторы этих книг просто уклоняются от прямого ответа и хотят запугать, утратить, запутать, чтобы у читателя отпала всякая охота разобраться в том, что стоит за разделением Церкви Христовой. Например, я читала С. Нилуса «Близ есть при дверех», так ведь он во всем видит антихриста, такое впечатление, будто автору очень уж не терпится стать свидетелем его пришествия. Нет, мне не стало страшно от этой книги, но я поняла, что Нилус — апологет самодержавия, которое для него, может, даже важнее Православия, и потеряла к нему доверие.

Становлению моей веры помогли книги о. Александра Меня, Вл. Соловьева. И вот я узнаю, что должна покаяться в чтении еретической литературы. Я покаялась на исповеди, но потом, почитав «Православную общину», задумалась: что же, у меня совсем хотят отбить способность самостоятельно мыслить? Тогда я пошла и покаялась в обратном.

Нет, я хочу остаться в Православной церкви, я люблю Православие, живу жизнью Церкви, я, по слову апостола, «рассудила быть... не знающей ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, потому даже не захотела получить высшего образования (сейчас работаю библиотекарем, мне 23 года), чтобы не думать о постороннем. <...>

Знаете, я до обращения вела очень греховную жизнь и уже была на краю гибели, но Господь помиловал меня и протянул мне руку спасения, когда чаша моих беззаконий переполнилась и хлынула через край. Тогда и началось перерождение. <...>

Отец Георгий, представляете, когда-то «Так говорил Заратустра» Ницше было для меня величайшим откровением человеческого разума! Безумие! Хула на Духа Святаго!

И вот после всего этого, для меня придти в церковь, встать там на колени и слушать «Господи, помилуй!» — было единственным желанием. И хотя я ничего в богослужении не понимала, но зато, как отраднo было видеть вокруг светлые людские лица и понимать, что я недостойна даже рядом находиться с такими людьми. Теперь уже трудно так каяться, все это пережито, и я стараюсь в меру своего разума, следовать Христу и исполнять заповеди Его. Если я уже не совершаю грехов против Бога и ближнего и себя (не говорю, конечно, что я уже свободна от греха совсем), то как мне плакать и каяться вновь и вновь? Ведь я по милости Его, уже получила оставление прегрешений своих. Что в мире сравниться с той радостью, с которой христианин выходит из храма после Причащения? Ничто. Радость духовного обновления, радость очищенной совести, радость просветленного сердца. Каждая исповедь и Евхаристия — это как смерть и воскресение, наверное, об этом писал апостол Павел: «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа».

Простите меня, может быть, я пишу много лишнего, и это письмо только отнимает Ваше время (если оно вообще попадет к Вам в руки), но если бы я не была уверена в том, что Вы именно тот человек, которому надо это рассказать о себе, что это не только мне нужно, но и Вам будет небезынтересно, я бы и не писала, ведь я пишу не столько о себе, сколько о Православии, о христианстве, и к Вам это имеет отношение, и к Вашему делу.

Так вот, постепенно, я стала понимать богослужение. Стала ходить в духовную академию на вечерние лекции для мирян, там я услышала, что в православных церковных песнопениях — вся глубина богословия, вся христианская мудрость. А так как, слушая эти песнопения за богослужением, разобрать мне ничего не удавалось, то я решила пойти самой петь в хор, чтобы все постигнуть. И еще, я думала, может, там найду друзей. Так я пою уже несколько месяцев, но ни друзей не нашла, ни постигнуть ничего не удастся. Теперь все старания приходится прикладывать к тому, как спеть, чтобы не ошибиться, правильно взять ноту, и так до сердца ничего не доходит, и то, что я пою, — порой даже не удается уловить смысл этого, потому что, во-первых — церковнославянский язык, во-вторых — та быстрота, с которой поем. И я думаю, не делает ли у нас использование мертвого языка из христианства какого-то эзотерического знания, чтобы многие ничего не поняли, а те, которые поняли, возгордились бы своей исключительностью? Вот, мол, нам это открыто, мы разумеем, а другие — невежды. Конечно, это дело времени, но я думаю, что и среди тех православных, которые уже в Церкви не один год, не много таких, которые бы все разумели. А если заходят люди нецерковные, мирские, но которые, однако, приходят сюда, чтобы обрести, но, кроме недоумения, ничего не обретают? И почему так у нас получается, что самое трудноуловимое в богослужении, это когда читают Писание? Не то же ли самое переживала Церковь несколько веков назад, когда некоторые утверждали, что служить можно только на греческом, латыни и еврейском? А Павел пишет, что лучше в молитве сказать несколько слов на своем языке, чем тысячу слов на чужом. И когда я прочитала в этой книжке «Сети обновленного Православия», что церковнославянский для нас — это и есть свой родной язык, а русский — язык обыденный, низкий, газетный, то меня это возмутило, и я встала на Вашу сторону, и пишу это Вам, чтобы Вы знали, что Вас поддерживают. Что значит мое мнение? Но может, это Вас укрепит в деле обновления Церкви, которому Вы служите.

Конечно, в христианстве есть эзотеризм, то, что недоступно нашему человеческому пониманию, область таинств. Это когда Иисус говорит: «Вкушающий Плоть Мою и пьющий Кровь Мою, во Мне пребывает, и Я — в нем». И у человека, который это слышит, лишь два пути — или сказать: «Это какое-то безумие», или сказать: «Это говорит Бог». Так, наверное, все люди и делятся здесь, и становятся — или со Христом, или против Него. А если ни то, ни другое, то значит — не слышали. Вот, Причастие не для всех, а для верных. И я согласна с

Вами, что надо закрывать двери, когда верные причащаются. Часто бывает так, что к моменту на литургии, когда выносят Чашу, в храме находится много посторонних, которые, сами того не понимая, мешают, начинают громко разговаривать или шептаться, стучать каблуками, суесться со свечами, спрашивать: «Где тут Никола Чудотворец? Мне надо ему свечку поставить». Я не осуждаю их, они же не понимают, что здесь и сейчас происходит страшное таинство, церковь соединяется с Господом, Господь сходит к людям Своим. Если бы они поняли! А как им понять, если Церковь сама не хочет идти к ним навстречу и держится за свой церковнославянский, как за какой-то спасительный якорь? Конечно, когда стоишь на якоре, невозможно наткнуться на мель или на подводные скалы, но и плыть к цели невозможно.

Вот, я прочитала, как вас осуждают за то, что у вас «выгоняют» из храма после литургии оглашенных, не только оглашенных, но и верных не причащающихся, и двери прикрывают. Как вы правы! Много ли из тех, которые крещены, действительно верных? <...>

Знаете, я за мою недолгую жизнь в Церкви уже была свидетельницей многого такого, чего в Церкви Христовой быть не должно, я же не могу закрывать глаза на все это и не рассуждать ни о чем. Я знаю некоторых людей православных, но даже с ними говорить об изменениях, в которых нуждается церковь, об обновлении невозможно. Они меня сразу осудят за гордыню и недостаток смирения. (По-моему, у нас то, что не хотят принять, сразу рассматривают как гордыню, как прелесть и бесовское наваждение.) Так же, как и невозможно мне сказать тем, с которыми я пою: «Знаете, братья и сестры, давайте с вами соберемся где-нибудь и поговорим о нашей вере, о нашем Господе, о Его Учении, поделимся своими знаниями о христианстве, обсудим какую-нибудь книгу, или просто почитаем Писание по-русски». Это невозможно, потому что мы все так далеки друг от друга, как будто у нас нет ничего общего. И я думаю, если бы я так сказала им, они бы мне сказали: «Неужели тебе недостаточно того, что ты слышишь в храме?» Знаете, отец Георгий, мне очень горько было понять, что у нас в хоре поют люди, которые ходят сюда, как на обычную работу. Конечно, не все, это по людям видно. Нет, я не хочу себя противопоставить всем, и пишу это не для того, чтобы показать, какая я духовная и истинная христианка, а другие — не истинные. Может, они намного истиннее меня. Но я хочу показать во всем этом, что узкие рамки богослужения не дают людям ощутить действительное единство во Христе, действительно почувствовать, что мы — братья и сестры. Уверена, что многие, приходящие в Церковь, хотели бы найти в ней это, но не находят.

Итак, я, будучи в Церкви, посещаю богослужение, имею знакомых православных христиан, пою в хоре, приступаю к таинствам, хожу на лекции, даже неделю прожила паломницей в одном монастыре, и при всем этом я очень одинока, наверное, многие первое время чувствуют это одиночество, такую отчужденность при видимом единстве, а потом просто уходят в себя, и думают, что так и надо. Но надо как-то по-иному.

Если бы я жила в Москве, я пришла бы к Вам в храм.

Прошу Вас, устройте как-нибудь так, чтобы мне связаться с теми православными, которые поддерживают Вас. Может, есть у Вас единомышленники в Петербурге? А если нет, может, кто-то из вашего братства не откажется переписываться со мною? Для меня было бы большой радостью вступить в переписку или встретиться.

Прошу Вас, помолитесь о грешной рабе Божией Наталье. А я буду молиться о Вас и о тех, кто с Вами, чтобы нам во всем творить волю нашего Господа.

Христос Воскресе!

1 июня 1997 г.